

АПАМЕЙК: СТРЕЛА СУДЬБЫ

АНАБЕЛЛА САММЕРС

Меня всегда радовал привычный уклад жизни, хотя никто из нас не знал, что находится за пределами поселения. Но с появлением предзнаменований пророчества стало беспокойно. Кто решил вторгнуться в мой дом, и чем это нам грозит? Разве я должна доверять какому-то чужаку, просто потому что он мне понравился?

Меня зовут Алатея Гал, и я во что бы то ни стало защищу свою родину.

Аламейк: Стрела Судьбы
Анабелла Саммерс

Глава 1

Никто не говорил, что будет легко. Никто не говорил, что будет невообразимо трудно. Все просто это знали. Не обязательно было произносить что-то вслух, потому что за всё время пребывания людей в нашем поселении, им удалось выработать некий негласный, невербальный способ общения. Хватало одного лишь взгляда, кивка или грустной улыбки. Так мы всегда справлялись с трудностями. Вслух всегда говорилось о мелочах, о чём-то несерьезном и приятном. Дескать, у нас все хорошо, посмотрите, у каждого из нас есть цель в жизни и место в обществе: чем богаты, тем и рады.

Разговаривает в основном молодежь. Взрослые никогда не осуждают нас, потому что на своем опыте убедились — привычка молчать вырабатывается годами. За ужином чаще всего говорится: «Передайте, пожалуйста, миску». Так родители создают видимость нормальности. Или, по крайней мере, очень стараются. Молимся мы про себя, хотя, наверное, молится лишь мой младший брат Тигра. Я всегда смотрела на его усердный шепот и на отстраненные взгляды родителей, и самая первая начинала есть. Часто хотелось спросить: «Кому ты молишься, малыш? Тебя все равно никто не услышит», однако какое право я имею портить ему сказку. Дети верят в это благоговейно, также как в Короля Фестиваля, приносящего подарки, и наше спасение. Хотелось бы, чтобы именно дети стали нашим спасением. Каждое ли поколение думало так же, как и я?

Сам Тигра называет себя «верителем». Ему кажется, что это очень почтительный статус. В рядах пятилетних малышей, скорее всего, так и думают. В конце концов, это, к сожалению, пройдет. Я имею в виду, «верительство». Детям еще разрешают много разговаривать в начальной школе, их как-то нужно учить читать и писать, считать и рассуждать. В средней и старшей школе учитель больше выполняет функцию блюстителя порядка, пока ученики сами читают и пишут короткие работы по пройденному материалу.

Все боятся быть услышанными.

Меня часто оставляют присматривать за малышами, в качестве награды за усердный труд. Папа иногда в шутку спрашивает, кончится ли у меня когда-нибудь заряд батареек. У нас между прочим даже есть парочка. Дедушкин трофей с раскопок. Я очень рада тому, что у меня много сил и энергии. У нас легко найти этому применение.

В поле, например, работают все: от мала до велика. И если нам удастся перекинуться парой слов — то это уже большая удача. Никому не хочется поймать на себе сочувствующий взгляд бабушки Роаны (Это бабушка Ника, но почему-то все называют её бабушкой). Работа почти всегда длится долго, и само собой в голову лезут разные мысли: мне уже не нужно думать о разных техниках полевых работ (или любых других), я все делаю автоматически. Именно поэтому я вкладываю всю свою энергию в работу — так я отгоняю отвлекающие от обыденной жизни вопросы. Очень помогает навык моментального засыпания и быстрого забывания снов. Мне всё это не нужно. Никому это не нужно.

Все боятся много думать.

Однако малыши часто невольно заставляют меня делать обратное. Они не могут не задавать вопросы, они не могут молчать, они ничего не боятся. Каждый раз игра в обычную настолку или крокодила оборачивается расспросами о картинках в старых облезлых журналах, которым место в музее. Расспросами о том, почему им нельзя ходить, где вздумается, даже в пределах поселения. Самое обидное для меня то, что я сама зачастую не

знаю ответов на их вопросы. А кто-то знает.

На большие городские праздники мы готовим еду в электрических печах. Так получается намного больше еды, намного быстрее и удобнее. Ветряные мельницы подключены напрямую к печам, но долго работать они не могут: у нас нет ни идеальной проводки, ни хороших мастеров. Однажды подготовка к фестивалю закончилась пожаром, поэтому электричество теперь мы тратим только в особых случаях. В старых книгах и газетах можно прочитать о том, что люди раньше использовали электричество для всего, не только для приготовления пищи! Подумать только, существовали переносные аппараты для коммуникации, тонкие печатные машинки и даже электрические зубные щетки!

Поговаривают, что где-то в городских тайниках находится сундук (или колба, или сейф, или шкатулка — вследствие игры в испорченный телефон часто теряется истинная информация), в котором хранится «что-то» для чрезвычайных ситуаций, таких как нападение, катаклизм...И у каждого жителя существует своя теория на этот счёт. Кто-то считает, что там хранится бесконечный запас батареек (чем они-то могли бы помочь?), кто-то, что оружие массового поражения. Как ни странно, большинство придерживается самой бредовой, бессмысленной и трагической теории: магия. Люди давно плавно начинают сходить с ума...и это кажется совершенно нормальным следствием нашей жизни — вера в сверхъестественное. Нам позволено верить во что угодно, ведь мы не знаем ничего! Удивительный сундук, который поможет нам в случае...нападения?

Когда я все-таки размышляю, то размышляю о том, что мы одни. Что там, за куполом ничего нет. Пустота, разруха, ад? Возможно, мы единственные выжившие после чего-то страшного, что погубило человечество. Возможно, мы находимся в некоем подобии библейского ковчега. Возможно, мы совсем не люди, а искусственные интеллекты, за которыми наблюдают, как за животными в зоопарке. Или мы на самом деле являемся людьми, но с какой-то целью нас изолировали от целого мира. Если он вообще есть.

Как быть на сто процентов уверенными, что все написанное в оставшихся у нас книгах, правда? Ведь их мог написать кто угодно, чтобы мы думали, что так и было. Об этом любит говорить Тигра. Частенько он приходит ко мне в кровать, потому что боится спать один, и иногда мы часами обсуждаем устройство поселения. Он слишком любознательный для мальчика его возраста и слишком недоверчивый. Он верит во что-то, чего не может увидеть своими глазами, в некоего Бога, в удивительный мир за стеной, но он не доверяет даже нашим жителям и сотням картинок в библиотеке. Он верит в тот мир, который, скорее всего, создал сам для себя. Ему там спокойно и уютно.

— Хочешь, я покажу его тебе?

— Что покажешь, Тигра? — Он приподнялся на кровати и положил руки на колени.

— Тот мир! За стеной!

— Тише, Тигра, всех разбудишь! Ты не сможешь мне ничего показать, при всем желании... — Мальчик надулся от обиды, но тут же остыл, как обычно бывает у детей, пододвинулся ко мне и прикрыл мне веки своими маленькими ручонками.

— Лежи и слушай. Где-то на границе есть невидимая дверь. Вход внутрь сторожит большой пёс, лабрадор...

— Лабрадор.

— Да-да, лабрадор, не перебивай! Он такой песочный и шерсть у него пушистая. Ты даешь ему косточку, а он открывает ту самую дверь. И тыходишь в лес. Настоящий, зеленый... с белочками в дуплах и зайчиками в норах. А потом тыходишь до большого

города, где есть все-все, а дома там есть и большие и маленькие, но обязательно с красной крышей, и в каждом доме есть собака! А в парках на лавочках лежат котики. А еще там есть кафе, знаешь, там можно съесть самое вкусное пирожное, шоколадное с кокосовой стружкой и...бананами! Слышишь? А после пирожного ты идешь еще быстрее и доходишь до пляжа! Там ногам так мягко и тепло, а потом море. Оно такое живое и шевелится, мокрое и теплое, и чудесное! И вот.

Тигра аккуратно убрал руки с моих глаз. Я села на кровати, взяла его руки в свои и поняла, что его ладошки были влажными. Значит, я плакала. Наскоро вытерев их кончиком пледа, я потрепала братика по голове и, притянув к себе, положила рядышком, накрыла пледом и прошептала:

— Это отличный мир, Тигра. Спокойной ночи.

Сильно впечатлившись своим собственным рассказом, мальчик сразу же погрузился в крепкую дрему, даже не прошептав на ночь молитву, а я могла лишь надеяться, что снится ему тот самый, придуманный им, собранный по крупицам из мифов и сказок, мир. Сама же я, к своему несчастью, почти до рассвета думала о том, бывают ли все эти многочисленные породы собак, виды деревьев, существуют ли бананы, и если да, то каковы они на вкус и почему их всегда описывают именно вместе с шоколадом? Кокосы и пляж? Разве это не чья-то выдумка?

У нас есть пара колодцев и маленькое озеро. И там всегда есть вода.

Значит ли это, что где-то там есть море?

Может быть, Тигра все-таки в чем-то прав?

Я беру в руку, выдавшую множество таких же рук шариковую ручку, и заменяю в ней пасту. У нас в подвале хранится много нужных вещей про запас, но стержней для ручек почти дефицит. В избытке, честно говоря, нет ничего. Дядя Мортон делает бумагу на станке, поэтому бумага есть у всех. Она тёмная, в ней часто попадаются необработанные крупинки, и из-за этого ручка прекращает писать, но ведь это бумага. Я думаю, *а что* писали мои родственники этой самой ручкой? Делали заметки для работы? Расточительство. Писали любовные письма? Такое бывает только в книгах. Учились? Больше похоже на правду.

Каждый вечер я стараюсь записывать хотя бы парочку своих мыслей. Знаю, что у меня никогда не выйдет так красноречиво, как у всяких там Диккенсов, Достоевских и Роулинг, кем бы они ни были, но я пишу. Если совсем устаю за работой, то это небольшие заметки. Если я оказываюсь более или менее свободна, то стараюсь писать...красиво. Я действительно мало говорю, в отличие от моих сверстников. Не люблю пустой болтовни, да и вряд ли я смогу умело поддержать разговор. Да уж, собеседник из меня никакой, это и ценят взрослые. Думаете, я рано повзрослела? Нет, я всегда была такой.

Зачем я это делаю? Зачем каждый вечер отгибаю кусочек линолеума за платяным шкафом и достаю из углубления в полу сшитые серые, уже старательно исписанные листы, и ставшую моей собственной драгоценностью, ручку? Думаю, прочитав изрядное количество библиотечных книг, я поняла, какую книгу мне бы хотелось, наконец, прочитать. Естественно, не найдя ее там. Книгу о нас. О таких же простых людях, оказавшихся в похожей ситуации. Я читала о войнах и оккупациях, о спрятанных райских уголках и сказочных вселенных с волшебными школами. Но ни в одной из этих книг не были описаны люди, живущие в поселении без названия, без входа и выхода, без знания самих себя и мира. Мои люди. Моя семья. Я.

Так что (возможно), когда-нибудь мы выберемся из дома. Может быть, найдем новый. И точно такие же люди, как мы, живущие в поселении без названия, без входа и выхода, прочитают мои записи и найдут ту, ярко освещенную электрическими фонарями, дорогу, которая снится всем без исключения, но о которой никто не говорит.

Чтобы вы немного понимали, каким воздухом дышим мы, я проведу вам краткий экскурс в историю и жизнь нашего поселения (отныне буду называть его городом N, потому что какой-то писатель в одной из прочитанных мною книг так и сделал: на мой взгляд, получилось эффектно и загадочно). В городе N нет изъеденных сединой старцев, готовых часами рассказывать у камина истории о былых временах.

Жители не отличаются сказочной продолжительностью жизни. Обычно люди доживают лет до семидесяти. И, как говорит Тигра, уплывают в невидимых лодках в чудесную страну. Мы не знаем, почему наши прадеды ничего не упоминали о том, как попали сюда. Никто не может сказать, что был совсем маленький и ничего не помнит. Никто, кажется, никогда ничего и не знал. И так мы живем уже пять поколений. Мы — пятое поколение. Я — пятое поколение. Не знаю, почему тогда, видимо более ста лет назад, никому не пришло в голову начать вести календарь.

Поэтому отсчет наших дней ведется от Дня Солнцепада, установленного неким Истерией, не оставившим потомства, однако по рассказам, очень любившим порядок во

всем. Таким образом, считая от позднего второго поколения, нашему поселению девяносто семь лет. В реальности же на несколько десятков больше. За все это время у поселения не было одного предводителя, люди выбирали ответственных за ту или иную сферу жизни, путем всеобщего голосования. Чаще всего, после смерти родителей дети перенимают эту обязанность, конкуренция у нас развита слабо. Каждый год переназначаются восемь ответственных: за поле, за животных, за воду, за строительство и ремонт, за еду, за одежду, за детей и обучение, за мусор и похороны.

Без обработки полей нам не выжить. Климат, благо позволяет выращивать много зерна. Зима здесь короткая и не холодная. Большинство жителей работает в поле. Мы используем примитивный плуг, косы, а как сделано все то, что мы видим на картинках в книгах, нам не ведано. Семья Плугов денно и нощно следит за полем, как за самым дорогим сокровищем во вселенной. Также у нас откуда-то всегда были животные. Их не много, но они есть. На праздники нам даже разрешено есть говядину или свинину, чаще курятину. Есть даже несколько коз и овец

У последних, между прочим, очень многофункциональная шерсть. У нас дома есть овечка. Точнее в сарае. Мы всегда звали ее просто — Овечка. Она уже старая, по овечьим меркам, но шерсть у нее самая чудесная. Правда-правда. Также у некоторых семей есть собаки. Судя по тем же картинкам, могу предположить, что такая порода называется «дворовая». У моего друга есть собака. Она безумно добрая. Лошадей в поселении всего пять, что немного затрудняет полевые работы, и все принадлежат Плугам.

Мы все делаем сообща, помогаем друг другу: для этого даже не требуются слова. *Ответственные* за воду приносят и очищают воду для всех. Каждое утро водой наполняется большой чан (резервуар) и через угольный фильтр вода пропускается в другой резервуар (чан) с множеством кранов. За воду отвечает семья Тент.

Сколько мы себя помним, в поселении всегда стояло восемь трехэтажных домов. Кажется, такие должны называться панельными. Они очень унылые и серые, так есть, так было и так будет. Здания безмолвной бетонной стеной окружают единственную отраду наших глаз — площадь. Но об этом чуть позже. Семьи, у которых больше троих детей живут в отдельных одноэтажных домах. И как ни странно, это именно семьи Ответственных. Назовете это неравенством? Но у нас никто это так не назовет. Может быть, подумает, но назвать? Ни за что..

Семья Мастера может починить все, что угодно. Даже его жена и дочери. Они чинят дома, делают мебель и занимаются резьбой по дереву. Тигра мечтает научиться вырезать игрушки. У него в голове роятся сотни идей, но как только он слышит, что для этого нужно еще и уметь рубить деревья в лесочке, то его запал сразу же угасает, как факел на восходе. На самом деле смысл не в том, что он еще мал для того, чтобы рубить деревья. Девятилетняя дочь мастера помогает ему рубить деревья. Смысл в том, что Мастер вряд ли будет обучать своему ремеслу сына простого пахаря

Удивительно, но за еду на данный момент отвечает удивительная семья Мороуз, состоящая из двух сестер близняшек. Удивительно потому, что они не являются типичной для нашего понимания семьей. Они следят за работой мальчишек и беременных женщин, именно им они доверяют подготовку и приготовление пищи для всех нас. От помощи они, однако, не отказываются. И даже позволяют помощникам взять несколько больше свежей выпечки. Наш рацион в основном составляют вареные овощи, хлеб, молочные продукты, редко рыба из озера, а еще реже мясо.

В качестве десерта мы едим яблоки. А на праздники умельцы даже выпекают яблочный пирог. Две чудесные яблони растут в самом сердце нашего лесочка и не только радуют жителей свежими фруктами, но и хранят множество секретов. Это излюбленное место влюбленных парочек и сборищ шумных подростков, которые перед видом, казалось бы, обычных деревьев впадают в некий благоговейный транс.

У нас, несомненно, есть лекари. Трудно назвать людей, которые все лечат травами врачами. На не очень обширных полях растут кашелгон и шалфей, крапива и полынь, хвощ и подорожник. В домах лекари выращивают ромашку и мяту, а также некие секретные растения, названия которых для простых жителей являются тайной за семью печатями. И да, болеем мы редко. Не знаю, с чем это связано, но если бы не крепкое телосложение и стойкость к вирусам, если таковые имеются, нас было бы гораздо меньше.

За пошив и ремонт одежды, состоящей в основном из льна и хлопка, произрастающих на полях, редкого меха и овечьей шерсти, отвечает семья Элей. Мы все носим простые штаны и футболки с длинным или коротким рукавом. Праздничные наряды передаются от матери к дочери и от отца к сыну: мое праздничное платье, например, красное с белыми бусинами на поясе и лифе, мама носила его до свадьбы. Также, мужчины семьи Эль делают для нас простую кожаную обувь из старых запасов материалов

Детям разрешено не носить обувь, в целях экономии, что им доставляет огромную радость (но опять же, не Тигре, так как он считает, что это невоспитанно, грубо и по-деревенски). Каждый сам стирает свою одежду и отвечает за мелкую починку. Естественно в поле мы работаем не в той же самой одежде, что ходим в свободное время.

У каждой семьи есть секретная одежда, в которой мы красуемся только перед зеркалом. Потому что ни в коем случае нельзя вызвать в ком-либо чувства зависти. Лет десять назад я нашла в подвале старую куртку из неизвестной мне ткани и отнесла ее маме. Она очень обрадовалась и сказала, что не видела этой куртки много лет. Это куртка одной из моих прародительниц и сделана она из джинсы. На рукавах куртки есть нашивки с надписями POP и WOW, а на нагрудном кармане, словно золотыми нитками, вышита стрела. Теперь же эта куртка мне как раз, немного велика в плечах, но отлично сидит.

И я все равно никогда не смогу ее надеть нигде, кроме дома. Я знаю, что у многих семей есть такая одежда, например, у Брены, моей хорошей подруги дома есть удивительная обувь, которая называется "кеды". Эта обувь даже подходит ей по размеру, подумать только! А у Скалы, нашего общего друга, дома есть мужская рубашка в синюю клетку и пара разноцветных футболок. Но мы все одинаковы, никто не лучше или хуже. Поэтому эти вещи просто остаются висеть в шкафу на самых лучших вешалках, как напоминание о тех восхитительных жизнях, что возможно были у людей до нас.

За обучение ответственно несколько людей из разных семей, но в строгом порядке всё держат Менторы. С годами, мои уставшие от нудных уроков друзья стали задаваться вопросом: «Зачем нам нужна школа с множеством различных дисциплин, если, по сути, мы просто выживаем?». С какой-то стороны, они правы. Читать учебники по химии или высшей математике совершенно бессмысленно, если ты не сможешь применить эти знания на практике. Нам хватило бы научиться читать, писать и считать для жизни в поселении. Но я все равно бы не смогла пройти мимо того изобилия книг, которые у нас есть.

Мне все равно, что читать. Даже если я не буду понимать большей части текста, диковинные слова, типа "синхрофазотрон" или "метаболическое изменение", я все равно продолжу чтение и запомню эти ничего не значащие для меня фразы. Единственной вещью,

которая всегда меня смущала, является отсутствие книг по истории. По какой-либо вообще истории. Любой. Любого государства. Вы спросите, откуда я вообще взяла это понятие, но в художественной литературе оно упоминается постоянно. Да большинство книг вообще написано на основе происходивших когда-то событий! Почему же у нас нет таких книг?

Школа находится в деревянной пристройке к зданию библиотеки. И пусть она не выглядит также величественно, зато она очень теплая и, что самое важное, не приходится далеко носить учебники. Обычный урок проходит так: в течение часа мы читаем главу из учебника и делаем пометки карандашом на листах. Учебников на всех не хватает, поэтому часто мы читаем тексты втроем, а иногда вчетвером. После прочтения нам дается полчаса на краткое воспроизведение прочитанного на тех же листах (с обратной стороны). После чего мы отдыхаем полчаса и идем на другую дисциплину. В школах мы учимся с шести до восемнадцати лет. До пятнадцати дети вынуждены слушать всего по одной дисциплине каждый день, без выходных, конечно. С пятнадцати лет дети мучаются от двух или даже трех разных предметов в день. А потом идут работать.

В центре площади — нашей гордости и улады для глаз, вымощенной утонченными бетонными плитами с надписями предположительно на латыни (у нас есть книги на латыни, но нет ни словарей, ни учебников), обрамленными брусчаткой, высится самое высокое здание в городе — библиотека. Здание выглядит, как собор в романском стиле с башенкой и единственно верными часами.

Чудовищно толстые резные двери как бы утоплены в множество возвышающихся арок. Вход также охраняют шесть колонн, в камень которых, казалось бы, заточены шесть смиренно принявших свою судьбу существ: длинноволосый юноша с рыбьим хвостом, сложивший крылья ящер, в позе сторожевого пса, стоящий на дыбах конь с рогом, худой мужчина с острыми ушами, закутавшийся в плащ, крылатая девушка, лицо которой скрывает капюшон мантии и удивительной красоты птица, которая кажется самой живой из всех них.

На массивных скульптурах умелыми руками загадочных мастеров из такого туманного прошлого были высечены самые мелкие детали, например, чешуя и узоры на крыльях. Возможно, эти изваяния чувствуют себя живее живых. Они так выглядят.

Библиотека всегда была порталом в другие миры. В те, которые я бы хотела, могли быть за нашими границами. И тут, наверное, следует немного рассказать об этих самых границах. На площади стоят палатки-прилавки, на которых та или иная семья выставляет свои труды. Здесь мы можем обмениваться товарами, ведь у нас нет денег: они нам не нужны.

Допустим, твоя футболка очень быстро пришла в негодность при довольно-таки таинственных обстоятельствах (так Тони пытался достать нам немного яблок и свалился с одной из яблонь: родителям мы сказали, что произошел небольшой инцидент на рыбалке), ты можешь приобрести новую взамен на игрушку, которую сделал сам или на толстую тетрадь. Вокруг площади стоят те самые серые трёхэтажки, унылой крепостью охраняющие нашу башню. Сразу за небольшими воротами находится озеро, обрамленное по правую сторону частью полей. Обширные поля увенчивает аккуратный небольшой лесок.

На пустошах поля в рассыпную построены отдельные домики. Два из них находятся на небольших пригорках, с которых открывается волшебный вид почти на всё поселение. А домики эти — из каменной кладки, с резными ставнями и соломенными крышами, открыты для жителей двадцать четыре часа семь дней в неделю. Мы не чувствуем себя хуже, оттого, что живем в «глыбах». У всего есть свои преимущества.

Теперь вы более или менее представляете мой мир. Но самое странное — не вся наша

жизнь. А то, что мы не видим ничего за тем лесом, полями или пригорком. Как только кто-либо из нас пытается достичь конца поля или конца леса, то понимает, что топчется на месте: туман как бы застигает путь, пелена предстаёт перед глазами, а ты понимаешь, что не сдвинулся ни на шаг. И нет ни одной такой точки во всем городе N, в которой при попытке уйти, тебя бы не настигало чувство... фрустрации. Именно так. И да, я знаю значение этого слова.

Мне кажется, что скоро встанет солнце. Поэтому я постараюсь предельно кратко рассказать об еще одной, немаловажной части нашего существования. Семья Спленов. Вероятно, вы уже поняли, что я не описала... грязь и смерть. По другую сторону от полей и прочих прелестей природы, на приличном расстоянии от площади находится мусорная яма, скрытая толстым железным забором. Сплены старшие ежедневно сжигают весь мусор, который мы собираем. В основном это остатки от еды и следствия уборки, старая трава и отходы производства.

В подвале библиотеки находится склеп. Звучит весьма прозаично, но иначе тут не скажешь. Нам негде хоронить умерших, поэтому мы их... кажется так, кремируем. Ну, не мы, а Сплены. Пепел хранится в склепе в глиняных урнах. На деревянных полках, висящих в многочисленных рядах, хранятся сотни таких урн. Мы не заходим туда намеренно, мы не разговариваем с усопшими, как это странно описывается в книгах. Члены семьи спускаются в эту мертвецки холодную камеру только чтобы оставить там урну с прахом на веки вечные. Я была там два раза.

Урны бабушки и дедушки стоят рядом. Словно это было вчера: помню ту нереально низкую температуру, от которой изо рта идет пар, от которой кажется, что не только ты сам, но и все твоё нутро покрывается все более толстой коркой мертвого льда. Мы храним запасы в более холодных местах, подвалах. Но этот склеп никогда нельзя было назвать подвалом. По выражению «адский холод» я бы скорее назвала это место адом. Если таковой имеется.

Я не знаю другой жизни. Я знаю упоминания других жизней, чьи-то слова, чьи-то мысли, чьи-то желания и мечты. А еще я знаю свои собственные. Как бы сильно мне не хотелось узнать правду о поселении, я все же никогда не буду готова потерять свой мир. Все то, что я имею сейчас.

У каждого в городе N есть своя работа, свои обязанности. И никто от них не отлынивает. Даже молодежь каждый день живет с девизом: «Делу — время, потехе — час!».

И, кажется, у меня еще есть час на сон. Я понимаю, что завтра буду немного заторможенной на уроках и в поле, зато я описала все, что хотела. Завтрак в поселении начинается с половины седьмого утра, люди обычно просыпаются в пять, чтобы сделать нужные дела по дому (Кроме сестёр Мороуз и их помощников, они встают в четыре утра). Может быть, мне удастся поспать до шести часов, если Тигра не придёт меня будить. Я вновь отогну кусочек линолеума за платяным шкафом и положу внутрь углубления в полу сшитые серые, еще более исписанные листы, и ставшую моей собственной драгоценностью, ручку. И я продолжу завтра.

Я проснулась в половину шестого и долгое время рассматривала трещины в потолке. Конечно же, спустя некоторое время Тигра с криком «Омлет!» вбежал в мою небольшую комнату и стал прыгать на кровати, как взбесившийся щенок. Четверг, подумала я. По четвергам мы всегда едим омлет на завтрак. А еще я подумала о том, что моя выдавшая виды кровать с пружинным основанием скоро перестанет выполнять свою первоочередную функцию.

— Теа, ну же, вставай! Отец уже принёс воды! Я буду ждать тебя внизу на лавочке! Омле-е-е-т! — Сорванец спрыгнул с кровати и молниеносно выбежал из комнаты. Его взъерошенные русые волосы напоминали гриву льва, а большие зеленые глаза всегда сверкают ярче, чем свежие травинки, омытые утренней росой.

Я тут же встала, застелила кровать и достала из шкафа школьную одежду: укороченные льняные штаны и футболку с длинным рукавом в тон. В небольшой ванной комнате стоит некое подобие ванной — большой чугунный таз. Он всегда там был. Рядом на крепкой деревянной лавке стояли несколько ведер с уже нагретой водой. Я быстро приняла душ с ромашковым мылом и наспех ополоснула волосы: на улице снова тепло, они быстро высохнут. Из небольшого квадратного зеркала над ручным умывальником на меня смотрела высокая и крепкая девушка, совершенно обычная и неприметная

У меня нет густых волос, как у Тигры, они тонкие и прямые, чуть ниже линии подбородка, чтобы не мешали при работе. Хотя цвет такой же. У меня нет ярких зеленых папиных глаз, у меня мамины глаза — темно-карие. Мои скулы немного широкие, а губы тонкие, зато нос прямой и правильной формы, и брови не срастаются, как у Дивы Низо. А еще у меня хорошая кожа, и я даже не пользуюсь травяными отварами. Вот она — я.

А еще вы, возможно, могли подумать, что мои укороченные брюки — дань какой-либо из существовавших мод, но нет. Я просто несколько выше других семнадцатилетних девушек. Вот она — я.

Получилось несколько эгоцентрично. Поэтому разбавлю описание своей внешности описанием родителей. Папа очень хорошо дружит с Плугом старшим. Поэтому папа считается ответственным за выращивание овощей. Мама очень не любит работу в поле, поэтому с юности помогает Руте Нит в плетении тканей и пошиве простой одежды. Они еще достаточно молоды и сильны, у них хорошо получается выполнять свою работу, работу по дому и превосходно молчать ради всеобщего блага.

Я умыла лицо холодной, оставшейся еще со вчерашнего дня в умывальнике, водой. Я читала во многих книгах, что какой-то напиток под названием «кофе» помогает взбодриться. Сейчас бы мне не помешала чашечка чего-то такого. Но и стакан мятного чая за завтраком пришелся бы как нельзя кстати.

Спустившись со второго этажа вниз, я увидела, как сидя на скамейке, Тигра разглядывает облака. Он заметил меня: я кивком показала в сторону поля, где раздавали еду.

— Теа, посмотри только, как быстро бегут эти облака! Я такого никогда не видел.

— Нам надо взять омлет на всех, маленький ротозей, — тихо сказала я и приобняла братишку.

Вприпрыжку, направляясь через площадь к дому сестер Мороуз, Тигра всерьез и вслух обдумывал различные теории, касательно сегодняшнего ветра. Я была удивлена тому, что на

улице действительно дул ветер и уже несколько пожалела о своих мокрых волосах.

— Я где-то читал, что ветер дует к переменам. К переменам в климате или в жизни. Как думаешь, Теа, какие перемены будут у нас? — Я смогла лишь пожать плечами, но Тигру это не удовлетворило, и он нахмурил брови.

— Я не знаю, Тигра, не знаю.

У плитки с надписью «*Est in media verum*», как и каждое утро, мы встретились с моими хорошими друзьями Бреной и Скалой. Они всегда выступают в роли рассказчиков, и Тигре очень нравится вступать в их словесные перепалки. Я же всегда остаюсь в роли слушателя. Брена ниже меня ростом и менее крепка, у неё длинные черные волосы и голубые глаза.

Я считаю, что Брена красивая, потому что она яркая и выглядит действительно, как девушка. Когда родители Скалы назвали сына Скалой, они не видели будущего, как ясновидящие, им достаточно было подержать пятикилограммового (или около того, у нас сохранились только примитивные механические весы) младенца на руках. Скала на целую голову выше меня, а по телосложению настоящий богатырь. Он всегда коротко стрижет свои светлые волосы, а еще очень гордится шрамом на левой щеке, который получил при своей первой рубке дерева. Все говорят, что через пару лет Брена и Скала поженятся, потому что они отличная пара.

Но я никогда не замечала между ними никаких «искр» или романтических взглядов. Они могут запросто по-дружески унизить друг друга или подложить в тарелку с супом червяка. Возможно, это и является проявлением симпатии, если честно, я не знаю. Ко мне они относятся с уважением и если и шутят надо мной, то червяка в тарелку с чем-либо не подложат никогда.

— Ты что-то сделала, да? — спросила меня Брена, которая, между прочим, эффектно подвязала волосы красной лентой.

— Сделала с чем?

— С волосами, Ти. Что ты с ними сделала?

— Я просто их не высушила. Не думала, что на улице ветер. Откуда у тебя эта лента? — Брена потупила взгляд, а Скала смеявшийся над чем-то с Тигрой резко перестал смеяться. Я поняла, что Брена не собирается отвечать на мой вопрос.

— Это я нашел ленту в одной из книг. Типа закладки. Подумал, что красное на чёрном будет хорошо смотреться, — Скала засунул руки в карманы. Я закусил губу и в тот же момент поняла, что люди все это время говорили правду. Они видели то, чего я никогда не замечала.

— Модельер, ха? — Вместо того, чтобы обозлиться на, в сущности, ни на что, я решила обратить ситуацию в шутку.

— Кто модельер? — не понял шутки Скала. Брена поймала на себе мой взгляд и искренне расхохоталась. Я подхватила.

— Красное на черном! Умора! — хохотала Брена. Я почувствовала кожей рук еще один порыв ветра и перестала вторить подруге.

— Тебя же все равно заставят её снять, — удивилась я. Брена улыбнулась одной из своих фирменных лисьих улыбок.

— Не заставят, если узнают, откуда она у меня.

— Что ты имеешь в виду? — последовала короткая пауза.

— Теа, ну ты что, совсем ничего не понимаешь? — Вмешался умный не по годам

Тигра. — Если взрослые поймут, что Скала подарил Брене ленту, они подумают, что это такой знак внимания. Да все итак их уже поженили!

— Тигра! — Воскликнула я. — Они же стоят прямо здесь, видишь?

От трудного придумывания каких-нибудь корявых ответов смущенных ребят спасло только то, что мы подошли к дому сестер Мороуз, где уже давно началась раздача завтрака. Мы встали в одну из нескольких очередей. Люди, конечно же, в большинстве своём молчали.

Получать завтрак для всей семьи всегда ходит один член семьи, максимум двое, чтобы на улице не было... Вавилонского столпотворения. Чаще всего это дети и подростки, у которых по утрам дел оказывается не так много, как у взрослых членов общества. Мы шёпотом обсудили, что на завтрак кроме омлета дают еще и свежие булочки с маслом.

Кивками мы решили, что остальные вопросы, если они, конечно же, были, обсудим позже: никому не хотелось получить осуждающий взгляд отца Кукольницы Сьюзан или Хромого Нила. Очередь всегда двигалась быстро, слаженная работа также была отличительной чертой сестёр. Я не переставала ощущать на открытых участках кожи прохладу, это не то чтобы пугало меня, скорее немного удивляло.

Тигра очень любит рассматривать наши, как мы их называем, «коттеджи». Он прекрасно понимает, что хоть их двери и открыты для каждого жителя в любую нужную минуту, они все равно принадлежат тем, кто в них живет. Я разделяю его мнение. Вместе с тем мне очень нравятся резные ставни на окнах — в них нет стекол, как в наших серых глыбах, есть только ставни.

Орнамент на них вырезан незатейливо, почти на всех слоями сходит облупившаяся зеленая краска. Никто не знает, кем они были покрашены, с какой целью и почему именно зеленой краской (я склоняюсь к мнению, что никакой другой краски у людей просто не было, потому что сейчас у нас красок нет вообще). Но именно от этих ставен веет сногшибательным духом старины и истории. Если бы мы только её знали.

Завтрак каждому подают в больших глиняных мисках, в которые влезает около четырех нормальных порций. Мужские порции, порции выздоравливающих и беременных обычно немного больше. Совершенно логично. Мне и моим друзьям сегодня посчастливилось перекинуться парой слов с Флорой Ив, которая в детстве была простой Флорой. Она старше нас на пять лет и, я до сих пор помню, как она учила меня названиям трав и растений, плела красивые венки, и даже играла со мной и Бреной в лесных нимф около озера. Теперь же Флора стояла совсем рядом и с довольной улыбкой передавала жителям их долгожданный завтрак: в ее глазах я еще могла увидеть старую добрую лесную нимфу. Однако синяки под ними говорили о больших переменах, ведь Флора в скором времени станет матерью.

— Доброе утро, ребята! — просияла девушка. Почти весь день она готовит еду и не выходит за пределы кухонь. Мы не встречаем её ни в поле, ни даже мельком на улице. Интересно, пронеслась ли у нее в мыслях та полоса воспоминаний, которая пронеслась в моей голове?

— Флора, отлично выглядишь! — ответила Брена. — Ты прямо сияешь, и я уверена, что дело в малыше! — Скала уверенно закивал, а мы с Тигрой недоверчиво переглянулись. Я, конечно, знала, что на многих беременность влияет именно так, но не могла сказать этого о Флоре, которая выглядела, мягко говоря, изможденной.

— Спасибо, Брена. Так чудесно увидеть вас после долгого времени! Жаль, что мы не сможем подольше поговорить, иначе выбьемся из графика.

— Зато никто не запрещает тебе говорить, потому что тебе теперь можно. Они, кажется,

называют это одним странным словом. Гормоны. — Маленький профессор Тигра снова оказался очень доволен собой.

— Неужели это ты, Тигра? — искренне удивилась Флора. — Последний раз, когда я тебя видела, ты был совсем малышом и читал книжки с картинками!

— Теперь я повысил свою квалификацию и читаю книжки уже и без картинок, — мы все переглянулись и засмеялись.

— В любом случае, была рада вас видеть! — Флора передала миску сначала Брене, потом Скале, и неожиданно для всех нас — Тигре. — Неси осторожно, Здоровяк!

Тигра, окрыленный такой ответственностью, сгибающийся под тяжестью еды, прошёл что-то около полутора метров, прежде чем я забрала у него горячую емкость. Когда я оглянулась, Флора уже продолжала передавать миски следующим в очереди. Брена заговорила первой:

— По-моему Тигра прав насчет гормонов! Она даже не посмотрела на тебя, Ти. Уж кто-кто, а Флора знает, как ты неразговорчива! Странно, а?

— Возможно, она просто тебя не заметила, — вступил в разговор Скала. Его глаза блуждали от моей миски к миске Брены, казалось, парень действительно страдал от того, что не может помочь нам нести завтрак. Омлет был настолько горячим, что масло на булочках уже давно превратилось в жирные жёлтые пятнышки, растекшиеся по еде. К тому же, нам было не привыкать носить тяжести. Но что-то в нем поменялось в это утро.

— Да как же, ты серьезно? Теа выше меня, умник! Тем более она разговаривала с Тигрой, который без сопровождения сестры почти никуда не ходит. А еще, вы заметили, что раньше она никогда не стояла на выдаче еды? Говорю же...

Пребывая в некой прострации, я сначала подумала, что подруга закончила свой обвинительный монолог: мало ли, что могло случиться у Флоры. Но нет. Ее реплику прервал жуткий вопль, доносящийся откуда-то со стороны леса. Мне показалось, что облака стали нестись по небу с необычайной скоростью, а в голове начали рождаться ужасные картины, как, например, в работах Яна Матейки. Я никогда прежде не слышала, чтобы люди так кричали: агония ли, шок ли, кому принадлежит этот душтревожающий крик?

Скала не мешкая положил миску на землю: мы успели только спуститься с холма. Брена и я последовали его примеру и вместе с десятками жителей, кинувших свой завтрак остывать, побежали прямо к лесу. Где-то вдалеке люди бежали прямо через поля, топча урожай, опрокидывая самодельные орошающие системы. Крик с перерывами в несколько секунд продолжал эхом раздаваться по поселению: я тут же подумала, откуда в застроенном и заселенном месте может слышаться эхо?

Люди, следом за которыми бежали мы, понимали, что не успеют прибежать раньше тех, кто решил срезать путь через поля, бежали в обход.

— Тигра, не беги за нами, слышишь? — я заметила, как тяжело стал дышать братик и посадила его на небольшой валун на обочине кукурузного поля. — Если ты очень хочешь помочь, отдышись и иди за нами помедленнее, хорошо? Я буду ждать тебя в лесу. — Тигра кивнул и остался отдыхать. Я знала, что через пару минут, если повезет, он помчится в лес, возможно, думая, что сумеет прибежать быстрее меня. Он всегда хочет помочь.

Поравнявшись с ребятами, я начала замечать восклицания жителей. Бежали все те, кто еще не успел сесть завтракать, те, кто уже начал работу в поле. Люди задавали друг другу вопросы, они что-то вскрикивали, они общались. Это были не только дети и подростки, это были взрослые и даже старики, которым часто приходилось останавливаться, чтобы

отдышаться.

Когда мы уже вбежали в лес, крик стал утихать, а всхлипы и оханья стали слышны отчетливее. Наверняка кто-то уже добрался до бедняги, подумала я.

— Говорю же тебе, это кричит мужчина! — сказала какая-то женщина совсем рядом.

— Да что вообще могло случиться в нашем лесу?

— Что могло заставить мужика вопить, как бабу?

— Прекрати, Нард! Ты не знаешь, что могло случиться.

Я продолжала бежать вместе со всеми, не смотря по сторонам. Все время я видела только чьи-то ноги, чьи-то вспотевшие спины и поцарапанные руки. Я и сама изрядно потрепалась: непослушные ветки разорвали правый рукав футболки, из порезов на обеих ладонях проступали капельки крови. Еще через пару густых поворотов, там, где лес становился реже и уже совсем рядом росли знаменитые яблони, наш поток уперся в приличную толпу. Люди повсеместно охали и ахали, прикрывали рот ладонями, машинально хватались за сердце и мотали головами. Кто-то схватил меня за плечо: это был Скала. Он испуганно посмотрел на меня:

— Я нигде не вижу Брену.

— Она точно где-то здесь. Здесь почти всё поселение. Нам нужно пробраться через толпу, сможешь? — я с надеждой взглянула на друга. Ему оставалось только кивнуть. Без клишейных «простите, извините» Скала медленно, но верно протиснулся к началу толпы: я следовала за ним. Следующее, что я увидела, повергло меня в настоящий шок, как и всех тех, кто сплоченным полукругом, казалось, закрывал случившееся от любопытных взглядов остальных. На земле лежал многолетний дуб с толстым стволом. Он был повален так, что почти отделял одну часть леса от другой: близрастущие кустарники смялись под громадным весом кроны, на открытой земле повсюду валялись раздавленные жёлуди. Рядом с местом спила лежала пара топоров, один больше другого. Плуг старший своими широкими плечами закрывал полный обзор, я могла разглядеть только седую голову Хена Тента и кудрявую шевелюру своего отца.

— Стойте, стойте, не трогайте! Я сказал не подходите! Оставьте меня, черти лесные! А-А-А! — снова прозвучал тот истошный вопль. Совсем близко. Трое мужчин, кажется, послушались этого приказа, и отошли на приличное расстояние. Этого хватило, чтобы и мы со Скалой увидели, что же и с кем произошло..

На земле, беспомощно распластавшись, лежал Спрут Ив, муж Флоры. Его длинные светлые волосы, перевязанные бичевой спутались и загрязнились от струящегося пота и прилипших к ним комков земли. Правая ладонь парня была обагрена кровью, а грудь его вздымалась и опускалась с сумасшедшей скоростью. Поваленное дерево придавило ему ноги: даже на той части, которую можно было увидеть — верхней части бедер, штаны были окрашены в алый.

Я никогда прежде не видела крови в таком количестве. Мы все могли порезать палец, поцарапаться, разбить коленку... но такое... Такой «несчастный случай» за последние семнадцать лет, я уверена, случился впервые

Следующие минут десять, так мне показалось, я просто наблюдала за происходящим, наблюдала за решениями взрослых, за их действиями и очень непростыми выводами.

— Я не знаю. Я просто не знаю, что делать! — Плуг поставил руки на бока и вызывающе оглянул толпу. — Мне сорок четыре года. Сорок четыре! На моей памяти не случалось ничего в таком роде.

— Нам нужно мыслить здраво. — Рассудительным тоном сказал Хен Тент. — Кто-то, точнее, несколько человек должны приподнять ствол с той стороны, где Спрут оказался прижат. Другие несколько человек вытянут его. Потом нужно наложить жгуты чуть выше места сдавливания. А потом...я не знаю, что делать потом. Этого должно хватить *сейчас*.

Спрут продолжал лихорадочно дышать, а его тело содрогалось каждые десять секунд.

Скала зашептал мне прямо в ухо, отчего я поначалу вздрогнула:

— Ему их отрежут, да? Ноги, я имею в виду.

Я не стала отвечать на этот вопрос. Одна мысль о произошедшем приводила меня в ужас, и я машинально закрывала глаза. Но стоило мне только разомкнуть веки, как я понимала: вот она — реальность, здесь не нужно думать о чем-то и что-то представлять, всё это прямо перед тобой.

Мой отец оглянул толпу и громко объявил:

— Нам нужны самые крепкие парни, как можно больше, как можно быстрее! Передайте тем, кто не слышит! Женщин и детей прошу уйти сейчас же! — толпа беспрекословно начала рассеиваться.

— Я же крепкий парень, да, Теа? — спросил меня Скала. Я хотела было ответить, что сейчас не время тешить свое самолюбие, как отец заметил меня. Он не был зол, скорее несколько удивлён:

— Ты, что ты тут делаешь? Еще и на передовой! Вы с матерью и братом должны позавтракать, а потом следовать графику. Школу никто не отменял. А вот ты, Скала, можешь остаться. — Сказал отец, даже не посмотрев на него. — Тигра с тобой?

— И да, и нет. Я оставила его следить за едой. Еще перед полями.

Да, мне пришлось солгать. Я не хотела волновать отца еще больше, на него итак обрушилось много обязанностей всего лишь в последние двадцать минут. Он осмотрел меня, покачал головой и ухмыльнулся своей фирменной ухмылкой: она магическим образом омолаживала его лет на десять:

— Не забудь переодеться, ладно? — Он отошёл к собравшимся рядом "крепким парням": некоторые из них были дровосеками, как Спрут, несколько парней были сыновьями Мастера, остальных же я видела всего пару раз или совсем не знала. Скала был самым молодым из спасательной команды, это точно. Я оставалась единственной девушкой на поляне, за что удостоилась чести получить, по меньшей мере, десять недоумевающих взглядов. Скала снова схватил меня за плечо: если бы вы знали, какой хваткой обладает мой друг, то не спрашивали бы себя, почему я так удивляюсь этому жесту.

— Не волнуйся, я все тебе потом расскажу. И найди Брену, она как-то внезапно исчезла.

Я кивнула и быстрым шагом отправилась к выходу из чащи, пару раз обернувшись. Вскоре мужчины стали лишь маленькими расплывчатыми фигурками, как игрушечные деревянные солдатики Тигры. Где-то в подкорке я чувствовала себя очень неуютно в образовавшейся тишине. Люди без вопросов и пререканий послушались отца и вряд ли дело было в его авторитете, скорее всего, их тоже напугало произошедшее. Дело не в том, что при виде крови большинство из нас падает в обморок, нет. Мы просто не привыкли к чему-то плохому.

Люди почти всегда умирают спокойно, их смерти не предшествуют месяцы или недели жутких болезней, как это описывают в книгах. Они просто уходят. Наши лекари обычно с легкостью справляются с простудами или головной болью. А несчастные случаи — это что-то запредельное. Именно поэтому я шла с благоговейным чувством приближения чего-то

дивного. Я шла одна, без сопровождения Тигры, как обычно, без Брена или Скалы.

На момент мне даже показалось, что я совсем одна в этом забытом всеми месте: купол из разросшихся крон многочисленных деревьев мог спасти меня от любой невзгоды, растения и травы, хаотически населявшие свою земляную планету, могли стать подспорьем в любой ситуации...

Потом я услышала женские крики и всхлипы: в паре метров от меня Брена держала за плечи Флору: та, казалось, бьется в конвульсиях.

— Отпусти меня, Брена, сейчас же! Мне нужно к мужу!

— Перестань, Флора! Никто не пустит беременную женщину к месту несчастного случая! Мысли здраво, ты меня слышишь? Всё будет хорошо, я обещаю. Всё будет хорошо. — Подруга увидела меня как раз в тот момент, когда всхлипывающая Флора крепко её обняла. Брена кивком головы показала мне идти дальше, мол, я справлюсь здесь сама, ступай домой.

Если Скала и Брена, и даже Флора не нуждались во мне, я поспешила найти того, кто никогда не пренебрегал моей помощью — Тигру. На том месте, где я его оставила, мальчика не было. Жители, судя по всему, давно занялись своими ежедневными обязанностями: они снова безмолвно работали в поле или в любом другом месте, за неожиданным исключением — все они ели свой завтрак прямо на рабочем месте, торопливо, руками. Никому не хотелось отставать от графика.

Я нашла Тигру рядом с тремя брошенными на земле мисками завтрака. Он ходил вокруг них и что-то бормотал себе под нос. Заметив меня, он сразу же начал разговор, словно в нём бушевало столько эмоций, сколько он и не смог бы передать даже при всём своём желании.

— Теа, когда я встал с камня, чтобы пойти за тобой, я не смог пройти много. Люди стали направляться к выходу из леса, говорили, что всё под контролем. Лисса Руб сказала, что наш папа всё уладит. Поэтому я решил подождать тебя здесь. Все что-то говорили про какое-то дерево и кровь, а потом резко перестали говорить, как будто их выключили, знаешь, как вилку из розетки вынули. Ты же помнишь, мы читали в той книжке про розетки и про вилки. Почему там было окровавленное дерево? Дерево же не может кричать так вот, как было. Верно?

Я подняла с земли некогда горячую еду и направилась к дому. Удостоверившись в том, что рядом никого нет, я решила все-таки ответить на вопросы брата: он бы всё равно узнал о случившемся, так пусть лучше это буду я, чем какая-то взбалмошная соседка.

— Это был муж Флоры, Спрут. Ты же знаешь, он дровосек. Его придавило дубом. Помнишь тот огромный дуб с желудями в паре полянок от яблонь?

— О! Я понял. Такой хороший дуб был, зачем кому-то его вообще рубить? Он же слишком толстый, Спрут сделал это в одиночку?

— Тигра. Спрут пострадал. — Удивительный ум пятилетнего ребёнка! Он жалеет дерево, с которым, возможно, делил какие-то яркие воспоминания, но не живого человека, которого этот дуб покалечил.

— Ему отрежут ноги? — спросил брат без толики сострадания в голосе.

— Тигра! — я резко остановилась и смерила брата недовольным взглядом. — Не смей при остальных задавать такие вопросы или что хуже, шутить по этому поводу! — Брат виновато улыбнулся и начал кусать губы, как делает всегда, когда нервничает.

— Прости.

— Может быть, Тигра. Будем надеяться, что нет. Ты же прекрасно знаешь...

— Да, Теа, у нас все крепкие и здоровые. А всякие калеки только в книжках бывают. —

Я кивнула и последовала дальше. Мимо мелькали первые серые великаны, и наконец, мы дошли до опустевшей площади. Библиотечные стражники непоколебимо стояли на охране знаний, и, может быть, чьих-то незнаний. И они вряд ли имели хоть малейшее представление о случившемся. Конечно, Теа, они же каменные.

Я посмотрела под ноги и сделала шаг назад, чтобы увидеть надпись на плите. «*Tempora mutantur*». Что бы это могло значить? Два красивых и сильных слова. Они могут значить всё, что угодно. Коровы летают. Девять часов. Мир прекрасен. Все, что угодно.

— Теа, ты чего стоишь? Я кушать хочу, — вернул меня к реальности Тигра.

Дома, конечно же, никого не было. Сначала я положила маме и папе в тарелки рассыпающийся холодный омлет, знатно сдобренный подтаявшим сливочным маслом и холодные жирные булочки. Увидев, какими голодными глазами Тигра смотрит на это подобие завтрака, я положила в его тарелку всё, что осталось в миске.

— Теа, ты положила мне две порции. Ты, наверное, опять задумалась.

— Нет, Тигра, я не голодна. Ты сегодня много бегал и даже носил тяжести. Ты же знаешь, что скорее вырастешь, если будешь хорошо кушать? — Ах, дети с этим неумолимым стремлением стать взрослыми!

— Знаю! Правда, не голодна? А что мы скажем маме? — брат взял вилку и начал жадно поглощать яйца.

— Ничего. Пусть думают, что я поела.

Я умилялась над тем, как кушает мой брат и составляла дальнейший план действий. График, говорят они. Ерунда, говорю я. Отведу Тигру в библиотеку, а сама пойду в школу. Надеюсь, Брена и Скала расскажут мне всё в перерыве. Четверг. Сегодня мы читаем ботанику и сельское хозяйство. Нудно, но нужно. А ещё мы собирались перед работой в поле поесть яблок всем классом. Вряд ли кто теперь захочет идти в лес, поползут слухи, и жители поползут скорее с работы домой.

Я не стала говорить Тигре жевать медленнее, он сам знает, как ему лучше. Должна признать, в некоторых вещах он смыслит даже больше, чем я.

В тазу на кухне еще оставалась теплая вода: я помыла посуду Тигры и ополоснула свою, положив все на сушку. Брат взял свой маленький рюкзак с тетрадью, ручкой и какой-то библиотечной книгой, я тоже взяла свою кожаную папку со школьными принадлежностями, надела вчерашнюю футболку с коротким рукавом и наспех промыла царапины ледяной водой.

Я узнала, сколько времени, только когда мы подошли к библиотеке. Было почти девять часов утра, а занятия обычно начинаются в восемь. Прежде я никогда не опаздывала, было страшно, что ментор сделает мне выговор, может быть негласный, в худшем случае даже словесный.

Правая входная дверь была открыта и придерживалась большим булыжником. Нас, как и каждый день до этого, встретили рогатый конь и остроухий мужчина. Они, также как и почти любой житель поселения, поприветствовали нас молчанием. Сквозь осколочные витражи свода прямо в центр зала восхитительно яркими лучами лился тёплый радужный свет.

Магическое место с неповторимой атмосферой, которой нет ни в одном уголке поселения. По левую и по правую стороны главный зал заставлен высокими деревянными шкапами с книгами, а ближе к центру расположены массивные прямоугольные деревянные столы со старыми креслами.

Там, где в соборе бы располагался алтарь, находился детский манеж из остролиста, обшитый мягкими подушками. Там уже сидели малыши. Я усадила Тигру в кресло напротив одного из столов, пятеро его знакомых ребят уже образовали кучку рядышком и что-то бурно обсуждали. Я знаю, что Тигра любит читать в тишине, а если её не добиться, то хотя бы в одиночестве

Встретившись глазами с младшим ментором Бетой, я потрепала брата по голове и направилась ко входу в пристройку. Краем глаза я заметила, что он вытащил из портфеля книгу — это был «Маленький принц».

Чтобы попасть в школу нужно выйти из главного зала в коридор с правой стороны. Там находятся подсобные помещения для Менторов. Потом нужно повернуть налево, потому что с правой стороны расположен наш маленький музей, и идти прямо, пока не упрёшься в неестественный для романской архитектуры корявый дверной проём с дощатой дверью. За ней и находится школа.

В переходном коридоре стоит несколько лавок и они, на удивление, были заняты моими одноклассниками. Кроме лавок там стоял ужасный гул.

— Теа, ты же там была, да, Теа? — подбежала ко мне всегда растрепанная Марта Луг. — Что там стряслось?

— Менторши еще нет, а всех младших отпустили помогать в поле под надзором взрослых, чтобы не несли всякую ахинею. — Её брат Даг жевал во рту колосинку.

— Вот бы и нам отменили занятия, а! — сказал кто-то сидящий в темноте вдалеке.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы снова привыкнуть ко всем этим людям, как я привыкаю к ним каждый день, а моим глазам также нужно было привыкнуть видеть в темноте.

— Э, да. Я была там. Это Спрут Ив. Ему придавило ноги желудёвым дубом. Остаток разрешили только сильным ребятам. Ну, вы понимаете...

Все прекратили дурачиться и смеяться, сидящие на лавках выпрямились, большинство же, как бы мне не хотелось, уставились прямо на меня. Читая обо всем в книгах, привыкаешь к трагическим моментам и чрезвычайным происшествиям. Казалось бы, кот на дереве, опять кот на дереве. Но кто они вообще, эти коты? Есть ли у них способность забираться на деревья? Или тот же Берлиоз. Очень жаль, что он попал под некий транспорт и умер ужасной смертью, но это всё не то. Все эти горести остаются лишь словами на бумаге, пока ты своими собственными глазами не видишь, не чувствуешь, не переживаешь их.

— С ума сойти! — выкрикнул Ник. Он выделяется из всех нас тем, что когда ему было пятнадцать, одним утром он проснулся как обычно, умылся, оделся и... поседел на половину головы. Тогда же у него появилась какая-то необыкновенная супер сила поднимать всем настроение. — То есть в нашем поселении что-то... произошло?

— Я вам говорю, это не к добру. — Сделала вывод Лиана. — Кстати, Теа, а где Скала и Брена? Не уж то они наконец... вместе? — Самая низкая, но самая проворная, она очень любила заниматься сводничеством. И не только на досуге. Девушка начала хлопать в ладоши.

— Перестань, Ли. Скала — сильный парень, тут все ясно. А Брена, может быть помогает...

— Всем привет! — как раз на слове Костыля (на самом деле его зовут Майло, но почему-то он избрал себе кличку Костыль) «помогает» в коридор вошла Брена.

Со всех сторон на девушку посыпались вопросы о том, где она была, что знает о случившемся, что произошло с желудями, ногами и почему-то омлетом.

— Ребята, я просто долго завтракала! Пыталась разогреть омлет на открытом огне, но не смогла быстро его разжечь, поэтому пришлось есть холодным, а потом еще булочки уронила, а вы знаете, как мой папа реагирует на все связанное с едой, а еще потом соседи побежали на поле и все так быстро происходило, что я совсем забыла о времени... — подруга тараторила без остановки очень долго, умело маскируя своё истинное утро. Она знала, что после пары-тройки обыденных предложений никто её слушать не будет и, пользуясь случаем, отвела меня в сторонку, в самый тёмный угол коридора.

— Я сама мало, что знаю, Ти. Флора была безутешна, я отвела её к сестрам, не домой. Там за ней приглядят, а то, кто знает, что она может сделать в таком состоянии. Остается только ждать Скалу, — я одобрительно кивнула и продолжила ждать Ментора, молча, в отличие от остальных. В скором времени она пришла. Высокая и худосочная, она всегда собирала мышинные волосы в тугий пучок на затылке, настолько тугой, что брови и глаза находились в жутком натяжении. Возможно, с десятилетиями она не представляла себя по-другому, чувство дискомфорта вовсе не ощущалось, однако нам смотреть на неё всегда было по-своему больно. Её зовут Лидия Мо, она живёт со своими старыми родителями и так и не вышла замуж. Трудно судить о том, какой Лидия человек: для меня она всегда была больше машиной, нежели человеком, казалось она не чувствует ничего или с истинным актёрским мастерством это скрывает.

— Старший класс, — Лидия прокашлялась от столь редких реплик, на которые ей всё-таки хватало сил или храбрости, — сегодня вы учитесь без получасового перерыва. Надеюсь, всем понятно почему. После первого занятия вы сможете перекусить булочками прямо в классе, — Она произнесла слова настолько тихо, что всем тем, кто удобно устроился в углах, пришлось подвинуться ближе к Ментору. От этого она захрипела еще больше.

За еще одной наспех сколоченной дверью находится просторный квадратный коридор с одиннадцатью дверьми. Двери эти ведут в маленькие учебные классы, где уместаются два ряда длинных узких лавок со столешницами, маленький учительский столик и стул. На отполированных стенах висят выцветшие с годами и изрядно потрёпанные таблицы и правила: их немного, но они по сей день напоминают ученикам, что и сотню лет назад такие же дети, как они сейчас, учили то же самое.

Мне очень хотелось упомянуть, что отпускать классы младше, но оставлять учиться нас, нечестно. Потом я подумала, что ведь и остальных Менторов тоже отпустили с работы, оставив в школе только Лидию, и решила ничего не говорить. Мы с Бреной сидели рядышком, как всегда. Было очень непривычно, поскольку Скала всегда сидел между нами и держал учебник, постоянно тыкал пальцем в разные смешные картинки и новые слова, а потом с непоколебимым видом профессора вчитывался в название главы в десятый раз и нарочито смотрел на Ментора, как бы говоря «Ничего себе! Вот это да!». Лидия знала, что он снова не напишет исчерпывающей работы по главе, но всегда помалкивала. Знания — сила, но гора мышц — это сила в прямом смысле.

Я знала, что во время проверочной работы буду бездумно переписывать все, что выписала в черновик на уроке. Жирный шрифт всегда оказывается очень полезен. Мне совершенно не было дела до моно и симподиальных соцветий, их классификации и структуры. Им вот явно нет дела до моей жизни. В тот момент я была полностью согласна с утверждением многих моих одноклассников: эта информация нам не нужна, мы здесь

просто выживаем.

Ребята надеялись, что Лидия все-таки сделает перерыв, хотя бы десятиминутный, и они смогут перекинуться друг с другом желанными словами. Но нет, какой-то мальчишка принёс корзинку с утренними булочками, и нам пришлось жевать их прямо за чтением сельского хозяйства. Минуты, как бы литературно замусолено это не звучало, тянулись целую вечность, я старалась не думать о произошедшем и не волноваться о друге, который так и не пришел на занятия. Уставшие веки так и норовили сомкнуться и мне волей-неволей приходилось вчитываться в параграф. Без десяти два прозвучал обеденный клич: Морзи Ду замечательно играл на трубе. Этот спасительный звук был самым желанным за такое длинное утро, резко перетёкшее в день.

У нас было достаточно времени для обеда, а несколько дней назад мы условились поесть яблок на поляне в лесу. Я знала, что сегодня не пойду туда ни при каких обстоятельствах. Лучше бы работала в поле и изнуряла себя физической активностью, зато никакие противные мысли не лезли бы в голову. А потом Лидия сказала, что в три часа пополудни нам всем нужно быть в поле, а она собственноручно проверит, кто на месте, а кто решил сбежать.

Воодушевленная парой утренних фраз, Ментор, к нашему удивлению, добавила еще и то, что прекрасно знает о планах некоторых из нас «полакомиться плодами достояния общности», которые «этим вандалам» осуществить не удастся, в связи с «проведением расследования». Уверена, что ребята не особо расстроились: никому не хотелось проходить через желудёвую поляну, всем казалось, что там поселилась некая сила, и она обязательно уничтожит атмосферу спокойствия и дружелюбия.

После этих слов Ментора уже мало кто смеялся и громко говорил, лишь изредка в нашей обеденной подростковой процессии слышались перешёптывания. Тигра ждал меня у выхода, рогатый конь и остроухий мужчина снова безмолвно попрощались с нами.

Обычно я узнавала у Тигры, что нового он сегодня узнал и рассказывала ему, что узнала сама. Не знаю, может и он не мог сегодня сосредоточиться, но по взаимной усталости в глазах, я поняла, что мы оставим наше познавательное общение на потом.

Ветер продолжал гнать облака и трепать волосы неряшливых жителей. Я впервые за долгое время почувствовала неудобство обычной футболки — было прохладно. Рабочие с полей уже успели образовать недлинные очереди, мы с Бреной и Тигрой встали перед Мартой и Дагом Луг. Очередь сдвинулась всего на пару человек, несколько меланхолично и медленно, никто даже не обсуждал блюда сегодняшнего обеда. Новый порыв ветра обдул меня и Брену — это был запыхавшийся Скала. Он уже успел переодеться для полевых работ, а выглядел скорее измождённо, чем могуче.

— Привет, девчонки! Привет, Тигр! Я сегодня получаю двойной обед, слышали?

— Это потому что ты хорошо поработал? — спросила Брена.

— Посмотри на него, он же не завтракал! — мне было жаль друга, Скала был настоящей Скалой только после плотного приёма пищи.

— Это правда? — Брена, казалось, искренне расстроилась, Скала кивнул. — Бедняжка! Стой, бедняжка, ты собираешься рассказать нам все в деталях?

Только тогда я заметила обращенные к нам многочисленные любопытные взгляды из ближайших очередей. Ха, извините, никто вам ничего не расскажет, мы же не болтуны!

— Конечно, я всё вам расскажу. Приглашаю вас на обед к себе домой, там мы

поговорим без лишних ушей.

— А что родители? — Тигра как всегда был очень внимателен.

— А что родители? Ваши, я точно знаю, все ещё в доме Ивов. Мои сказали, что пообедают прямо в поле. Брена, я не видел твоего отца с самого утра.

— Я...я тоже его не видела. Ну и ладно, отлично!

Восьмилетний сын Ключника, Зуи отложил для моих родителей по порции, состоящей из вареного картофеля, репы, початка кукурузы и нескольких ломтиков свежего ржаного хлеба. Трясушимися неумелыми детскими руками он передал нам и наши миски, а когда очередь дошла до Скалы, он совсем обезумел. Он мог разбить посуду или уронить продукты на землю, так мальчик был взволнован.

Скала живет в доме слева от нашего, на третьем этаже. Вместе с ним в трёхкомнатной квартире живут родители и две младшие сестры. Милейшие создания! Их мать боится, что ростом они пойдут в отца, как Скала.

Поначалу я не была голодна, но запах и вид горячей пищи разбудили во мне долгожданный аппетит. Кухня Скалы мало чем отличалась от нашей, да и вообще любой другой кухни поселения. Разве что его мама повесила красивые голубые шторы на окна, которые сшила и покрасила сама. Если бы его мама жила на земле много сотен лет назад, думаю, она бы была дизайнером. Я много о них читала. Всю посуду в их доме она разукрасила удивительными орнаментами, на больших горшках были нарисованы целые натюрморты! Первым к еде приступил Тигра, который и развязал беседу:

— Теа, я забыл помолиться за завтраком! — с ужасом в голосе произнёс брат.

— Помолись сейчас, ничего страшного. — Я перевела взгляд на Скалу, поскольку молитвы меня тогда мало интересовали. — Скала?

— Да, да. Заранее извиняюсь за рассказ с набитым ртом, но понимаешь, я очень голоден. — Брена театрально закатила глаза, а я одобряюще кивнула. — Потрепофалось фто-то оково тринадцати челофек, фтобы подняфь дерефо...

— Нет-нет, Скала, дорогой! Я не могу это слушать, уши в трубочку сворачиваются. Давай ты сначала прожужеешь, а потом расскажешь? — Брена художественно разложила еду на тарелке. Мы молчаливо подождали, пока друг не съест всё, кроме кукурузы, оставленной, видимо, на десерт.

Я медленно жевала безвкусный варёный картофель и вдумчиво слушала Скалу, боясь пропустить что-то важное. Что важного могло быть в рассказе о первой в поселении спасательной операции?

— У меня не было времени посчитать, сколько мужчин помогало. Человек тринадцать, может четырнадцать. Нужно было одновременно приподнять ствол с двух сторон. Я приподнимал со стороны ног и сперва не понял, почему все зашумели. А когда отпустил дерево, увидел, что в левую ногу Спрута врезалась пила! Представляете, острая такая, чуть ли ногу не разрубила на пополам! А крови то... — я осуждающе посмотрела на Скалу и перевела взгляд на переставшего жевать младшего брата.

— Да ладно, чего я там не слышал. Мне скоро шесть.

— Продолжим. Мы сразу туго перевязали ноги выше колена рубашками, наспех соорудили кое-какие носилки и понесли прямо с этой пилой в ногу к лекарю, к Велану. Шли мы долго, потому что бедняга то и дело вскрикивал, приходилось останавливаться. Сами знаете, хижина Велана находится в самой чаще. Мы думали как бы не упереться в «ничто».

Ну, могли бы там кругами ходить или еще чего хуже, на месте топтаться. Велан стоял у

входа, как будто ждал! Мы, когда несли Спрута, менялись постоянно, а внутрь хижины носилки заносил как раз и я. Сразу в нос запах ударил такой резкий травяной, а хижина сама небольшая внутри, всё ещё так заставлено горшками какими-то, сосудами, пузырьками. Я думал, ну всё, сейчас чихну, уроню носилки, ужас. Но я справился. Положили мы носилки прямо на стол, а там ступки всякие, ну вы понимаете. А Велан как стряхнул всё на пол, я думаю, ой, сейчас как разобьётся, но нет. Все цело оказалось.

А потом я думаю: «Сейчас то и посмотрю, как там и что с пилой этой». Ага, как же. Поганой метлой Велан выгнал нас оттуда! И это не фигура речи, слышите, у него была метла в руках, чёрт вот, как сейчас чувствую, прутья жёсткие такие, и грязная, что немаловажно. Прямо по спине ударил. А потом твой отец, Ти, сказал, чтобы мы на дрова этот дуб несчастный порубили, мол, его уже осмотрели, мол, это неосторожность Ива. И пока мы шли обратно, вот чем хотите клянусь, слышали, как пуще прежнего парень визжит. А потом резко прекратились крики и всё.

Долго мы дерево это ломали, рубили, а потом ещё и на склад всё нести пришлось. Хотя это мне показалось долго, а рубило нас человек двадцать-тридцать, поэтому справились. А я ведь ещё голодный был, да, и кровь эта везде жуткая, липкая. Ну все, думаю, в школу я сегодня не пойду, ну и хорошо это, но устал, да... А потом домой пошёл, пока воду нагрел, пока переоделся и постирал, уже и закончилось всё. Очень мне интересно, что с Ивом стало, но мы как-то работой были все заняты, не поговоришь толком. Ну вот. — Скала удовлетворённо закончил и приступил к поеданию кукурузы.

— Оша-а-а-а-леть, — протянул Тигра.

— Эй, не выражаться! — пожурела я брата.

— Я думаю, — начала Брена, — что нам скажут о судьбе Спрута, только если решат провести какое-нибудь собрание на площади. А в остальном, это личное дело семьи. Нам не стоит в этом копаться.

Со стороны её слова прозвучали несколько хладнокровно, даже Скала удивился такому резкому ответу.

— Нет, Брена, это не личное дело! — впервые за долгое время вспыхнула я. — Это общее дело, мне казалось, мы все здесь семья.

— Конечно, опять твои идиллические причуды. Никому нет дела до остальных! Ты же видела, как все разбежались при виде окровавленного парня!

— Тебя же там не было... — удивилась я. Все казалось таким наигранным, таким ненастоящим, вся эта нелепая перепалка! Скала искренне недоумевал, но встравать в ссору не решался.

— Может и была, а?

— В любом случае, мой отец сделал правильно. Он не хотел никого пугать. — Тигра закивал, как каждый раз, когда речь шла о правильности действий папы.

— С каких пор все стали слушаться твоего отца? Он просто Плугов помощник! — Брена уже на несколько тонов повысила голос. Я до сих пор не могу поверить в случившееся. Сперва ветер, потом дерево, теперь мы ссоримся? Этот день может стать ещё хуже? Я прикусила нижнюю губу, как делаю всегда на нервах, и начала качать головой, словно не желая принять всю абсурдность слов подруги.

— Ладно, хватит. Пойдём, Тигра. — Брат доел почти весь обед, и тут я подумала о том, что если сейчас уйду, то не смогу помыть за нами посуду. Жутко неудобно. — Скала, прости за посуду. За мной должок, — друг, отдавая отчёт происходившему, махнул рукой, мол,

ничего страшного, все в порядке.

Но я-то знаю, что нет.

Тигра не задавал вопросов. Я отвела его в теплицу к отцу, которого там, конечно же, не было. Мальчик спрятал рюкзак и сразу же стал помогать рабочим с овощами.

Следующие пару часов я срывала свою злость на траве, которую косила, предварительно мною же наточенной косой. Инструмент вводил меня в какой-то шоковый ступор, он почему-то показался мне похожим на острую пилу, которая вонзается в чью-то крепкую, на первый взгляд, икру.

Сегодня нас всех отпустили с поля очень рано, поэтому я уже несколько часов так подробно описываю сегодняшний день. Мой почерк стал похож на скошенную траву, я сомневаюсь, что сама буду в состоянии его разобрать, а паста в стержне, кажется, скоро закончится. Мама читает Тигре какие-то сказки, а папа еще не вернулся домой. Но перед тем, как пойти спать, мне нужно рассказать об еще одной странности, произошедшей вечером.

Все мы молчаливо были заняты делом, каждый думал о своём, а Молзи Мо что-то тихонько напевала себе под нос. Тогда я пожалела о наших испорченных планах, ведь если бы мы устроили посиделки у яблони, то Ник бы обязательно взял с собой гитару, и мы бы горланили песни так, что Велан бы обязательно начал чертыхаться и просить своих божков оторвать нам языки.

И тогда кто-то снова закричал. На этот раз это были чёткие слова, совсем рядом мужской голос прерывался оглушающим лаем: «Бегите! Бегите! Слышите! Спасе-а-а-а-йтесь!». За спотыкающимся Мастером гнался его же пёс — Вуф. Собака и раньше любила бегать, резвиться и играть с ребятами, но то, что я видела тогда, никак не походило на старого доброго Вуфа. Всего в метрах пятнадцати от меня стояла эта адская оскалившаяся гончая: глаза Вуфа бешено дергались, вся пасть налилась слюной, рычал он злобно и резко

Остановившись буквально на несколько секунд, пёс побежал именно в нашу сторону, пронёсся мимо меня и Молзи, отчего мы отскочили прямо на скошенную ранее траву. Вуф всё-таки догнал своего хозяина и, вытянувшись в полный рост, набросился на мужчину. Некогда крепкий Мастер, на закате сил, сломился и упал, а полностью сбрендивший пёс вцепился зубами прямо в его глотку. Следующие несколько минут я помню плохо: Молзи, ухватив ближайшую косу, подбежала к собаке сзади и яростно вонзила остриё прямо в спину зверя.

Подбежавшим к Мастеру мужчинам, пришлось не только добивать пса и оказывать пострадавшему первую помощь, но и оттащить ревущую девушку от собаки и вырывать из её рук черенок. Я помню, как только кто-то закричал, что все освобождены от работ на сегодня, а я, без задней мысли, забрала недоумевающего Тигру из теплицы, буквального на выходе встретила маму, которая приобняла меня за плечи и с сочувствием погладила по голове. Она, вероятно, сходила за ужином, но я так и не вышла из комнаты.

Сейчас я нахожусь в какой-то дивной полудрёме, мне кажется, что все слова, прочитанные мною когда-либо, я вспомнила за один день. Раньше я не могла строить таких пространственных предложений, вспоминать такие детали... но было хорошо отвлечься.

Теперь меня беспокоит всё, что произошло, начиная странным ветром, заканчивая

взбесившимся псом.

А ещё, нужно немного поспать.

Что день грядущий нам готовит?...

Ночью ко мне опять пришёл Тигра. Я уже спала и сквозь сон слышала: «Не злись на Брену, она это не со зла. Может она совсем как Вуф, а может просто устала». Потом мне стало очень тепло, я приобняла братишку и крепко уснула.

Когда я проснулась, его уже не было. Я не застала дома никого, на часах была половина седьмого утра, наверняка, они решили меня не будить и сходить за завтраком. Я заглянула в комнату родителей, что делаю крайне редко, хотела удостовериться, что отец вчера вернулся домой. Да, на стуле висела его одежда: пятна крови на нашей привычной серой ткани смотрелись как абстрактное украшение. Видимо он вернулся под утро, раз ни он, ни мама не успели всё застирать.

Я вспомнила, что даже не ополоснулась вчера после работы. Вода, конечно же, еще теплая, была в тазах: я смывала с себя весь вчерашний день, все воспоминания, все волнения и странности. С ужасом я увидела состояние своей школьной одежды: одна футболка была порвана, во второй я вчера работала. Ссора с Бреной совсем выбила меня из колеи, я даже забыла переодеться. Пришлось наспех замочить всё, что я испачкала вчера и надеть более плотную футболку с горлышком, рассчитанную на прохладную погоду.

Когда я закончила собираться, на кухне уже гремела посуда. Мама накладывала овсянку в тарелки, пахло свежим кукурузным хлебом. Тигра уже принялся за утреннюю молитву, зажмурившись, лепетал что-то про себя, а отец стоял у окна и смотрел прямо на часовню. Сегодня было солнечно. Снова солнечно.

Воспользовавшись моментом, я подошла к папе сзади и обняла его за плечи. Я уже предчувствовала его улыбку и тихий хриплый смех, но он лишь нежно сжал мои ладони и поцеловал их. Когда он повернулся, то по жутким синякам под глазами я поняла, что этой ночью ему не удалось их сомкнуть.

— Привет, Ти. Я знаю, ты многое видела вчера. И сейчас я расскажу вам всё, что знаю сам.

Мы сели за стол, а Тигра в роли маленького помощника положил каждому на тарелку по куску хлеба. Ну, скорее, закинул по кусочку, насколько ему позволяла длина рук.

Папа хорошенько откашлялся, прежде чем начать рассказ. Я приготовилась услышать длинную историю, такую, как я описала вчера, но ожидать такое было поистине глупо.

— Что касается Ива. Мы не нашли никаких следов...кхм...влияния извне. То есть, он сам повалил дерево...и...да. Пилу извлекли, рану зашили. Но говорить о том, будет он ходить или нет, еще рано. Он еще без сознания, лежит в хижине. Велан предоставляет ему должный уход.

— Ты не находишь это странным? — Спросила я. Потому что нахожу всю эту историю странной.

— Что именно? — Папа до скрипа натирал старую дедовскую ложку полотенцем. Нервы.

— Во-первых, зачем Спруту понадобилось вырубать самое большое дерево в лесу рано утром, да еще и в одиночку? — Тигра закивал, как бы подтверждая мою теорию заговора. — Во-вторых, как бы он за несколько часов, повторюсь, в одиночку, срубил ствол такой толщины? Это просто нереально! — Тигра закивал еще чаще, мол, посмотрите, этот детектив моя сестра. — Тем более, такой узенькой пилой.

— В твоих догадках есть доля здравого смысла. Однако, доказать мы ничего не можем.

Как и спросить у самого Спрута.

— Ладно, а что с Мастером?

Мама безучастно наблюдала за разговором со стороны, словно что-то анализируя.

— Велан сказал, что для одного дня слишком много работы. Поэтому мастера пришлось нести к старушке Гирее. Она промыла и зашила рану, но на вчерашний день, Мастер потерял много крови. А переливания, как описано в книгах, мы делать не умеем. Ровно, как и разбираться во вскрытиях.

— Поэтому нельзя узнать, что послужило причиной бешенства?

— Иногда такое случается, такое описано в книгах...

— Пап, у нас такое не случается! — Отец смутился и отложил, наконец, ложку.

— Давайте завтракать, иначе еда остынет.

— А что с ветром? — Спросила я, потому что именно ветер больше всего не давал мне покоя.

— С ветром? — Переспросил отец. м Ты тоже заметила эту странную прохладу?

— Вы разве не обсуждали и это вчера? — я тщательно размазала овсянку по тарелке, выравнивая её, как будто бы выравнивая весь вчерашний хаос.

— Мне кажется, что со всем тем, что случилось, никто просто не обратил внимания на ветер. Давайте есть.

Мама уже несколько раз пыталась что-то сказать. Она открывала рот, чтобы произнести какую-то фразу, но погода, заполняла молчание ложкой густой тягучей каши.

— Я думаю, нам нужно проведать родителей. — Отец медленно поднял голову, одобряюще кивнул и продолжил трапезу.

Мои бабушка и дедушка с папиной стороны еще не совсем старые. Им только недавно перевалило за шестьдесят. Но решение переехать в две самодельные брезентовые лачуги они приняли почти пол поколения назад вместе с ещё жившими родителями мамы. Родители не любят об этом говорить, а мы с Тигрой стараемся не заставлять их волноваться лишней раз.

Мы видимся с ними стабильно раз в несколько лет, а то и раз в год. На пятый день рождения Тигры папин отец вырезал из берёзы лошадку. Надо сказать, брату очень быстро пресытилась игрушка, её нельзя было прочесть или использовать для учёбы. На мой пятнадцатый день рождения бабушки связали мне тёплый жилет, который мне так никогда и не пригодился

Наверное, скоро придёт его черед. Прошло уже много лунных циклов, а пятилеток в этом году ни у кого не будет. Зачем маме пришло в голову проведать родителей? Да еще и на таком отшибе! О их жилищах мы с Тигрой знаем только по рассказам соседей. В поселении даже бытует такая присказка: «В брезентовой глуши добра ты не ищи». У нас дома есть несколько хороших рисунков мамы и папы в детстве с родителями, а большего я особо о них не знаю. Помню лишь, как бабушка Труды, мама отца, в раннем возрасте позволяла мне больше обычного и очень опекала.

Только с течением однообразных рабочих дней границы реального стерлись, и я часто думаю о том, что из этого на самом деле было правдой, а что я могла выдумать сама?

Но отец всё-таки согласился. Он согласился со странным ветром. Я искренне этому рада. И это всё. Пока мы с мамой мыли посуду и убрали со стола, я размышляла о том, как нужно вести себя с Бреной и возьмут ли меня с собой родители на встречу с «брезентовыми отшельниками». Мне очень хотелось спросить у кого-то совета, но это было настолько дико

и непривычно, что я сразу же отогнала эту идею прочь. Животноводство и литература — предметы на пятницу. Я сразу подумала о том, как хорошо, что Скала на уроках обычно сидит между мной и Бреной. Мама обмолвилась о том, что сегодня моя очередь кормить Овечку, и я покраснела. Каждый день — моя очередь кормить Овечку. Видимо вчера это сделала мама, потому что от недосыпа, мне даже не пришло это в голову! Я виновато взглянула на маму и сразу же отправилась в сарай.

Овечка благодарно заблеяла при виде меня. Я насыпала в кормушку приличное количество сена и вычистила её шерстку. Как ей тут одиноко, сидит целыми днями в брошенном всеми сарае, и думает о своей безвыходной овечьей судьбе! Обычно Тигра навещает её по вечерам, надеюсь, вчера он не забыл о ней, так как я. Я подумала, что у меня еще есть немного времени и рассказала Овечке о том, что меня так гложет. Знаю, звучит глупо, но в её блеянии я услышала гораздо больше понимания, чем от кого-либо за последнее время.

Тигра ждал меня на лавке около дома со своим рюкзаком и моей кожаной папкой. Мы понимали друг друга без слов, в такие моменты, я по-настоящему видела своё счастье в нашем маленьком мире.

— А ты знала, что друг Маленького Принца был лётчиком?

— Летал на самолёте?

— Ага.

— Да, я что-то такое помню. По-моему мы читали эту сказку в первом классе.

— Я тоже хочу стать лётчиком, когда вырасту. И улететь далеко-далеко.

— Почему бы и нет, Тигра? Возможно, ты сам соберешь первый в нашей истории самолет.

— Ты так думаешь? — я кивнула. Я, правда, так думаю. Тигра намного умнее и более целеустремлённый, чем его сверстники, намного умнее меня в его возрасте. А еще Тигра — «веритель». А это многое значит.

На площади было, по обыкновению, тихо. Везде было тихо. А что я собственно ожидала услышать? Собрание? Как бы мне не хотелось этого признавать, но Брена, похоже, была права: мы не семья. Мы бежим от чужих проблем, как только видим всё своими собственными глазами. Я даже подумала, что не инстинкт помощи ближнему заставил всех побежать на крик Спрута, а обычное любопытство.

Я не посмотрела ни на одну из плит, на которых стояла. Каждое утро эти фразы успокаивали меня своим мелодичным звучанием, эхом отзывались в голове, но не больше. Усадив Тигру в библиотеке, я поспешила скорее отбыть принуд на уроках. На выходе из главного зала я столкнулась с Ментором малышей Ивон. Эта полненькая добрячка всегда улыбалась при встрече и часто секретно передавала через Тигру свежую сладкую выпечку.

— Алатея! Ты была бы не против помочь мне с книгами и пропустить второй урок? Я уже спросила Лидию. Ей не оставалось ничего, кроме как кивнуть, — заговорчески хихикнула женщина.

Иногда мы с братом помогаем Ивон и её сыну Приму, библиотекаря, приводить книги в порядок. К сожалению, в рамках чудесного графика, отставание от которого чревато злыми взглядами и переваренной едой, помогать мы можем только несколько часов в пару недель во время уроков. Тем более Ивон совершенно обоснованно боится завистливых взглядов в нашу с Тигрой сторону. Сначала меня звали для наблюдения за братом: он больше всех из малышей проявляет неподдельный интерес к чтению. Позже семья библиотекарей заметила

и мою тягу к новой информации. А еще через некоторое время я удостоилась тайной чести — помогать Приму в городском музее.

Жители не ходят в музей, чтобы поглазеть на экспонаты и прикоснуться к истории. Нет, жители вообще не ходят в музей. Они только приносят туда редкие находки, а семья библиотекарей (по совместительству хранители музея) содержат всё в надлежащем виде. Я была просто счастлива, услышать, что проведу несколько часов в этом чудесном месте и полакомлюсь вкуснейшими плюшками! То, что нужно, чтобы забыть о вчерашних кошмарах.

Я улыбнулась Ментору в ответ, и она поспешила поделиться новостью с Тигрой. В коридоре я немного обдумала предстоящее животноводство и успела пожалеть, что их с литературой нельзя поменять местами. «Убить пересмешника» Харпер Ли я прочитала года три назад и мне бы не составило труда написать хорошую работу по прочитанному. Лидия, скорее всего, поделит материал на несколько занятий, но животноводство все-таки никак меня не радовало.

В классе все уже сидели на своих местах, только Лидия задерживалась. Спасибо Брене, за то, что избавила меня от судьбы «толкателя» и села слева от Скалы. Я примостилась справа и стала очень медленно доставать бумагу и карандаш, словно в моей затасканной папке могло оказаться что-то еще. Буквально через пару секунд вошла Ментор и резким кивком приказала начать работу.

Разные породы свиней из разных неведанных местностей никак не лезли мне в голову, тем более что неловкая ситуация с моими друзьями усугубляла усваивание материала. Скала не отпускал шуточек по поводу описаний и изображений животных, как он делал каждый день до этого. Спустя замечательнейшие и самые познавательные два часа изучения свиней, я раньше всех сдала Лидии работу и вышла в коридор. Все поняли, куда я пошла, такое происходило раз в несколько недель, да и мало кто мне завидовал. Перспектива чихать от пыльных книг никого не прельщала.

Я еще немного повозмущалась тому, что наши свиньи не делятся ни на какие породы и к чему было всё это читать, но решила, что никто не испортит мне оставшейся части дня. По отполированным доскам пола главного зала плавали разноцветные лучи, струящиеся словно бы прямо из поднебесной. Тигра и пара других ребят уже активно стирали пыль с открытых книг и перекладывали их из одной высокой стопки в другую. Было так дивно видеть своего младшего брата смеющимся с другими детьми! Я видимо так глупо улыбалась, что сразу же заслужила от Ивоны липкую от меда булочку. Наш Пасечник — двоюродный брат Плуга, поэтому и у нас дома есть маленькая баночка лакомства.

— Пойдём за мной, — сказала женщина, унося с собой маленькую ароматную корзинку.

Я последовала в общий коридор, повернула направо и проскользнула в приоткрытую дверь музея, украшенную неким подобием гобелена с цветочной композицией.

Внутри было темно, но пара факелов зажглась тут же, как мы вошли. Прим — единственный сын Ивоны отличался длинными рыжими волосами. Ему не приходилось тяжело работать в поле, и он мог себе позволить некоторые вольности. Он старше меня лет на семь, худой как жердь, в отличие от матери, и очень ловко стреляет из лука во время праздников. В свободное от обычной работы время парень читает рабочим вслух, за что пользуется у ремесленников некоторой популярностью.

— А вот и Теа! Ты не поверишь, что я нашёл! — Прим широко улыбнулся.

— Какой-то новый экспонат? — Ивона сняла салфетку с корзинки, кивнула несколько раз и, пользуясь отличной акустикой, сказала:

— Я пойду. Сами знаете, малых нельзя оставлять без присмотра надолго.

Прим, видимо, совсем не обратил на это внимания и забегал по небольшой комнатке, как пчелой ужаленный. Я побоялась, как бы он случайно не снёс стоящие на тумбах-постаменты «сокровища». Здесь были и батарейки, и какие-то толстые бумажки с надписями «кукурузные хлопья», «орео», «наушники», осколки красивой посуды, что-то, что в книгах называется «клавиатурой» и даже баночки из-под мифических шампуней.

— Я пока не знаю, к какому роду экспонатов можно «это» отнести...

— А где ты «это» нашёл?

— Я...я ничего не искал. — Прим, наконец, остановился над письменным столиком в углу комнаты. — Вот оно! — Он держал обеими руками неровный кусочек какой-то странной дощечки.

— Как это не искал?

— Возможно, тебе это покажется странным. Потому что мне так и показалось! Когда вчера вечером улеглась вся эта кутерьма с бешеной собакой, я вспомнил, что, убегая, не погасил факелы. А ты знаешь, что у нас такого рода предметы, как там говорится...на вес золота! Дверь, конечно же, я даже не прикрыл, а когда вернулся — она была плотно захлопнута. На полу, около постамента с ботинком я заметил эту странную дощечку. Посмотри, что здесь написано!

Эта дощечка не была грязной, а текст был виден совершенно чётко. Было похоже на то, что она является кусочком какой-то мозаики, будто кто-то разломал целое на части, и это — одна из них. По размеру дощечка была немного больше широкой ладони Прима, а единственное что я разобрала — это нарисованный натянутый лук со стрелой. Пять строчек непонятного текста заставили меня прищуриться, будто это могло сделать прочтение хоть немного легче. Но тщетно. Я не знала этих чётких линий, точек и завитушек, у нас никогда не было книг о разных языках. Они разве что вскользь упоминались в нескольких из них, но ровным счетом ничего не значили.

— Прости, но я не понимаю. — Давай же, Прим, удиви меня!

— Вот именно! Я тоже не знаю этого языка. Откуда, откуда эта дощечка могла здесь взяться? — Я хоть и не так ярко показывала своё удивление, но была искренне обескуражена.

— Может быть, кто-то инкогнито подкинул тебе её? Нашёл у себя в подвале, например, но не хотел расспросов, зная, как серьезно ты относишься к своей работе. — Прим поднял правую бровь вверх и вопросительно хмыкнул.

— Ты бы мучал беднягу своими расспросами несколько часов!

— А-а-а. Вот ты о чём. Нет, это маловероятно. В это время все были заняты работой, а потом из-за шума с Мастером быстренько разбежались по домам. Именно поэтому я не хочу, чтобы об этом знал кто-то ещё, понимаешь? — Я поджала губы и отрицательно замотала головой.

— Не очень.

— Люди либо обвинят меня в подделке, либо в воровстве, либо...либо...либо начнут тешить себя призрачными надеждами о спасении. — На последних словах Прим заговорил совсем тихо, что показывало насколько сильно он расстроился. Я понимала, что ему нужно было с кем-то поделиться, а лучшей кандидатуры он найти не мог. Я не тешила своё самолюбие, нет, просто приняла это как данное. Пока я помогала ему с некоторой перестановкой и прятанием дощечки за скользящим булыжником, мы обсудили странный

случай с деревом, собакой и даже ветром. Как бы я не хотела убежать от разговоров и даже мыслей об этом, я понимала, что в нашем поселении этого просто не получится.

Прим, почти весь вчерашний день провёл в библиотеке, поэтому не заметил никаких порывов ветра, но мне поверил на слово. Он определенно решил соединить всё произошедшее в одну большую странность и пришёл к нескольким выводам. Либо кто-то очень смыслённый в поселении сошёл с ума и теперь пакостит жителям, либо к нам проникла какая-то загадочная инфекция, что, в общем-то, одно и то же, потому что никто никогда не сходил с ума, и только это могло послужить рычагом.

Я подумала, что в теории это возможно. А потом подумала, что в теории, возможно все, что написано в наших книгах и вспомнила «Войну Миров» Герберта Уэлса. И совершенно зря вспомнила, потому что даже сейчас у меня перед глазами стоят нарисованные моим воображением образы беснующихся марсиан.

Когда я вернулась в главный зал, Тигра уже снова сидел один и читал «Маленького принца». Мне так хотелось оставить его читать в своё удовольствие, но я не могла перечить графику. Кто-то резко похлопал меня по спине — это был Ник. Ребята возвращались с литературы и находились, на удивление, в приподнятом настроении.

— Ти! Вот ты где! Наши вчерашние планы переносятся.

— Планы? — Точно, мы же хотели час до полевых работ провести на опушке. Весь день с ног на голову перевернулся. — На когда?

— На сегодня, конечно! Правда придётся петь немного тише, ведь в хижине у Велана всё еще лежит Ив.

По толпе за моей спиной прошёлся тихий смешок, а потом сильно засмеялся тихоня Зелёный Гусь.

— Может, если мы будем петь громко, он и очнётся, а? — Редко, но метко. Ребята высоко оценили шутку Гуся.

— Тсссссссс! — Ивона появилась из неоткуда и начала толкать каждого к выходу. — У меня в манеже спят малыши, вы что, совсем страх потеряли? Ну-ка марш обедать!

С улыбками на лице все потянулись к выходу. Тигра собирался нехотя, грустно объявив, что ему «осталось всего десять страничек и нечестно вот так вот отрывать человека от чтения». Я подумала, что день не может быть еще лучше: сначала работа в музее, потом отдых с ребятами, не день, а праздник! Ивона стала помогать медлительному Тигре собирать бумажки в портфель и, подмигнув, положила ему внутрь несколько, завернутых в капустные листья, плюшек. Никому не будет дела до капусты в портфеле, очень умно!

Такие маленькие милые моменты, когда мне приходилось общаться с другими людьми, не с Бреной и Скалой и даже не с родителями, всегда доставляли мне какую-то особенную радость. Тем более, я до сих пор не знала, как мне общаться со своими друзьями, и точно бы спросила совета у Прима, было бы у нас чуть больше времени.

Огромной процессией из всех одиннадцати классов и малышей, мы поспешили к дому сестёр Мороуз, откуда уже доносился манящий запах свежей овощной похлёбки. Я заметила, что Брена и Скала не только слились с потоком младшекласников, но и отошли друг от друга на приличное расстояние. Что интересно между ними произошло? Волосы подруги, между прочим, были перевязаны красной лентой. Меня радовало, что сегодняшней обед пройдёт как обычно: мы с Тигрой принесём еду домой, где мама уже заварила свежий травяной чай, а папа тонко нарезал свежие огурец и помидор, которые ему удалось унести из теплицы.

Люди в очередях стояли смиренно и спокойно, мои одноклассники намеренно не привлекали к себе внимания, чтобы не вызвать у взрослых подозрений: не думаю, что кто-нибудь бы обрадовался нашей шумной посиделке у яблонь. Во-первых, все, конечно же, знали, что это наше излюбленное место отдыха, и хоть и жалели яблоки, никогда ничего не говорили и позволяли нам нежиться на опушке. Яблони были чем-то сакральным для каждого жителя, поэтому даже у самых отвязных из нас не было мысли вырезать на коре дерева сердечко или увековечивать свою дурную славу инициалами. А во-вторых, в свете недавних событий, на походы в лесную чащу стоял некий, опять же негласный, запрет: нам никто не запрещал туда ходить, но все знали, что делать это нежелательно. Кто знает, какие ещё жуткие вещи могли произойти с любым из нас.

Овощную похлёбку в маленьких дымящихся котелках, хлеб и сыр выдавал сын молочника, имени которого, я не знала. Дома мы сытно отобедали, не перекинувшись друг с другом и парой слов, точно, как в этот понедельник, или же вторник, или же среду. Родители прекрасно знали, что до работ у меня еще есть чуть больше часа свободного времени, поэтому, собственно говоря, промолчали.

Когда я переоделась в рабочую одежду и подумала, что в желудке точно найдётся место для пары-тройки яблок, в комнату постучал отец и бросил всего одну фразу: «Завтра ты не работаешь в поле, посидишь в библиотеке с детьми» — и вышел. Я знала, что это, своего рода похвала, но никак не могла понять за что. Может быть за то, что я много не болтаю, а может быть просто из жалости, ведь я единственный подросток, которому довелось увидеть столько крови в один день.

Тигра несколько минут умолял меня взять его с собой, приводил «весящие», по его мнению, аргументы (видимо, весомые), такие как: почти шестилетний возраст, аналитический склад ума (прочитал в каком-нибудь старом журнале) и недюжинная мощь (ну, это вряд ли). В конечном итоге, он успокоился, взяв с меня обещание, принести ему самое большое яблоко. Я не забыла напомнить о булочках, которые так любезно отдала ему Ивона, а он в свою очередь, побежал делиться ими с родителями, пока те не убежали на работу.

На улице опять веяло прохладой.

Мы с ребятами еще несколько лет назад придумали план для отгона сомнений — выходить из дома в разное время. Сначала выходили ребята из чётных номеров домов, шли зигзагами, чтобы прийти в одно время с ребятами из нечётных номеров домов, которые шли к лесу напрямик. Конечно, когда «совсем незаметно» Ник уносил из дома гитару, все могли лишь поухмыляться над нами из окон, делая вид, что решили вдруг поглядеть на окружающий мир из своих квартир.

Я шла, не смотря по сторонам, достаточно быстро, хотя и жила в доме под номером шесть. Мне отчего-то не хотелось разговаривать с кем-то прямо на улице или даже кому-то улыбаться. Я слышала характерный запах трав прямо перед собой — это точно была Ли Рума, мама и бабушка которой, умели делать поразительные травяные саше, поэтому от членов их семьи всегда пахло душистыми травами. Они иногда оборачивалась, но я, делая вид, что смотрю на свои интересные затасканные башмаки, немного сбавляла шаг.

В лесу мы стали чувствовать себя свободнее, вольнее, были более дикими и спокойными. Безмерно радовал факт отсутствия сегодня лесорубов. Можно было без опаски бегать по лесу, есть ягоды прямо с кустов и даже играть в прятки. Мало что поменялось с детских лет, наше убежище оставалось нашим, потому что младшие прекрасно знали, что им

не будут интересны наши разговоры, но продолжали тянуться к этим «таинственным посиделкам», в надежде на приобщение к взрослой жизни. Если бы они знали, что это не так. Здесь мы впадаем в детство. Здесь мы снова беззаботны.

Как будто следуя нашему привычному временному распорядку, мы подошли к полянке почти в одно время, с разницей в тридцать-сорок секунд, все двадцать два человека. Кроны деревьев куполом охраняли опушку от ярких солнечных лучей, мягкая сочная трава стелилась на небольшом кусочке земли, по площади не больше нашего маленького озера. Прямо посередине, на небольшом холмике росли эти величественные, хотя и тонкие творения природы — их стволы вздымались высоко вверх, словно бы яблони были королём и королевой, сидящими на высоких роскошных тронах, а кроны, богато оздобленные плодами, были коронами, инкрустированными драгоценными камнями. Солнечный свет рассеивался сквозь листья и редкими лучами пробивался к земле, освещая неким магическим, чужеземным светом кусты черники, брусники и малины.

Девочки всегда собирали ягоды в простые холщевые платки и после раскладывали вокруг холмика. В то время мальчики нежно и деликатно грабили короля и королеву леса, но те, казалось, вовсе не были против. Потом мы ложились прямо на зелёный ковёр туда, где только душе вздумается, и смотрели на высокий дворцовый свод, на зелёный купол, укрывающий нас от невзгод.

И сегодня мы сделали также. Не знаю, как так получилось, может быть, по привычке, а может быть, по воле случая, но я, Брена и Скала снова лежали рядышком, будто бы не было глупой ссоры недопониманий. Только ветер вносил свои изменения: потолок дворца словно ожил, листья стали танцевать свой особенный тревожный танец, танец колыхающегося блаженства.

Ник, оперевшись на королевский трон, словно дворцовый певчий, начал медленную игру на гитаре, сначала лиричную и усыпляющую, а потом игривую и задорную. Слова старой поселенской песни следующие:

*Эх, на озере видишь, водица тепла,
Эх, за речкою полюшко, рожь весела,
Эх, на небе голубеньком светит оно—
Это солнце-светило и в дар нам дано.*

Конечно, за годы репетиций не обошлось и без введения современной аранжировки:

*Пусть думают, что мы не выйдем за порог,
Пусть думают, что нам не выбраться из тьмы.
Мы выучим урок, чрез тысячи дорог
Сумеем мы сбежать, ворота найдём мы...*

— И будет наплевать нам на поля, — продолжал горланить Ник, а мы все вторили ему в унисон. — Ремёсла и рутину день за днём... Сожжём мосты, а в замок короля... Проникнем дружно спрятым конём...

— Ребята, если мы продолжим вот так вот кричать, то вполне вероятно, что нагрянут незваные гости! — Кика из семьи водоносов редко, когда одаривала нас своими репликами, но если такое случалось, то реплики эти были как нельзя кстати. После полуминутного молчания запевала принял решение:

— Ладно, ладно! Возможно, Кика права. Какие еще варианты у нас есть?

Со всех сторон посыпались различные предложения, начиная от активных игр, заканчивая простой болтовней. Все согласились на предложение Гуся, по заверению Скалы,

у которого «сегодня аншлаг», послушать разные истории и сказки.

— И если вы не против, я расскажу одну историю. Или скорее домыслы...называйте, как хотите. — Парень что-то вырезал ногтем на кожуре яблока. — Это про собаку Мастера.

Не знаю, как остальные, но я встрепенулась и приподнялась на локтях: я видела это что-то, что не могла объяснить, своими глазами. Мне нужно было хоть какое-то объяснение, пусть даже и это и сказка, которую расскажет молчаливый Гусь.

— Вообще, мне это бабушка рассказала...

— Разве твоя бабушка...не ярая сторонница движения «против книг и обучения»? Она же не верит во всякие сказки! — удивилась Брэна. Гусь замялся и кинул яблоко в кучу поваленных фруктов.

— Она. Она и не верит. И считает это, ну, то что я расскажу...истинной правдой. — Ребята закивали, давая знать, что готовы слушать. — Их называют падальщиками. Но на самом деле, эти существа не пренебрегают полакомиться и живой плотью.

— Иу! — Лиану передёрнуло от таких жестоких слов.

— Бабушке эту историю рассказывала её бабушка, а той её мать, которая якобы видела всё сама. Люди как-то и где-то жили, безусловно, может, живут и сейчас, но тогда...как только не называли «это» люди: вирус, чёрная магия, бешенство, но день за днём на земле становилось всё больше падальщиков. В них могли превратиться совсем простые собаки, но чаще они появлялись...из неоткуда. Они нападали на людей вечером, на своих хозяев, на остальных животных и даже...даже на младенцев.

— Ох, Гусь, прекрати! — Ли Рума на дух не переносила разговоров о смерти, порезанных пальцев и даже о рожающих коровах.

— Но это правда, Ли! Если мы не будем знать правду о том, что происходит, мы не будем знать, как защищаться!

— По-моему, полоснуть собаку лезвием неплохо помогло, — Ухмыльнулся Даг.

— По описанию взбесившийся пёс Мастера не походил на истинного падальщика, — продолжил Гусь. — Но это только первый случай. Падальщика могут убить только серебряные пули. — По поляне пронеслась волна возмущений и, как ни странно, смеха, со стороны парней.

— Ты это серьезно? Пули? И, наверное, использовать нужно пистолет? — Скала всегда интересовался темой оружия, мог часами разглядывать альбомы в библиотеке. Но теперешняя ситуация его только рассмешила.

— Ага, а еще и с серебром! — Поддержал друга Ник. — У нас же здесь куча рудников, куда ни глянь — золото, серебро, шахты с бриллиантами!

Ветер сковал движения каждого, мы съежились от холода и придвинулись поближе друг к дружке. Ветви яблонь покачнулись, словно в конвульсии, и с самой макушки с грохотом повалился плод, испугавший всех в этой удивительной тишине. У самых дальних кустов, там, куда мы даже боялись смотреть, неистово затрепетали ветви.

— Вам бы не следовало смеяться над словами товарища! Он может оказаться прав! — Из кустов вышла небольшая фигура, укутанная в тёмный шерстяной плотный плащ. Голова была накрыта капюшоном, и казалось, что кроме темноты, там ничего быть не может. Мы оцепенели и могли лишь только вздохнуть от удивления. Кто этот человек? Что ему нужно?

— Не надо меня бояться. Я просто путник. Решила пройти мимо места, к которому обещала когда-то вернуться. — Скрюченные сморщенные пальцы стянули капюшон с

головы. Это была низенькая старуха с всклокоченными седыми волосами. Черты её лица были слишком правильными, и если бы не сотни морщин, испещряющих её кожу, как лезвие тонкую бумагу, я бы сказала, что она даже красива. Для пугающей незнакомой старухи. — Вы правы, я не отсюда. Но вам нужно кое-что выслушать, прежде чем я отправлюсь дальше. Это пророчество вам нужно передать всем вашим жителям. Каждый должен знать его наизусть! Чтобы спасти ваше поселение от заточения, очень высокий юноша, не ниже ста восьмидесяти сантиметров, должен выпустить стрелу из древнего лука высоко в небеса, стоя на самой высокой точке башни на площади! Я надеюсь, вы всё запомнили! Не тратьте времени попусту, дети. Спасайте свой народ. — Только женщина закончила и тут же развернулась обратно. Я увидела лишь колышущиеся в ветвях грязные полы плаща. Могу поклясться, что вся её одежда была немного влажной, только вот, отчего?

Как только незнакомка скрылась из вида, Даг и его сестра умчались по направлению к выходу, а Скала с Ником побежали вдогонку за старухой. Мы с Брэной недоумевающе переглянулись, все остальные также растеряно сидели на траве и, казалось, ждали чьего-то приказа. Мы с Брэной, как всегда, поняли, что нужно делать и взаимно кивнули. Она побежала за Скалой, я же побежала в поселение за Дагом. Что он собирался делать?

За мной последовали остальные ребята, кто-то по обыкновению нёс в куртках яблоки, кто-то взял гитару Ника, но все мы слышали крики Дага «Вторжение! Вторжение! К нам вторглись!». И лишь только мы ступили на территорию полей, как все работающие начали бросать инструменты и подбегать к нам.

— Какое вторжение, Дагги, мальчик? О чём ты говоришь? — Спросил искренне удивленный Косарь Луп.

— Вторжение...чужак...старуха...и там про лук... — Запыхавшийся парень упёрся ладонями в колени и мог произнести только обрывки фраз.

— Ти! Давай ты объясняй, что стряслось? — Потребовал откуда ни возьмись, мой отец. Мне пришлось прокашляться, прежде чем начать монолог. Я редко, когда говорила, а говорить на публику мне почти никогда не доводилось.

— Мы были на опушке с яблонями и пели песни, вы же знаете, что мы иногда ходим туда. Потом мы решили...отдохнуть от песен и поиграть в «Предметы». — Папа вопросительно посмотрел на меня, и сразу понял, что мне необходимо приврать перед всей этой любопытной толпой. — Это такая игра, когда называешь предмет, начинающийся на последнюю букву предыдущего. И тут из кустов, прямо из темноты, в которую нам нет пути, выходит старуха в плаще. Она рассказала нам какое-то пророчество, которое наказала передать всем жителям поселения. Вот. — Я закончила, в надежде, что кто-то другой продолжит рассказывать пророчество. Это сделала Марта Луг. Я бы не рассказала это так воодушевленно и мечтательно, как это сделала она. Прирождённая рассказчица.

Стоило бы вам видеть лица взрослых! Казалось, они совершенно точно знали, о чём говорится в этом пророчестве. Мы недоумевали еще больше: что же на самом деле происходит? Ситуацию усугубили прибежавшие Скала, Ник и Брэна. Они рассказали, что не нашли никаких следов старухи, но якобы она обронила какую-то дощечку. Ник показал эту дощечку. Она была идентична той, которую Прим нашёл в музее днём ранее. Могла ли загадочная страха подбросить ему её? Могла ли она превратить собаку в падальщика и заставить Спрута покалечить себя? Могла ли она быть ведьмой?

Я попросила Ника отнести дощечку Приму, который, по крайней мере, мог подержать её в сохранности. «Зайду к Приму после того, как поговорю с отцом наедине» — подумала я,

но всё случилось не совсем так. Плуг старший поднялся на холмик у дома сестер Мороуз и взял в руки рупор. Перед этим он наказал своему младшему сыну оббежать все поселение и сообщить о собрании на холме. И вот в какие-то десять минут мы стояли, словно огромная очередь за праздничным обедом, примостившись, где могли, рядом с полями, с озером, с сараями, и ждали чего-то важного и удивительного...но. Нам сказали лишь подождать.

«В связи со сложившимися обстоятельствами, с тем, что произошло вчера и, как вы могли услышать уже из слухов, с таинственным нарушителем, мы объявляем собрание на площади. Мы даём всем несколько часов времени для завершения своих работ, сами понимаете, мы не можем отставать от графика. И в семь часов вечера, обладатель самого мощного голоса в поселении Ник, сделает объявление от лица Ответственных. За работу!».

Конечно же, мы не могли отставать от графика. Больше не безмолвная толпа проследовала к местам своей работы, что, в свою очередь, пришлось сделать и мне, полноценному члену общества, поймавшего тоскливый и усталый взгляд моего отца. Зато на эти несколько часов на выручку мне пришёл Тигра, он сразу связывал скошенную траву в небольшие тюки, говоря, что это десерты для маленьких зверёнышей. Также он довольно частенько вопросительно смотрел на меня, якобы: «Давай, Ти, ты же была там, видела эту старуху! Расскажи мне о ней!». В ответ я только поджимала губы и резко проводила косой по траве по направлению к какому-нибудь близстоящему взрослому. Нам итак не пристало трепаться за работой, а тем более, рассказывать об экстренных ситуациях за работой, да еще и пятилеткам. Поэтому, Тигра узнал всё вместе со всеми.

Мы закончили работу, и я вспомнила про яблоко, которое отложила для Тигры. Брат был рад такой удаче, тем более, что ужин откладывался. Мы зашустрили к площади, чтобы занять места поближе. Объявления обычно делались на единственном балкончике здания библиотеки: он всегда закрывался на ключ изнутри, чтобы проворные школьники не могли обезьянничать или что ужаснее всего, свалиться с перил.

Уже начало смеркаться, было еще прохладней, чем на опушке, и я порадовалась тому, что надела утром кофту потеплее. На балконе, ярко освещенным факелами, стояли десять человек: Ответственные, Ник и мой отец. Я стояла рядом с людьми, которых видела не раз, но имён которых не знала. И это было правильно. Я просто держала Тигру за ручку и, мы вместе готовились услышать что-то, что изменило наши жизни.

— Внимание! Внимание! — начал Ник. — Прошу каждого послушать хорошо всё, что я скажу. Вы должны, в случае чего, мочь пересказать услышанное любому жителю поселения! Всё, произошедшее вчера, мы рассматриваем, не что иное, как предзнаменования Пророчества. — По толпе прошла волна встревоженных звуков, некоторые стали толкаться и подаваться вперёд. — На данный момент, состояние пострадавшего в лесу Спрута Ива остаётся неизменным, как и состояние Мастера, растерзанного его же псом. Оба мужчины находятся без сознания. Сегодня же на самом деле в поселении была замечена посторонняя женщина. — И снова толпа удивилась еще больше прежнего. Возможно, и я бы к ним присоединилась, если бы не оказалась свидетельницей. — Никто не знает, откуда она пришла к нам, каким путём и были ли у неё сообщники. — Я ухмыльнулась. Думаю, эту фразу добавил от себя Ник, вычитавший её в каких-нибудь детективах. — Известно только то, что женщина была стара и выглядела бедной. Также она просила всех, кто был на опушке, передать Пророчество всем жителям поселения. Оно звучит так: «Чтобы спасти ваше поселение от заточения, очень высокий юноша, не ниже ста восьмидесяти

сантиметров, должен выпустить стрелу из древнего лука высоко в небеса, стоя на самой высокой точке башни на площади». Следующие слова являются прямой речью Плуга старшего. — Объяснил Ник, и я увидела, как в свете факелов, он наклоняется к Нику и что-то шепчет.

— Итак, вы, конечно же, удивлены, услышав упоминание некоего лука. Мол, у нас отродясь такого оружия не было. И вы правы, это для нас непривычно. Но, я уверен, вы также слышали о загадочном сундуке, в котором хранится что-то, что поможет нам в чрезвычайной ситуации. Сложно судить, является ли эта ситуация таковой. Но могу вас уверить. — Ник несколько секунд ждал, пока Плуг соберется с мыслями. — В этом сундуке лежит старинный лук.

Стоявшие рядом женщины даже прикрыли рты ладонями, чтобы не закричать, некоторым же этого сделать не удалось. Все знали, если говорят Ответственные, то это точно правда. Могло ли это быть простым совпадением? У нас не бывает совпадений. И даже если этот лук поможет нам выйти, то с какими еще бедами нам предстоит столкнуться?

— Мы не знаем, где находится стрела, о которой сказала чужестранка. Так как к этому луку подходят определённые стрелы, ни один мастер поселения не в силах сделать хотя бы одну. На данный момент, мы не в силах исполнить пророчество. — Ник помедлил, а следующим жестом Плуг объяснил всё: он помотал головой и словно бы перерезал себе горло ладонью. Значило ли это «завязывай»? А может быть, он совсем отчаялся и уже ничего не понимал? Я не знаю. Ник сказал лишь: «Спасибо за внимание» и все, стоящие на балконе, ушли в темноту, погасив пылающие надеждой факелы, под восклицания озадаченных поселенцев.

Толпа еще долго выкрикивала что-то типа «Покажите лук!», «Говорите правду!», «Где найти стрелу?!», «Вы о чём-то умалчиваете!», и хорошо, что всё не закончилось дракой.

Мы с Тигрой почти не двинулись с места, высматривали отца в ближайшей толпе. Он вышел к нам со стороны главного входа и строго наказал идти домой. Так я снова не попала в музей. Папа обещал принести ужин, поэтому мы, протискиваясь сквозь гвалтующих страждущих свободы, побежали в сторону дома. Там я покормила Овечку и начала уборку дома. За скудным ужином, состоящим из свежих овощей и утреннего хлеба, я задумалась о том, что же делали сегодня сёстры Мороуз, если не могли приготовить ничего существенного и горячего. Зато овощи почистили. Спасибо и на этом.

Отец много не говорил. Сказал, что под склепом действительно находится хранилище с сундуком. А в сундуке покоится лук, который ему доводилось видеть лишь единожды: это массивный резной лук из полированного дерева, такой величественный и идеальный, что от одного взгляда на него у человека на глазах появляются слёзы. Мне кажется, папа немного преувеличил. И на этом закончил.

После уборки, я приняла душ и решила сразу же начать писать о сегодняшнем дне, чтобы у меня было хоть какое-то время на сон. Но пришёл Тигра. Он присел на самый краешек кровати, но его короткие ножки всё равно смешно свисали с матраса.

— Как ты думаешь, Ти, это правда? — Я глубоко вздохнула, сама не зная, что я думаю.

— А ты?

— Я хочу думать, что это правда. — Без толики сомнений в голосе ответил Тигра. Конечно, он же Веритель. — Даже если сейчас никто не может сделать эту стрелу. То её сделаю я. Когда вырасту, и Мастер выздоровеет и обучит меня ремеслу.

— И ты сделаешь. И вырастешь высоким-высоким, что сам сможешь выпустить эту стрелу. — Тигра заулыбался и, наверное, показался себе в этот момент очень находчивым. — А теперь иди почитай, я немного устала.

Но брат не собирался сдаваться.

— А как выглядела эта старуха? — Казалось, он совсем меня не слышал. Я присела рядышком и вдохнула его запах: он всегда пах свежим хлебом и мятой.

— Она была низенькая, морщинистая, но я бы сказала, что даже приятная. Только одета она была в ужасно потасканный темный шерстяной плащ. И он был мокрый. — Тигра удивился.

— Она пришла оттуда, где было мокро. Может там шёл дождь? Но у нас ведь не было дождя!

— Всё верно. — Братик спрыгнул с кровати и запрыгал, словно сделал новое научное открытие. А может, так оно и есть.

— Это же значит, что она пришла оттуда! Слышишь, Ти? Оттуда, где море, и где бананы! Она, она, она нашла вход! — Он взволнованно выбежал из комнаты, со скоростью несущки, избавившейся от заточения в курятнике. Наверняка, поделится своей догадкой с родителями. И обязательно с Овечкой.

А я теперь иду спать. И прошу не докучать мне страшными, запутанными снами.

Этот день был сумбурным и каким-то нереальным. Мне всё время казалось, что всё это происходит не со мной, а я как бы просто наблюдаю за всем со стороны. Надо отметить, что сегодня стало ещё чуть холоднее. Как если бы лил сильный дождь, но его не было. Сразу после завтрака, перед школой я забежала к Приму. Он был очень расстроен, что я не пришла вчера, так как не мог даже спать, пока не рассказал никому о своём открытии.

После того, как Ник отнёс ему вторую часть таблички, Прим соединил куски в одно целое. Оно хоть и не было законченным, но кусочки точно подходили один к другому. Значок лука со стрелой воспринимался нами уже иначе, но на втором куске совершенно точно было изображено дерево. Дерево с плодами.

— Ты знаешь, что это значит, Ти? — Я, конечно, догадывалась, что это значит, но не хотела ошибиться и выглядеть глупо перед таким образованным человеком. Поэтому я просто помотала головой.

— Это значит, что нужно еще раз обыскать опушку!

— Еще раз? — недоумевала я. — Но мы её не обыскивали!

— Теа, это же совершенно неприемлемо! Я уверен, что там можно найти еще несколько кусков этой головоломки.

— А я не хочу ломать никому голову! Может быть, забегу после школы, но обещать не могу. Сам знаешь, как сейчас все реагируют на неповиновение. И вообще, это не логично. — И умные люди могут ошибаться, верно?

— В каком смысле не логично? — Казалось, я задела Прима до глубины его хрупкой, умудрённой информацией, души.

— Если на первом кусочке изображен лук, а на второй яблоня, то это может значить только одно. Мы узнали у яблони о Пророчестве. То есть не второй кусок говорит о следующем шаге, он лишь указывает на предыдущий.

— Это логично. — Прим поник в лице и прикрыл табличку тканью. — Я бы очень не хотел, чтобы ты оказалась права. Эх, если бы я только мог разобрать эти надписи!

И я оставила друга горевать в гордом одиночестве. Останься я еще ненадолго, могла бы получить дополнительное задание от Ментора и еще больше огорчить Прима. Он, вероятно, тоже был Верителем, сам того не осознавая.

С ребятами мы только перекинулись парой фраз. В классе было так тихо, что были слышны чьи-то шаги на улице. Ментор, видимо, тоже не спала всю ночь. Об этом говорили не мешки под глазами, а резкая смена занятий: она была такой уставшей, что явно не хотела заниматься проверкой наших заданий. Поэтому, целых два часа мы читали различные рассказы из библиотечных сборников. Сама же Ментор делала вид, что читает «Собор Парижской Богоматери». Скала сказал, что не очень любит рассказы и решительно принялся за «Столпы земли», но слишком быстро остыл, поняв, что «Вождь краснокожих» все-таки проглотится быстрее. Брена решила перечитать пьесы Шекспира, и была очень удивлена, когда увидела, что о пяти пьесах она никогда ранее не слышала. Я решила было перечитать Диккенса, но не смогла, голова не была настроена на что-то столь величественное и поучительное. А вот рассказы некоего Макса Фрая, которые разбавляли мои мысли о странных дощечках какими-то несуществующими вещами и дивными мистическими сюжетами, и заняли моё спутанное сознание на следующие пять часов.

Мне, конечно же, удалось поразмыслить о том, почему какой-то старый резной лук хранится в нашем склепе, в качестве средства экстренной помощи, но ничего дельного в голову не пришло. Всё сводилось к тому, что большинство наших жителей сходит с ума от безысходности и однообразия. Они могут не соглашаться с тем, что их волшебный график только вводит всех в состояние стресса, но я-то вижу — безумие неизбежно. Рано или поздно кто-нибудь бы начал протестовать, возможно, даже проявлять насилие. Так как было все эти годы — тихо, спокойно, человечно, благополучно, не могло оставаться таковым. Идиллия разрушается сама по себе, а если бы этого не случилось, её бы разрушил кто-то из нас. Но хотела ли я этого разрушения? Хочу ли я его теперь?

Мне также было интересно, путешествуют ли мои одноклассники в этот момент по таким разным книжным мирам, проживают ли увлекательные чужие жизни или же, так же, как и я, размышляют о переменах в своих. Почувствовали ли они, как меняются, как их мысли путаются, а желания крепчают, набирают силу, растут и берут над ними верх? Почувствовали ли они тоже, что и я? Страшатся ли они неизвестности?

Когда мне не удавалось отогнать от себя этих назойливых и жарких раздумий во время работы или перед сном, я долго размышляла о других. Я знаю себя, возможно, хорошо знаю Тигру, но даже своих родителей и друзей, я не уверена, что знаю в полной мере. Как остальные справляются с гневом, грустью и переживаниями? Смеются ли они у себя дома в окружении семьи? Или они привыкли подавлять в себе всё, даже малейшую слабость? Боятся ли они того, что за нами, возможно, кто-то следит? Удивляет ли меня это всё, потому что я сама по себе не люблю говорить и показывать свои эмоции? Почему люди в книгах такие живые и настоящие, а жители моего дома все больше кажутся мне картонными фигурками из старых детских игр?

Иногда мне кажется, что мы не замечаем чего-то, что находится под самыми нашими носами. Что, если смысл всей нашей жизни прячется где-то совсем рядом, но мы его не видим? Или просто не хотим видеть? Вопрос за вопросом, минута за минутой, время утекало сквозь шелест потрёпанных страниц, а я прогоняла бредовые мысли, отгоняла сонливость и следила за необычайно раздосадованной Ментором. Она уже не старалась ничего скрыть.

Я лишь песчинка в потоке мироздания... вычитала ли я где-то эту фразу? Уже не помню. Но в тот момент я считала себя именно песчинкой, не знаю в потоке ли какого-то мироздания или же в пределах нашего поселения, но именно ничем. Или же всем? Что ждёт меня дальше? Раньше я не задумывалась о течении своей жизни, этот пресловутый график все за меня решал. Казалось, на протяжении десятилетий он решал всё и за всех. Он решал, кому и с кем создавать семью, кому каким ремеслом заниматься, что готовить на обед и когда поливать растения. Но откуда он вообще взялся? Кто были первыми жителями поселения и зачем они придумали ход каждого нашего дня?

На самом деле я всегда понимала, что моя помощь в музее не является обязательной, или поощрительной, или просветительной. Я знала, что когда слежу за малышами, опять же в библиотеке, всё это является частью какого-то плана. И не глобального, лишь в масштабах поселения. Мои родители просто хотят выдать меня замуж за Прима. Конечно же, скоро подойдет тот самый возраст, который Прим давным-давно проворонил. У него не было толпы поклонниц, но они всё же были. Он отказывал всем с резкостью зазнайки и чувством отвращения. Он не хотел жениться на дочери ремесленника или кухарке, он хотел такую жену, которая могла бы разделить его интерес к истории и наукам. И надо же, мне понадобилось три года назад поинтересоваться у него, где я могу найти книги о

древнегреческих философах. Наверное, ему понравилось и то, что я уже к тому возрасту была с ним почти одного роста. Чудеса, да и только! Не то чтобы мне не нравился Прим. Он действительно очень умный, и наверняка бы сам достиг каких-нибудь высот в науке, если бы она у нас была. Я открою вам свой самый страшный секрет. Мне ни за что не хочется влечить своё существование в поселении. Возможно, той старухе тоже этого не хотелось...? Возможно, через пятьдесят лет, я буду на её месте, буду пугать глупых школьников всякими несуществующими пророчествами?

По прошествии этих бесконечных пяти часов, мне удалось перекинуться парой слов с Брэной и Скалой. Мы пока опустили разговор о произошедшей между нами ранее ссоре, и я была благодарна друзьям за такое понимание. Я вкратце описала им происхождение первой дощечки и догадки Прима относительно второй.

— Сначала эта старуха, а теперь еще и загадочный пазл? — Брена, воодушевившись пьесами великого «английского» драматурга, пыталась говорить по театральному наигранно. И у неё недурно получалось.

— Загадочный что? — не услышал или же не понял Скала. За нами собралась целая громада учеников, бойко сравнивающая свой рост и выдумывающая пути решения проблемы «Мне не достаёт пятнадцати сантиметров!». Один умник даже решил воспользоваться ходулями. Будто бы никто не заметит!

— Ты что, не знаешь, что такое пазл?

— А может, я забыл! Не обязан же я знать всех тонкостей! — Мы с Брэной обменялись улыбками, говорившими «Заметила, он снова блещет красноречием, когда чего-то стыдится?».

— Позволь тебе напомнить, дорогой, это одна картинка, поделённая на множество мелких частей.

— Как мозаика?

— Именно, как мозаика. Впрочем, не важно. Что еще сказал Прим?

— Он посоветовал обыскать поляну. Возможно, мы сможем найти еще кусок.

— Эх, непруха! Я должна помочь маме с пошивом футболок для малышей, а то они очень быстро расходуются. Никак не смогу сегодня. — Брена искренне расстроилась, и мне хотелось верить в то, что она скучала по совместному времяпрепровождению, а не просто жаждала возможных приключений.

— А я могу! — Ободрился Скала. — Сразу после обеда.

— Отлично, тогда встречаемся у входа в лес!

— Я подойду перед ужином к музею, хорошо? Встретимся там, если вы что-то найдёте. Только всё мне расскажите! — Брена была безмерно рада даже услышать о приключениях. Не представляю, что бы с ней было, переживи она все то, что довелось пережить мне в четверг. За таким долгожданным разговором с друзьями я и не заметила, как к нашему разговору присоединился Тигра. Подслушивающий Тигра.

— Даже не думай, — сказала я не глядя на братишку.

— Ну, пожалуйста! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! — Взмолился мальчик так жалобно, что мог бы умилить жестоких судей, выносящих смертный приговор.

— Нет, нет и нет! Это может быть опасно. В этот раз это старуха, в следующий — злобный монстр. Ты этого хочешь? И вообще... — Я присела на корточки так, чтобы стать с ним одного роста. — По лесу могут бродить падальщики. — Тигра нисколько не смутился, наверное, потому что никогда раньше не слышал такого слова.

— К-т-о?

— Падальщики. Это такие обезумевшие собаки, как собака Мастера. Только их нельзя убить.

— А откуда они в лесу?

— А откуда в лесу эта старуха? — Тигра на секунду озадачился, но не показал никакого страха.

— То есть в лесу бродят сумасшедшие огромные собаки, которые бросаются на людей?

— Именно! — Наконец-то он понял, подумала я, но не тут то было.

— Класс! Тогда я точно иду с вами! — Сказал Тигра и, волоча свой полупустой ранец, отправился занимать обеденную очередь. В мои планы никак не входило следить за своим младшим братом в полном неизвестностей лесу. А если еще и родители об этом бы узнали, то можно прощаться со своим досугом с детьми и в музей!

За обедом мне пришлось немного солгать родителям. Я сказала, что Брена позвала нас с Тигрой и Скалой помочь ей с тканями. Родители были только рады, услышав, что я снова встречусь с друзьями. Им казалось, что после таких напряженных последних дней, хорошо видеть их дочь подростка снова занимающуюся своими обычными делами. Если бы они только знали, что я вообще делаю. А знала ли я сама, что я вообще делаю? Словно все перестали чувствовать себя людьми, а возможно, только начали ощущать себя таковыми. Может быть, мы все долго-долго спали, а теперь очнулись после долгого проклятия? Как в той сказке, «Спящей красавице». Только здесь нет ни заколдованной красавицы и её королевства, ни прекрасного принца, ни волшебного поцелуя, а только потерянные люди, начавшие находить себя и проблески новой надежды.

Но обо всём по порядку. Сначала я взяла с Тигры слово никому ни о чём не говорить, и вообще не говорить, даже со мной по дороге на опушку, даже со Скалой, как бы ему там ни хотелось. Знаю, для пятилетнего мальчишки это ужасно сложное задание, особенно, когда у него и друзей то нет, кроме нас, но, надо признать, он с достоинством перенёс тяготу молчания.

Скала тоже понимал важность нашей миссии, не трепался попусту и не терял времени на поиск лучшего пути. Одна я не до конца осознавала эту важность, потому что для меня не было никакой задачи, ведь я не видела между двумя дощечками никакой связи, которая могла бы нам помочь. В глубине души у меня закрался страх встретить эту жуткую женщину еще раз. Я думала о том, что она сказала насчёт падальщиков — «Вам бы не следовало смеяться над словами товарища! Он может оказаться прав!». Мне бы очень не хотелось, чтобы Гусь был прав. Это означало бы конец. Конец всего.

Один раз Тигра выпрыгнул из-за куста ежевики с таким диким рыком, какой только мог издать. Я пожурела его взглядом, поскольку совсем не посчитала это смешным. В любой момент кто-то действительно мог выскочить из самых неожиданных мест. Ветер, словно стал новым жителем поселения, иногда своими резкими порывами он действительно давал знать, что мы в этом лесу не одни.

Подходя всё ближе и ближе к опушке, мы стали понемногу сбавлять шаг и даже позволили себе несколько перешёптываний. Скала честно признался, что даже ему стало страшно находиться в лесу. И это такой бугай! Я привела ему в пример Тигру, который беззаботно собирал ягоды в рюкзачок, и парень сразу же надел маску бесстрашного воина.

У яблонь было, как всегда, спокойно, умиротворённо и свежо. Слишком спокойно, что настораживало — даже ветер не трепал кроны деревьев. Типично для пятилетнего ребёнка,

Тигра начал трясти более тонкую яблоню, в надежде, что на землю свалится хоть один плод. Я поднесла палец к губам, строго приказывая брату не шуметь.

— А что вообще мы ищем? — Тихо поинтересовался Скала. И я на секунду призадумалась. А что на самом деле мы ищем?

— Что-то, что не будет травой, плодом и вообще растением. Что-то...чужое.

— Кажется, понял. Ищем то, чего здесь по природе своей быть не должно? — Я кивнула и осмотрела полянку. Она не большая, на это не должно уйти много времени. И вообще, что «чужое» может находиться здесь? Помни, ты пришла сюда только за тем, чтобы доказать Приму неправильность его теории.

— Ти? — Скала вынырнул из-за ближайшего куста ежевики и выглядел немного озадаченно.

— Ты что-то нашёл? — Удивилась я. Но друг только лишь пожал плечами.

— Нет, ничего. Просто...где Тигра? — Моё сердце бешено заколотилось, словно в один из тех моментов, когда ты уже засыпаешь, но вдруг будто проваливаешься в бездну и вздрагиваешь.

— Тигра! — Шёпотом звала я брата, с каждым разом все громче и громче. Когда после нескольких минут поисков и криков мы не нашли никаких следов малыша, я громко и злобно вскрикнула, как только позволял мне объем легких. В ту секунду даже, сидящие на ветках птицы перепугались бы, будь у нас вообще эти птицы.

— Подожди, Ти! — Начал успокаивать меня Скала. — Он не мог далеко уйти. Может быть, он направился к хижине Велана, ты же знаешь любопытство своего брата!

— А что...а что если его забрала эта старуха? Что тогда? Она же совсем полоумная, придумала какое-то пророчество, она могла запросто выкрасть ребёнка, а потом... — Я услышала шорох где-то совсем близко и заметила какое-то странное движение на том самом месте, где стояла вчера эта женщина. Буквально в мгновение ока из густых зарослей выбрался сконфуженный Тигра, а мне сразу же стало спокойно и стыдно. Стыдно оттого, что я наговаривала на бедную женщину, которая, конечно же, не имела никакого отношения к пятиминутному исчезновению моего брата.

— Тигра, ты что, с ума сошёл? Где ты был? Я тебе строго настрого запретила отходить от нас, разве нет? Тигра? — Мальчик совершенно не двигался с места, словно прирос ногами к земле, как корни короля и королевы приросли к ней. Он молчал и смотрел куда-то вдаль, будто не замечая и не слыша меня. Его руки были спрятаны за спиной и так сильно напряжены, как если бы он держал в них тыкву средних размеров.

— Тигра? Братишка, ну же, иди сюда! — Скала тут же снял свою маску бесстрашия, выбросил её в мусор, где потом она сгорела вместе с остальными отходами. Он тоже испугался.

— Скала, почему он не двигается? Куда он смотрит?

— Я не знаю, Теа, я не знаю. Может быть мне...подойти к нему? Принести его?

— Что? Нет! Может быть, это вообще не он. Тем более посмотри...он что, не дышит? — Действительно, мальчик стоял, словно статуя, с неестественно вывернутыми руками и стеклянными глазами. Вот, что было странного: он не моргал!

— Что нам делать, Скала? Что делать? — Запаниковала я, наверное, первый раз в своей жизни. — Мы не можем звать на помощь, верно? Нам влетит, ох как нам влетит! Нельзя было идти сюда, зачем я только пошла! Скала, ты слышишь? — Я металась от одного куста к другому, словно бешеный пёс Мастера, я не знала, куда себя деть, куда посмотреть, что

сказать.

— Я...я могу сбежать за Веланом! — наскоро предложил Скала. — Точно, я могу сбежать в хижину! Он то точно знает, что делать в таких...

— И оставить меня с ним? Одну? Тут? — Я нервно ковыряла ногти и царапала ими пальцы в тех местах, где уже были царапины. — Эта штука может быть вообще не Тигрой, Скала, я с ним не останусь!

— Но, может быть, и наоборот? — Мы недолго смотрели друг на друга, и прежде, чем я успела кивнуть, могу поклясться, что-то пролетело над нами! Так высоко, что, даже успев задрать голову, никто бы всё равно не заметил больше маленькой чёрной точки на белом фоне громадного облака, заслонившего поляну. Как Тигра и хотел, с дерева упало большое, даже огромное яблоко. Яблоко было искромсано и изъедено, как если бы...как если бы его клевала птица.

В ту же секунду Тигра прерывисто задышал и повалился на четвереньки, мы со Скалой подбежали к задыхающемуся малышу.

— Все хорошо, слышишь, всё хорошо! Ты в порядке? Ты в порядке! — Лепетала я, как сумасшедшая, не давая брату даже кивнуть, в качестве ответа. Мне было противно от самой себя: как я только могла подумать, что это не он? Как я могла бояться остаться с ним рядом?

Я помогла ему приподняться и крепко обняла, так крепко, что, вероятно превратила ягоды в его рюкзаке в пюре. В чувство меня вернула грубая бранная фраза Скалы:

— Да чтоб меня свиньи загрызли! — Я разомкнула объятия и вопросительно взглянула на друга.

— Теа, смотри, что малой зажал в руке! О, предки! Озвездеть можно! С ума сойти! Ошалеть! — На первый взгляд показалось, что Тигра крепко сжал в кулачке какую-то блестящую, в редких проникающих лучах полуденного солнца, палочку, похожую на старое серебряное чернильное перо из музея. Малыш разжал ладошку, и мы со Скалой не смогли сдержать удивления:

— Воу! — Выкрикнули оба.

— Да, это же... — Я взяла из его протянутой ладошки маленькую лёгкую стрелу с острым сверкающим наконечником и узенькими лопастями, выполненными в форме аккуратных крыльев. Каждое пёрышко было высечено так точно, что казалось, еще секунда и стрела взлетит из самой моей руки.

— Она такая...красивая. — Скала наблюдал за орудием, как замороженный. — Стойте. Неужели это та самая стрела из пророчества? Тогда почему она такая...крохотная? Дай сюда, это же игрушка, должно быть... — Скала выхватил из моей ладони стрелу и начал варварски крутить её в пальцах. Я даже на секунду пожелала ему порезаться, чтобы проучить, в связи с отсутствием хороших манер, но после странного щелчка, я машинально отодвинулась в сторону, заслонив собой и Тигру.

Маленькая блестящая штуковина начала удлиняться, словно складной нож, раз-два-три-четыре-пять оборотов... я перестала считать после пятого, щелчки гулким эхом раздавались по всей поляне, пока наконец, не прекратились, оставляя после себя гробовую тишину.

Скала, уже обеими руками, держал массивное пугающее орудие, настолько тонкое, что казалось, дуновение ветра может с лёгкостью его сломать.

— Э-э-э. Оно такое лёгкое, чума. Что делать, Теа? Что делать?

— Держи, Скала. Осторожно, не урони. — Я повернулась к Тигре, который смотрел на всё искренне не понимая, что он здесь делает, и откуда вообще взялась эта стрела. — Вот, ты

где, наш герой! Тигра, расскажешь, откуда у тебя эта штука? — Брат потупил взгляд и просунул большие пальцы под лямки рюкзака. "Нервничает, конечно, он нервничает. Не представляю, в каком состоянии он находился всего каких-то пять минут назад, было ли ему больно? Мог ли он двинуться?"

— Я увидел, там кто-то шевелится. И пошёл туда, потому что подумал, вот все удивятся, если я что-то найду. Может, со мной ребята начнут разговаривать, спрашивать там всякое будут. А потом я дошёл...наверное, до черты. И так помутилось всё в голове, затошнило, я думал, буду так ходить годами по кругу, а потом старым дедом вернусь домой. Ну, знаешь, как в историях. А...потом там был какой-то большой человек. Я его не видел, но ощутил. Он мне как будто дал что-то, по голове погладил. Ладонь такая большая, больше даже папиной. Я подумал, вот великан! Он что-то даже сказал, но я не запомнил. Потому что всё как во сне было. А потом я как будто упал куда-то и на такое мягкое, как в стог сена свалился. А ещё меня будто водой обрызгали. И лежал так долго-долго, думал, уже точно дедушкой стал. И лежу, а пошевелиться не могу. Мне Прим читал об этом, это как будто...сонный парализ. Сонный парализ. Паралич! А потом я услышал, как ты говоришь: «Тигра! Тигра!», и я подумал, что надо возвращаться. Но не знал, откуда возвратиться. А потом где-то рядом что-то громко стукнуло, как будто упало. И я перестал лежать и упал. Вот.

— Молодец, братик, ты всё очень хорошо описал. Ты хорошо себя чувствуешь? — Я начала осматривать его, в надежде, что и правда найду сухую траву, но он выглядел так, будто никуда и не уходил. Правда его одежда была немного влажной, но ведь он мог и вспотеть от страха, да?

— Да, Теа, я здоров.

— Сможешь всё тоже самое повторить взрослым, когда мы придём? — Малыш кивнул и немного взбодрился, как будто я доверила ему важную миссию. А ведь, всё случилось, как он и хотел. Он сам нашёл что-то. Или кого-то.

— А я смогу всем рассказать, что это я нашёл эту...

— Стрелу? Конечно, да! Ведь ты её и нашёл! А теперь беги немного впереди нас, только так, чтобы мы тебя видели. Хорошо? — Братец бойко закивал и устремился вперёд, делиться со всеми своей редкой находкой. Меня еще больше напугала история брата, чем его состояние. Какой-то большой человек? Великан? А что скажут взрослые на то, что мы пошли в лес без разрешения? Как только Тигра увеличил расстояние между нами до пары метров, я посмотрела на трясущегося Скалу, который даже боялся пошевелиться.

— Пошли, надо отнести её...кому-нибудь. — Скала шёл медленно и осторожно, словно стрела была отравлена, и он боялся заразиться. — Стой, так дело не пойдет. Возьми её нормально, она не кусается! Да, вот так, в одну ладошку. Молодец! Живой? — Я вспомнила, как соседские малыши приходили увидеть Овечку, как я учила их не бояться гладить её и решила применить эту же теорию на друге. Хотя, наверняка, если бы я была на его месте, то тоже бы жутко боялась держать в руках эту неведомую иноземную вещь.

— Скала, как ты думаешь? — Начала я так, чтобы не слышал брат. — Получается, всё это правда?

— Ты спрашиваешь, правда ли то, что вчера рассказала полоумная бабка, которую никто раньше никогда не видел? Я поначалу тоже не верил. Сказка и сказка. Какая угодно семья могла скрыть сумасшедшего члена семьи, который сбежал в лес. Но вот после этого! Я держу в руках стрелу из предсказания! Стрелу, которая подходит к луку, о котором знают только Ответственные, Теа. С ума можно сойти.

— Всё сходится, да...только... — Я прикусила верхнюю губу, как делаю всегда, когда сомневаюсь.

— В чём дело?

— Получается, что мы прокляты? И мы...заперты? То есть что-то там есть? За поселением? Какие-то люди? Какой-то парень сможет снять проклятье? Ерунда какая-то. Ты что-нибудь понимаешь?

— Я не знаю, Теа, я правда не знаю.

Мне удалось поразить саму себя. Я не говорила так много даже в детстве. Даже тогда я отдавала предпочтение получать все ответы на многочисленные вопросы из книг. Я чувствовала, что мои родители не будут разводить дискуссии и читать мне лекции и видела, что каждое произнесённое ими слово даётся им с трудом. Мне казалось, что я в прямом смысле вытаскиваю из них слова кусочками, отчего им становится больно, зона комфорта рушится, а жалость ко мне, как к слабому члену общества, возрастает в разы. С Тигрой отчего-то всё иначе. Ему дозволено болтать без умолку, но это, вероятно, оттого, что он сам рассказывает об изученном, рассказывает какие-то истории и небылицы, но не задаёт вопросов. Он любит хороших слушателей, которые любят хороших рассказчиков.

Теперь же, я словно решила наверстать упущенное, или же... Или же у меня просто не было ответов на эти вопросы, и я знаю, что вряд ли найду их в книгах или даже у Менторов. Я не знала, как отреагируют Ответственные и остальные жители на «трофей» Тигры. Они могут испугаться находки, а могут и остолбенеть от счастья, устроить пир с использованием электропечи или даже действительно поверить во спасение.

В голове проносились разные нелепые картины: вот Скала выпускает стрелу из лука, она рассекает небеса и всех нас поглощает пустота. Что если мы совсем не прокляты, а наоборот, защищены? Что если там, за завесой обитает ужасный вирус, который убивает всё живое? Что если все сойдут с ума от горя, потому что ничего не получится? Этот высокий спаситель мог еще даже и не родиться.

Когда лес стал редеть, мои мысли тоже рассеялись. Я сделала себе установку на чёткое понимание происходящего и уничтожение воздушных замков, не важно, с монстрами они или без. Очистить моё сознание помогли громкие возгласы рабочих, сгрудившихся в западной части поля, там, где на большей части произрастала пшеница.

— Чую что-то неладное. Сейчас им явно нет дела до какой-то стрелы. Давай ты разузнаешь, в чём дело, а я пока постою тут. С этой штуковиной трудно не привлечь к себе внимания. Тем более, я не знаю, как её это... свернуть. — Скала спрятался за одним из самых первых деревьев леса, резко отграничивающих свою территорию. Мне не оставалось ничего, как побежать к толпе и сделать вид, что я тоже являюсь участником работ. Но не вышло. Слишком уж печально всё обернулось.

Со всех сторон сыпались выкрики удивления и даже какого-то ужаса, будто от работы всех оторвало какое-то кошмарное происшествие. И как бы мне не хотелось думать об ужасном развитии событий, нечто опять настигло поселение. Я была удивлена тем, что не заметила этого ранее: обширная территория пшеничного поля была вытоптана, отдельные части были выкошены или выдраны. Жители сгрудились над кучей чего-то чёрного...пепел? Нет, тогда почему он движется?

— Откуда? Откуда здесь взялись эти проклятые создания? — Ив старший с отвращением смотрел на груды...жуков. Да, это определенно были жуки! Сантиметра два в длину, чёрные, переваливавшиеся на спину, с противными усиками. Стойте! Откуда я знаю

описание жука? Только из книг по биологии. Потому что у нас нет жуков! У нас не бывает жуков! Из насекомых в поселении водятся только пчёлы. Дикие и, конечно же, пчёлы Пасечника. Но откуда здесь взяться жукам?

Я словно ощутила их мерзкую возню на своей коже, почувствовала, как их маленькие цепкие лапки елозят по моим царапинам и ранам. Все мои мысли представляли собой противных копошащихся жуков, внутри было темно и тесно, они роились, как вопросы, загадки и странности, с огромной скоростью увеличиваясь в количестве и даже в размерах.

— Это проклятье! Оно сбывается! Они сожрут весь наш урожай! — Кричал кто-то в толпе.

— Нам удалось избавиться от этих тварей настоем Велановых трав. Но Ответственные не могут ручаться, что они не нагрянут снова, — Уставшим голосом произнёс Плуг.

— Надо их сжечь!

— Надо сжечь пшеницу, что они испоганили!

— Ты предлагаешь выжечь целое поле?! — Люди бранились и предлагали всё более странные выходы из положения. Всегда молчаливый народ, словно выпустил всё накопившееся за годы мирно протекающей жизни наружу. Неужели всё время я жила бок о бок с людьми, скрывающими своё истинное «я»? И тут я услышала голос своего отца и испугалась, что он тоже может принадлежать к их числу.

— Я хотел бы попросить всех успокоиться. — По привычке, тихо сказал отец, и все его послушались. — Мы естественно сожжём жуков, и как бы печально это не было, нам придётся сжечь остатки испорченной пшеницы. Мы примем все меры по предотвращению появления этих тварей...но вы сами должны понимать, что кроме трав у нас ничего нет. Морально готовьте себя и свои семьи на сезон без хлеба. У нас еще есть рожь и кукуруза, но их хватит только на этот сезон. Овощи остались нетронутыми. Можете расходиться.

Даже стоявшие вдалеке жители послушно слушали отца и не прекословили. Выпустили весь пар. Интересно, есть ли пар у папы? Как они будут вести себя дальше? Я увидела, как Ив старший прошептал отцу «Спасибо», похлопал по плечу и удалился вместе с остальными Ответственными к мусорной яме. Папа, словно всё это время знал, что я стою рядом и наблюдаю, несмотря на меня сказал:

— Поселению нужен праздник. — Я решила переспросить, так как не была уверена, что расслышала правильно. Возможно, от перенапряжения слух стал подводить.

— Праздник? — отец кивнул.

— Нам сейчас не до праздников, пап. Иди сюда, — поманила я, смешно выглядывающего из-за тоненького деревца, Скалу. На призыв откликнулись оба: мальчик-рассказчик и парень-держатель. Что же сказать отцу? Может быть подождать всех Ответственных? Может быть он переутомился, раз речь зашла о каком-то празднике? К моему удивлению, положение спас Скала. Да-да. Страх неизвестного вытворяет с людьми странные шутки.

— Мы нарушили правила и обыскали опушку. Тигра нашёл вот это, Гал. — Друг показал отцу всё также загадочно лежащую на его ладонях, кажущуюся иллюзорной и чужой, стрелу. Естественно папа изменился в лице. Он мог бы сказать многое, но его лицо и так всё сказало.

— Это я нашёл, пап, я. Мне думается, что я, может быть, ну это... возможно, вышел из поселения.

— Что ты сделал, сын?

— Ну что сразу сын...

Отец больше не менял выражения лица, оно было стабильно шокированным. Тигра пересказал ему то, что уже рассказал нам, вставляя только слова «храбрый», «бесстрашный», «отважный». Это все про него, конечно.

— Ты проявил большое мужество сын, наравне с безрассудством. Я думаю, ты сам извлёк из этой истории урок, и ругать тебя никто не будет. Скала, ты очень напряжён. Эта стрела опасна? Она причиняет тебе боль?

— Нет, Гал, ничего такого. Я просто боюсь её, ну это...сломать. Или, что она ещё во что-нибудь превратится.

— Иди за мной. Отнесем Ответственным и решим, что делать дальше. А вы, — сказал отец, привычно не смотря на нас, — идите домой и отдохните.

На его трудолюбивые узкие плечи опустилось новое бремя. Я никогда не считала отца даже и приближённым к Ответственным, но сейчас поняла, что он является таковым, даже больше, чем, например, Мастер. Он шёл, опустив голову, спрятавшись за Скалу, и почти наверняка укорачивал свой будущий монолог до пары-тройки предложений. Прости, пап.

— Теа, но я же совсем не устал! Давай погуляем еще чуть-чуть? — Не унимался Тигра.

— Сейчас опасно гулять. Пошли лучше домой. — Отрезала я. Брат молчал по дороге обратно, а я наблюдала за пустынными полями, площадью и проулками. Теперь здесь правил ветер, а поселение казалось воистину заброшенным. Люди попрятались по своим домам и квартирам, все боялись выйти на улицу и увидеть новую угрозу, увидеть беду, случившуюся с кем-то из близких, а еще хуже — со всеми. Я представила, как бы выглядело поселение, если бы все жители вдруг исчезли в никуда. Именно так бы оно и выглядело. Меня передёрнуло.

Возможно, устроить праздник, на самом деле хорошая идея. Люди бы немного отвлеклись от паники, вспомнили про единство и беззаботность. Но что, если что-то пойдёт не так?

Мы съели по куску хлеба, оставшегося с завтрака, оставив, конечно, по порции родителям. Растягивали эти слипшиеся тёмные кусочки, как только могли, представив, что это последнее, что нам довелось съесть. Последнее в жизни. Соседи сидели в своих норках тихо, как мышки (я тоже где-то вычитала это выражение). А я не знала, что делать дальше.

После перекуса мы пошли навестить Овечку, которая, казалось, была напугана не меньше нашего. Тигра и ей поведал о своём сегодняшнем приключении, только более кратко и даже тише, без бывшего энтузиазма...потому что устал. Думаю, сегодня все жители почувствовали усталость. Усталость за всё время, прожитое здесь. Когда то, над чем ты кропотливо работал, буквально съедается паразитами, это наименьшее, что можно почувствовать. А еще обиду, отчаяние и безысходность.

Тигра почти заснул, оперевшись на Овечку, когда кто-то затрубил. Традиционные три звука означали сбор на площади. Я не знала, чего ожидать, чему верить, как себя вести. Отнесли ли Ответственные к стреле скептически или слепо поверили в волшебное пророчество? Волшебство, не иначе.

Мы вышли на улицу одновременно с остальными жителями, поэтому образовалась небольшая толкучка. Жители в недоумении переглядывались, кто-то в ужасе, переживая за большой ущерб, кто-то в надежде на светлое будущее, на пророчество, которое воплотится в жизнь. Я где-то читала про эффект под названием «дежа вю», когда тебе кажется, что это с тобой уже происходило, ты уже это делал, видел этих людей. Возможно, это не совсем одно и то же, но тогда я испытывала именно это. Так часто нас на площади еще не собирали.

Тигра немножко поныл, что ему ничего не видно, а я ответила ему, что главное — это услышать. На балконе стояли всё те же люди, что и вчера. А еще Скала. Он стоял поодаль, неестественно вытянув ладони. Неужели он держал стрелу всё это время?! Говорил, конечно же, Ник. Тишина была точно такой же, как в склепе под библиотекой. Солнце уже почти зашло, и я накрутила себя еще больше, подумала, что холод сейчас должно быть тоже, как в склепе под библиотекой.

— Уважаемые, сопоселенцы! В минуту всеобщего недоумения и страха, мы спешим по-настоящему обрадовать вас! Всё, что вы знаете о предсказании — правда. Сегодня на опушке была найдена вот эта стрела! — Люди начали скакать на местах, чтобы рассеять свои сомнения. Я была уверена, что Скала готов провалиться сквозь балкон, только чтобы избежать пытливых взглядов поселенцев. Ник не спешил продолжать речь: со всех сторон посыпались вопросы и крики.

— Покажите ближе, ближе!

— Кто нашёл эту стрелу? Это вообще — стрела?!

— Вы могли всё придумать!

— Покажите, что она подходит к луку!

— Мы спасены!

— Мы погибли!

— Кто и как её нашёл?

Терпение Ива, казалось, находится на пределе. Он что-то быстро протараторил, и Ник со всей мочи прокричал в рупор оглушающее «Тихо!».

Замолчали не все и не сразу, но Ника это несколько не смутило:

— Стрелу нашёл Тигра Гал. Вы можете спросить его сами, если вам это так нужно.

Только не это. Мой бедный маленький братик, который просто мечтал оказаться в постели, оказался зажат десятками вопрошающих взрослых. Мне нужно было переступить через себя и закричать. Мне нужно было, чтобы от него отстали. Все эти лица вокруг, такие знакомые, такие родные вдруг показались мне чужими и недоброжелательными.

— Расступитесь! Живо, расступитесь! Давайте, давайте! Живо! — Люди стали пятиться назад, оставляя свободное место для меня и Тигры. — Тигра, если ты не хочешь, тебя никто не заставляет говорить. Правда.

Но брат не капризный ребёнок.

— Всё нормально, Теа. — Понимающе сказал брат и насколько громко мог, прокричал:

"Это я нашёл стрелу на опушке! Больше мне, нечего сказать. Но это, правда, был я-я-я!!!!"

— Что он сказал? Вы можете передать, что он сказал?

— Мы всё-таки спасены?

— Да помолчите вы уже!

Ник не заставил долго себя ждать, и уже вскоре люди совсем изменили своё настроение. Толпа оживилась, большинство действительно поверило Тигре. Я так боялась, что она расскажет про то, что почти вышел за пределы поселения, потому что люди сразу бы побежали осаждать опушку, искать выход, начали бы сходить с ума.

— Завтрашний день мы объявляем «Праздником пророчества»! Мы устроим небольшой пир, включим печь, устроим ярмарку для обмена вещами и, что самое важное! Да, да, я скажу это...конечно. И что самое важное, все юноши, достигшие семнадцатилетнего возраста, имеющие указанный в предсказании рост, приглашаются выпустить стрелу из

наследного лука на библиотечной башне!

Жители, словно заколдованные, начали кричать пуще прежнего, выкрикивать свой рост и устраивать воображаемые очереди. Я не могла сказать, счастлива я или же наоборот, огорчена. Наверняка, озадачена. Это мнимое пророчество свело с ума целое поселение! Мне не хотелось искать в толпе знакомые лица, не хотелось говорить с кем-либо, хотелось, чтобы все замолчали, и вернулась былая тишина, разбавленная перешёптываниями и смешками. Я пришла в себя, когда Тигра стал тянуть меня за рукав.

— Теа, пошли домой, я очень устал, — я кивнула и повела полусонного мальчика сквозь толпу. Хорошо, что жители уже забыли о его большом-маленьком подвиге, и нашли себе новый предмет интереса.

Сёстры Мороуз отправили посыльного разнести по домам остатки обеда. Я уложила Тигру спать, а сама положила родителям поесть, догадываясь о том, что ужин, конечно, останется нетронутым. Сейчас уже почти полночь, моя рука дрожит от усталости, а родителей всё еще нет дома. Я не буду их дожидаться и лягу спать. Думаю, что сегодня я нарушу традицию, и приду спать к Тигре. Он даже не заметил, как заснул, вряд ли он будет бояться Падальщиков и странного большого чужака, подарившего стрелу. Зато я буду их бояться. Чего греха таить. Я понимаю, что я до сих пор во всё это не верю. Это дурной сон, не более. Когда я проснусь, всё станет прежним — Спрут и Мастер будут здоровы, урожай будет собран, а я буду помогать Тигре с библиотечными книгами.

А еще я точно знаю, что надену завтра свою куртку из необычной ткани. Потому что она уж точно волшебная и принесёт мне удачу.

Нас разбудили пять трубных звуков. Так город будят только в редкие дни празднеств. Я открыла глаза и увидела сонного недовольного Тигру.

— Теа, это самый ужасный будильник, знаешь. Тем более для праздненья.

— Для празднества, Тигра.

— Да, точно, для него.

Это не было сном. Вся эта неделя не была сном. Жители действительно пострадали, урожай действительно потерян, а люди надеются на какое-то дивное пророчество, сказанное полоумной старухой. Замечательно! Просто замечательно.

Я отправила Тигру немножко убраться в квартире, а сама — лохматая и словно бы изнурённая тяжёлым трудовым днём, отправилась за водой для ванны. Люди на улице, к моему удивлению, уже полным ходом готовились к празднику: кто-то подметал дороги, кто-то доставал украшения и гирлянды, слышны были приготовления к включению печи, но... в общем, было тише, чем вчера вечером. Хоть что-то стало прежним, жители выговорились и спустили тяжкий груз с душ. Груз молчания.

Я принесла домой два ведра с горячей водой и разбавила ее холодными отварами трав. Пока Тигра мылся, я решила убраться за родителями посуду и несъеденный ужин, но застала их как раз за его поеданием.

— Спасибо, Ти. — Ласково сказала мама, которая выглядела изумительно свежо. — Нам сегодня пригодится энергия, многое нужно сделать. — Я могла лишь одобрительно кивнуть. Отец проглотил кусочек холодного картофеля, прокашлялся, как если бы ему пришлось произносить длинную речь, и спросил:

— Ну и что ты думаешь насчёт всего этого? — Я налила в стакан воды, опёрлась на столешницу, помотала головой и сказала правду:

— Ничего.

— Теа, — вмешалась мама. Мы верим тебе. Ты должна это знать. И мы спрашиваем тебя не только потому, что ты оказалась в гуще всех этих... событий. Мы спрашиваем тебя, потому что ты наша дочь, и нам важно твоё мнение.

Ладно, тогда я сказала не совсем правду. Совсем не правду. Хорошо. Я скажу.

— Да, ладно, хорошо. Я не верю в предсказание.

Родители вопрошающе на меня посмотрели:

— Это глупо. Я не понимаю, как все поселенцы могут верить в этот бред. Возможно, всё просто не могло быть и дальше так гладко, как было. А, возможно, так было всегда, просто никто этого уже не помнит. Может и два поколения назад жуки пожирали пшеницу, а об этом никто не написал в хронике, чтобы не пугать будущие поколения. Возможно, эта сумасшедшая женщина когда-то прознала, что у нас хранится этот «волшебный» антикварный лук, украдала стрелу от него, и решила над нами пошутить. Да, я не верю, в то что мы можем выбраться из поселения, потому что меня всё устраивает. Я люблю свою жизнь здесь и мне не нужна никакой другой. Простите, если вы ожидали другого ответа. Меня Тигра зовёт. — Закончила я и сразу пожалела, что так много наговорила. Почему у моей речи нет золотой середины, а только лишь крайности? Родители теперь начнут меня бояться и не будут мне доверять! Эх, Теа, всегда ли так хороша правда?

Я помогла рямяному брату вылить мятную воду из таза, а затем помылась лавандовым

отваром. В зеркало в ванной на меня смотрела Алатея Гал, но и она была другой. Я начала сомневаться, что я — это я. Что дальше? Я построю хижину в лесу, как Велан, буду собирать травы, а потом состарюсь, сойду с ума и начну пугать подростков в лесу? Может быть, так оно и было с этой женщиной? Может быть она — это я?

— Теа, ты не видела мой рюкзак? Я вчера не выложил яблоки! Думаешь, я смогу их на что-то обменять? — проговорил Тигра, стоя за хлипкой дощатой дверью в ванную комнату. "Спускайся с небес на землю, Теа" — сказала я самой себе и решила перед большим совместным завтраком на площади зайти к Брене и Скале. Мама Скалы точно займет одну из ярмарочных палаток, потому что делает очень красивую посуду (даже ту, которую не раскрашивает), а также шьёт очень удобные футболки. Моя мама, скорее всего, будет помогать с украшением, а в этом ей не нужны помощники. Она всё время недовольна тем, что кто-то мешает её «творческому процессу». Поэтому я спрошу у друзей, не нужна ли им помощь в подготовке.

Тигре не терпелось зарекомендовать себя в качестве помощника, но я не горела желанием столкнуться где-нибудь с родителями. Мне всё ещё стыдно за то, что я сказала утром, пусть это и правда. Человеку, конечно, не должно быть стыдно за правду, но я-то лучше всех знаю, что язык мой — враг мой. Хотелось вернуться на полевые работы, косить сено, успокоиться, и чувствовать себя в безопасности.

Когда я удостоверилась, что мамы с папой уже нет в квартире, я сказала Тигре, что нас ждёт «важная миссия». Конечно, я запланировала спуститься в кладовую и отыскать там для него какое-то подобие шляпы, потому что сама я уже надела заветную синюю куртку поверх простой льняной фуфайки. Не могу сказать, что чувствовала себя иначе из-за изменённого внешнего вида, куртка казалась тяжёлой и неудобной, слишком большой и мешковатой, пыльной и чудаковатой. Но это было что-то новое и непривычное. Что-то хорошее новое и непривычное.

— Вау, ты такая крутая! — Сказал брат, когда мы спускались по пыльной тёмной лестнице. Я держала в руке почти что огарок от одной из вчерашних свечей. Надо было найти что-то побыстрее, пока воск не сжёг пальцы.

— Где ты вычитал такое слово?

— В одном из комиков.

— Может быть, комиксов?

— Да, а я как сказал? В общем, ты похожа на главного героя этой книжки.

Мне было приятно, что для Тигры я на самом деле являюсь «крутой», потому что согласно самому древнему «Новейшему словарю» это значит на языке «сленга», кем бы он ни был, «тот, кто отличается особыми качествами». Мы спустились в кладовую, разделённую на несколько секций, каждая из которых принадлежала одной из семей. Конечно, в нашем поселении принято делиться всеми вещами, но личное семейное наследие отдавалось только по чьей-либо большой просьбе. Наш стеллаж находился в дальнем углу, и Тигра, юркнувший в темноту вперёд меня, уже начал копаться в фамильных «драгоценностях».

— О, смотри, я нашёл...а что это я такое нашёл?

— Это называется "диск". Чтобы узнать, что в нём находится, нужен специальный прибор, которого у нас нет.

— В такой тонюське что-то лежит? Ну и дела. Ладно, еще кассеты, они хотя бы больше. А в дисках что лежит? Ой, у тебя свечка кончается. — Спасибо за наблюдательность!

— Тигра, я доверяю тебе найти то, что ты наденешь на сегодняшний праздник.

— Правда?! — Лицо мальчика засияло в редком жёлтом пламени умирающей свечи. Смотри, тут есть такая длинная штука! А еще тут есть такая недлинная штука! — Тигра вытаскивал поочередно разные предметы. Первым, по-моему, был галстук, который раньше завязывали то ли на голове, то ли на шее. Размер, ткань и узор галстука указывали на благосостояние носившего, а вроде бы даже и были знаком отличия: рассказывали о профессии, семейном статусе и любимых занятиях. Вторым Тигра достал бабочку, предмет с похожим предназначением. Только тут я помнила, что бабочку надевают на шею. При свете угасающей свечи мне показалось, что эта бабочка — чёрная, хотя под слоем пыли мог оказаться довольно необычный рисунок.

— Я хочу вот эту штуку, — сказал Тигра и начал растягивать резинку на украшении. — Ну, и как я выгляжу? — Брат натянул бабочку на лоб, немного её скосив. Я засмеялась:

— Эту «штуку» надевают на шею, а не на голову. Её раньше носили почтенные мужчины. Поэтому тебе она — в самый раз!

— Дочтопостенные? Так бы сразу и сказала! Лучше не найти! — Радостные восклицания брата закончились вместе с потухшей свечой и весёлыми криками, донёсшимися с улицы. Мы без слов поняли друг друга и поспешили покинуть кладовую. На несколько секунд мне показалось, что земля ушла из-под ног: пол затрясся, задрожали стеллажи, а некоторые предметы с гулом упали на каменный пол. Я даже не успела схватить Тигру за руку, заслонить его, спасти его... как тряска прекратилась.

— Ты, ты чего встала? — Неужели мне все причудилось?

— Ты разве не слышал? Не почувствовал?

— А, что-то упало. Конечно, на улице такой шум! Пошли скорее! Тоже пошумим.

И мы прямиком из кладовой пошли на улицу. Солнечный свет поначалу резал глаза, но неприятное ощущение быстро прошло, хотя сегодня было на удивление солнечно и безоблачно. Я поправила Тигрину бабочку и отряхнула с неё приличный слой пыли. На самом деле она оказалась зелёной. В книгах бы даже использовали слово «изумрудный». Да, бабочка была изумрудного цвета. Я думала сказать об этом брату, но он резво побежал к площади — туда, где в совершенно неожиданных местах стали собираться совершенно неожиданные очереди, состоящие из юношей различного роста и возраста.

— Ты никого не обманешь, Диви! Все знают, что тебе пятнадцать.

— Подумаешь! — разозлился мальчик по прозвищу Каланча. — Зато мой рост целых сто восемьдесят пять сантиметров!

— Я думаю, нет ничего страшного в том, чтобы дать мальчику попробовать выстрелить из лука. — Заступилась за сына его крепкая твердолобая мамаша, которая по росту не уступала мальчику.

— Диди, пойми, сделаем поблажку один раз — дальше выстрелить захотят все! Это не игра и не шутка, потом места в очереди начнут занимать десятилетние мальчишки! Пусть Диви лучше поиграет в мяч или поможет с музыкой. — Очередью руководил самый важный из лесорубов, отец Лисы. Вдалеке я увидела маму и отправила брата ей на помощь. Ну, или чтобы он не мешался мне под ногами, потому что в моих планах было найти Скалу и выведать у него всё, что я еще не знала о вчерашнем дне. Да, я не верю в пророческую чепуху, но это не значит, что я не могу проявлять, присущее любому человеку, любопытство. И заботу. Да, Скала жуть как нервничал из-за этой стрелы.

— Теа! Алатея! — я услышала знакомый голос позади себя. Прим. Надо же, и он вышел

из своей музейной берлоги, чтобы присоединиться к празднеству. Друг выглядел точно так же как, и в любой другой день. Надо сказать, что не все сегодня решили выделиться: добрая часть жителей выглядела привычно. У многих женщин пестрели ленты в волосах, там и здесь мелькали причудливые головные уборы, массивные яркие бусы, странные башмаки и куртки с узорами в клетку, полоску или разнообразными нашивками. На всех домах, окружающих площадь во всех доступных человеческой руке местах висели древние и новые гирлянды из бумаги, цветы и венки, плетения из коры и растений. Как же жаль, что Мастер и Спруг не увидят этой красоты! Площадь будто превратилась в экспонат музея — калейдоскоп. Пёстрая, яркая, живая, негромкая, разбавленная волшебными звуками гитары и флейты. Словно десятки весёлых незнакомцев из разных времён и разных книг посетили наше поселение в этот великолепный день третьего сезона! Незнакомцев...

— Привет, Прим. — Сказала я и улыбнулась. Старый добрый Прим. Без каких-либо украшений и странностей. Это был один из тех редких случаев, когда на фоне этого красочного безумия Прим казался нормальным.

— Теа! Наконец-то! Это какое-то сумасшествие. Этот гам сводит меня с ума!

— Это всё что сводит тебя с ума? — Прим вопросительно приподнял бровь.

— Конечно, вся эта ерунда с пророчеством тоже. Так бывает всегда. Сначала они веселятся и дурачатся, а завтра будут говорить о том, какие же они дураки.

— Но, Прим... Тигра и правда... — Прим взял меня за локоть и отвёл в более или менее не людное место — тесный проулок между двумя корпусами серых глыб. Там обычно запрещалось стоять, потому что в этом излюбленном месте для прятков дети частенько засыпали.

— Я разрываюсь на части, Теа. Я понимаю, что здесь была какая-то странная женщина, вся эта история с луком... а тут и Тигра находит стрелу, которая и правда к нему подходит. Всё это выглядит, как будто кто-то решил над нами подшутить.

— Ты перечитал газет про «Теории заговора».

— Чувствовала что-то необычное сегодня? — К горлу подкатил ком. Неужели, мне не причудилось?

— Я почувствовала сильный толчок, лишь на пару секунд... Земля будто уходила из под ног. — Прим о чём-то задумался. Было странно стоять в этом оазисе тишины, когда наш привычно молчаливый город разрывался от шума. Словно спящий вулкан пробудился от десятилетий сна.

— Я тоже это почувствовал. Чёрт! — Я неподдельно удивилась. Прим выругался? Это что-то новенькое. — Это всё может быть не шуткой. Возможно, к нам стараются проникнуть чужаки.

— Прим! Ты меня пугаешь! Тебя очень сложно переубедить...

— Я верю тебе, Теа. Если мы оба что-то почувствовали, значит, что-то произошло. Теа? Теа? — Я не могла отвести глаз от балкончика на колокольне. Он словно бросал мне вызов: «Я знаю твой секрет, Алатея. Тебе от меня не скрыться. Я знаю, что ты жаждешь признания!».

— Теа?! — Прим затряс меня за плечи. — Даже и не думай об этом. Ты девушка, роста у тебя тоже не хватит. И вообще я подумываю спрятать стрелу и не дать никому выстрелить из лука. Это может привести к...

Семь сезонов назад:

— Ну, пожалуйста, Прим! Ты же знаешь, что я не умею просить.

— Я искренне удивлён, что ты пришла ко мне. У тебя вообще есть время на такие вещи?

— Я могу заниматься в любое удобное для тебя время. Твоей маме очень нравится наш малыш. Думаю, она не откажет.

— Ну, не знаю, Теа. Это правда, опасно. Я должен быть уверен, что ты отдаешь отчёт... стой-ка. — Прим убрал непослушную прядь огненно-рыжих волос со лба. В комнате музея было также прохладно и умиротворенно, как всегда. Я только что закончила читать отрывки из «...ных игр», которые вместе взятые были больше похожи на, средних размеров, брошюру. Но даже из этого количества текста я поняла, что Китнисс очень пригодилось её умение стрелять из лука. Тем более, что у нас кроме этого «мирного» оружия для празднеств, ничего интересного не было. — Ты же знаешь, что девушкам запрещено носить оружие?

— Наша соседка отлично разделяет птицу. И делает это, насколько мне известно, ножом.

— Я не это имел в виду. Что ты прочла, Теа? — Я постаралась состроить гримасу оскорблённой героини романа, как если бы Прим спросил меня что-то унижительное. Но с треском провалилась. Такое под силу только Брене.

— Отрывки из неких «Игр». Главную героиню зовут Китнисс. И ты, конечно же...

— Конечно же, я читал! И совершенно не понимаю, зачем тебе это нужно. Разве что, если ты хочешь переплюнуть меня на одной из ярмарок? — Прим ухмыльнулся, и тогда я поняла: он принял вызов. Он научит меня всему, чему знает. Он любит гордиться результатом своего обучения несведущих. Он захочет, чтобы я выступила перед всеми на следующей ярмарке, а на следующий день на его уроки выстроилась очередь. Это Прим. И мы в который раз помогли друг другу.

Мы просыпались раньше всех, если час сна вообще можно назвать сном. Я почти падала от бессилия в поле, мне казалось, что все видят мою усталость, но люди не замечали. Каждый занят своим делом. Никому нет дела до тебя.

Как наивно я полагала, что быстро овладею навыком стрельбы! Первую неделю Прим учил меня подготовке оружия, полировке и точению стрел. Еще дольше он учил меня различным стойкам и изготовкам... Спустя более, чем месяц монотонной работы, он дал мне возможность выстрелить. Стрела ничком упала в грязь. Прим посмеялся. И с этого времени я вовсе не спала.

Оружие казалось мне лёгким, но неукротимым. Лук то и дело выскальзывал из потных рук, а куча погнутых стрел издавала потухшим костром. Каждое утро начиналось одинаково, мама уже заметила мою непридуманную изнурённость: я была бледна, щёки впали, а кожа высохла от пропусков приёма пищи.

И вот спустя полгода усиленных тренировок я смогла поразить мишень. Прим был горд мною, а также очень удивлён тем, как по его словам, быстро мне удалось научиться меткости, хоть и не скорости.

Тигра был еще слишком мал, чтобы следить за мной, но тренировки я прекратила отчасти из-за того, что, как только он научился ходить, он стал преследовать меня по пятам.

А я ни за что бы ни подвергла малыша опасности.

— Я знаю, Прим. Это глупая идея. Не знаю почему, но на минуту мне показалось, что у всего этого есть смысл...

Мой начавшийся монолог прервала удивлённая мина Прима: на площади послышались крики удивления и страха, а не радостный смех. Мы поспешили увидеть причину всеобщего волнения. Картина из прочитанной мною книги ожила.

7.

Люди заполнили не центр площади, а кучно расположились на периферии. Кто-то передвигался лёжа на локтях, будто убегая от неминуемой гибели. Но я-то знала, что это обычный человеческий автомобиль, и не понимала, зачем его бояться? Отец с Тигрой вышли вперёд огромной серой машины с квадратной мордой. Сверху, слева и справа машина была закрыта большими стёклами, но ярко слепившее солнце не давало нам разобрать, кто находится внутри. Я немного обошла толпу, со стороны напоминавшую картину «Последний день Помпеи», и моим глазам предстала массивная задняя часть сооружения, похожая на огромный, крытый странной отражающей тканью, короб. Обычная повозка... Ладно, необычная! Откуда она здесь?

Мой отец заслонил собой Тигру, и тут в безмолвной красочной тишине так и не разгоревшегося праздника, послышались движения со стороны повозки. Левая дверь открылась, и из неё выпрыгнул... Голову резко пронзила острая боль, которая также быстро отступила. Из повозки выпрыгнул высокий хорошо сложенный человек в чёрных ботинках, удивительно узких штанах и облегающей футболке. Его голова была засвечена солнцем, как если бы над ним струился ангельский ореол. Человек подошёл ближе и заслонил своими широкими плечами, словно пытающееся сжечь нас, светило. Я стояла достаточно близко, чтобы рассмотреть его: ровное лицо с широким подбородком и хорошо очерченными скулами, прямой нос, большие глаза, бледные, словно поджатые губы. Он был брит на лысо, но судя по его светлым бровям, можно было догадаться, что он блондин. Его внешний вид был настолько нетипичен для нашего поселения, что сомнений быть не могло: он пришёл *из-за границы*.

— Мы пришли с миром! — звонким эхом отозвался его раскатистый голос. — Смотрите, я безоружен. — Парень, по возрасту казавшийся немного моложе Прима, поднял согнутые в локтях руки вверх.

Со всех сторон послышались громогласные «Держи его», «Бей его», «Чужак», «Не дайте ему уйти!», но мой отец, как и всегда, мановением волшебной палочки сумел добиться тишины вновь. Он поднял ладонь к небу, показывая этим знаком, что он сам всё уладит. И я знала, что так оно и будет. Только не знала, как. Его голос был по обыкновению тихим и размеренным, я видела только несколько обоюдных кивков, а потом отец махнул в сторону Ответственных, которые, как хорьки прятались наверху, на балконе второго этажа библиотеки. Далее отец махнул и в мою сторону. Тут наши взгляды встретились.

Я испугалась. Боялся ли мой отец? Скорее всего, да. Это же чужак, прибывший неизвестно откуда, неизвестно, какой дорогой, неизвестно, зачем? Он мог сделать с нами всё, что угодно. Но уже тогда я знала, отец приведёт его к нам домой и захочет уладить всё мирным путём. Толпа негодовала: из машины вышли еще трое: мужчина постарше, одетый в похожую одежду, с волосами, собранными на макушке в пучок, и две девушки спортивного телосложения, одетые точно также, за исключением громоздких жилетов с десятками карманов.

Отец, скорее всего, попросил тройку снова зайти в повозку, так как они это и сделали. Потом он посмотрел на меня и направил великана в мою сторону. Конвой замыкал Тигра. Я знала, что чужак следует за мной, мне было противно и мерзко, я ощущала, как он сверлит мою спину взглядом. Сзади снова послышалась музыка, и я знала, что отец строго наказал всем продолжить праздник, хоть рады ему остались только мальчишки, которым еще не удалось выстрелить из лука. Как только мы зашли в наш блок, Тигра начал нападать на чужака с вопросами.

— Как вас зовут? Откуда вы? Это автомобиль? Что вы умеете? Откуда у вас такая дивная одежда?

— Тигра. — Тихо успокоила я брата. — Тигра! — Крикнула я изо всей мочи, зная, что так может продолжаться долго. — Пойди и разложи высохшее бельё.

— Но, Ти! — Я строго посмотрела на брата. Чужак сел на корточки и, конечно, вмешался в разговор:

— Какое у тебя замечательное имя! Ты действительно похож на Тигру. — Брат засиял. Хороший ход, чужак. Будешь завоевывать доверие моего младшего брата? Может, ты и проведёшь его, но не меня. — Почему бы тебе не выполнить просьбу своей сестры, а после я отвечу на все твои вопросы, идёт? — Брат вприпрыжку направился в сторону сушильной.

Я заметила на темечке парня странный рисунок, который в книгах вроде бы называется татуировкой. Сверху больше походил на шрам с каким-то странным голубоватым свечением. Мне запомнились лишь очертания: зигзаги, которые изнутри образуют треугольник. Чужак встал в полный рост, но я смогла скрыть своё удивление. Он был явно выше Скалы. Он был выше всех в поселении. Он мог запросто быть тем парнем из пророчества.

Парень обсмотрел меня с ног до головы, и мне сразу же захотелось ополоснуться холодной водой. Мне противила сама мысль о том, что в наши владения вторглись. И вот теперь, один из «них» стоит в моей прихожей, молчит, да еще и вперился в меня взглядом.

— Ти? А какое полное имя? — нарушил молчание чужак.

— Правда? Ты решил познакомиться?

— Я подумал, что очень некультурно стоять вот так в чужом доме, даже не зная имени его владельцев.

— Ты уже знаешь имя одного из нас. Как насчёт того, чтобы представиться самому? — Парень ухмыльнулся, его рот оказался широким, но было видно, что улыбается он не часто.

— Этого я сделать не могу. — Я прыснула.

— Ты не можешь сказать своё имя? Это великая тайна? — съязвила я.

— По правде говоря, да. Я знаю, как это выглядит со стороны: четверо незнакомцев на бронированном грузовике приезжают в ваше поселение в разгар ярмарки. Но у нас, правда, нет злых помыслов, мы здесь с другой целью.

— С какой такой целью? — Я всё это время стояла, скрестив руки в локтях. В закрытой позе.

— Помочь вам. — Я разразилась хохотом.

— Помочь? Нам? Тогда тебе лучше занять очередь на площади! По росту ты как раз сойдёшь за лопуха из пророчества. — Парень переменялся в лице, стал серьёзным и нахмурил брови.

— Так вот что это такое! Конечно, это не праздник урожая...

— Праздник урожая? В этом сезоне у нас нет никакого урожая! Люди обречены на голод, и что-то мне подсказывает, что в этом есть вина твоих людей, Чужак.

— Чужак? — Парень словно распробовал своё новое имя, и даже согласился с ним. — Пусть будет Чужак, называй, как хочешь. Мы не имеем никакого отношения к порче вашего урожая. И если мы действительно смогли пробраться через границу, это может означать только одно. Пророчество действительно есть.

— Знаешь, в чем проблема моего отца? Он верит всем. Он видит в людях только хорошее. Но не я. Меня так легко не провести. Я знаю, что что-то тут не чисто.

— Ладно, хорошо. Я буду с тобой предельно честен. Я не могу сказать тебе своего имени только потому, что я его не помню! Как только мы въехали на территорию поселения, я забыл всё. Я забыл, зачем мы вообще сюда ехали, откуда мы ехали, кто я... Я всматривался в своё лицо в боковом зеркале машины и не мог сосредоточиться. Я знаю, что люди из машины мне не чужие, я доверяю им, но не помню ровным счётом ничего!

— Очень интересная история. Давно придумал? — Чужак встрепенулся, и, казалось, действительно пребывал в отчаянии.

— Это правда! Ты имеешь право называть меня Чужаком точно так же как и я, имею право называть себя Чужаком. Я чужой для самого себя. А самое удивительное это то, что я точно знаю, что не могу показать жителям поселения то, что я ментально слаб. — Я вопросительно взглянула на парня.

— Ты видела их! Они готовы убить нас!

— Это не так! У нас никто и пальца не поднимет на поселенца...

— На поселенца! Но я не поселенец... — Либо он очень хороший актёр, либо это всё на самом деле, правда.

— Допустим... допустим, что ты говоришь правду. Нет ли у вас в повозке чего-то, что могло бы напомнить о прошлом?

— Мы около получаса после въезда изучали машину, но тщетно... Словно голову обволокло туманом. Единственное, что я знаю... я оставил себе послание. — Парень протянул мне правую ладонь, на которой черной ручкой было выведено «5. Через 2. На рассвете».

— Так вот, что это был за толчок... — Вслух подумала я. — Ничего не понимаю. Что ты должен сделать на рассвете?

— Я не знаю, не знаю, не знаю! В голове ужасная пустота. А твой отец, он сразу вызвался помочь. Мне кажется, мы можем вам доверять.

— Какое удивительное открытие... Ладно. Просто не каждый день в закрытое поселение, из которого нет выхода, попадают незнакомцы на железной повозке.

— Это машина. — Парень облокотился на стену и закрыл глаза, как бы вспоминая что-то. Он уже не казался мне опасным, но потерянным и отчаявшимся. Что, если он вспомнит про себя ужасную правду? Что, если он убийца?

— Да-да, я знаю. Я о таких читала. — Чужак открыл глаза.

— В моей голове беспрестанно крутится одна мысль. Кажется это то, что ты называла «Пророчеством».

— Расскажи.

— Чтобы спасти ваше поселение от заточения, очень... очень... подожди. — Чужак нахмурил брови, чтобы сконцентрироваться и продолжил. — Очень высокий юноша, не ниже ста восьмидесяти сантиметров, должен выпустить стрелу из древнего лука высоко в небеса, стоя на самой высокой точке башни на площади! Звучит как детская сказка! Абсурдно и нелепо! — Он развернулся и ударил кулаком по дверному проёму. На деревяшке

осталась вмятина.

— Эй! Ты решил мне дом разрушить? Держи свой гнев при себе, ясно? Если мой отец и согласился принять вашу компанию в нашем доме, имей совесть и веди себя, как гость.

— Прости, Ти. Я правда не хотел, это всё... — Он смотрел на меня своими большими тёмными глазами, якобы ища сострадания. Но я пока не была готова показать ему свою другую сторону.

— Для тебя нет никакой Ти. Меня зовут Алатея. Не смей называть меня Ти, ты мне не друг.

— Алатея... — Он словно снова распробовал имя на вкус, растянул его, якобы стараясь вспомнить, слышал он его раньше или нет. — Прости, Алатея. Я не имел права вести себя фамильярно. Для меня это всё также странно, как и для тебя.

— Это лишь вопрос времени, ты и сам знаешь.

— В каком смысле, вопрос времени?

— Все тебя видели. Пройдёт совсем немного времени, прежде чем толпа воодушевленных поселенцев примчится к нашим окнам. Ты будешь обязан выстрелить. — Чужак раскатисто засмеялся, а я недоумевающе вперила взгляд в его широкую улыбку.

— Ты серьезно? Ты что, веришь в эту чепуху? — Я подошла к бугаю вплотную и ткнула ему пальцем в грудь. Меня очень давно не выводили из себя.

— Мы жили в спокойствии и гармонии, пока неделю назад в поселении не начались странные происшествия. Потом в наши владения проникла женщина, которую никто раньше не видел, рассказывает нам о каком-то нелепом пророчестве. Кульминацией этой эпопеи стала упавшая с неба стрела! Ну, а свести народ с ума помогли чужаки, один из которых идеально подходит под описание сказочного героя, который всех нас спасёт. — Произнеся свой монолог на одном дыхании, я, наконец, убрала указательный палец с каменной груди Чужака, и отошла отдышаться.

— Но я не герой, Алатея.

— Думаю, у нас есть время проверить. — Я прошла на кухню и выглянула в окно: люди заполнили часть площади, прилегающую к библиотеке. Издалека тот смельчак, который стоял на верхнем балконе, выглядел как нарисованный Тигрой карандашом человечек без определённых черт. Лук в его руках дрожал, как и когда-то, у неумелой меня. Чужак подвинулся к окну еще ближе и плотно прижался ко мне. Фигурка вдалеке отпустила стрелу, но ничего не произошло. Она словно бы срослась с луком, стала с ним единым целым. От гула и возмущенных криков жителей затряслись хлипенькие стёкла.

— Я же говорила, это лишь вопрос времени. — Теперь поселенцы казались мне теми, кого в книгах называют «язычниками». Они стали частью некоего ритуала, длительность которого для них не имела значения. Огромная очередь высоких парней редела крайне медленно, ведь лишь единицы умели стрелять из лука. Обед, ужин, сон, и я была уверена, что на завтра всё повторится. Разрешат ли им не работать больше одного дня? Что же на это скажет мой отец?

— У нас есть около двух дней, верно? Пока они не позволят мне выстрелить?

— Да, около того. До завтрашнего вечера. Ты что, начинаешь верить?

— Это единственное, что остаётся. Когда нет никакого смысла, ты начинаешь искать его в самых абсурдных вещах. — Я улыбнулась.

— Ты прав. Наверное, под таким девизом и жили мои люди все эти годы.

— Два дня... — Чужак посмотрел в сторону приближающегося Тигры и засиял. — Я

понял! Я понял! У нас есть два дня! Видишь? — Он снова протянул мне свою широкую правую ладонь. У Чужака были крепкие руки, но на них не было царапин и мозолей от тяжелого труда. Он точно не возделывал землю и не занимался скотом. Кто он такой?

На ладони виднелось уже, знакомое мне «5. Через 2. На рассвете».

— Это значит, что через два дня на рассвете вы покинете поселение? Но как? Просто уедете? В повозке?

— Это всё, к чему я пришёл. Остальное для меня — большая загадка.

«Загадка» — подумала я. «По части загадок специалист у нас Прим. Странно, что он еще не здесь».

— А что тогда, по-твоему, значит цифра пять? — Чужак закусил нижнюю губу и похрустел пальцами. Думает?

— Конечно, пять — это мой возраст. Но вообще-то, мне скоро шесть, Ти!

— Я прекрасно это помню, Тигра. Закончил с бельём?

— Так точно! — Тигра отсалютовал, как будто был военным из книжки с картинками, исполнившим приказ. — Теперь я могу задать вопросы новенькому?

— Зови меня Чужак. — Парень одобрительно посмотрел на меня.

— Какое странное имя... — Тигра поморщился. — Вот я бы не хотел, чтобы меня так звали. Это не очень позитивное слово. — Чужак рассмеялся.

— У меня есть еще одно имя, но я пока держу его в тайне. Как только мы станем хорошими друзьями, я тебе его расскажу, идёт? — Парень сильно нагнулся и протянул брату ладонь. Тигра счёл за честь рукопожатие великана. Интересно, если их поставить рядом со Скалой, Чужак будет намного выше и крупнее?

В окно я увидела отца, Прима и трёх других чужаков из повозки. Все они направлялись к нашему дому.

— Тигра, Чужак ответит на твои вопросы потом. А пока, почему бы тебе не пойти и не посмотреть, как смельчаки пытаются разбить проклятие? — Тигра скорчил недовольную мину.

— Вот так всегда, Теа. Это не смельчаки, а дурачки! Это нечестно, ведь я нашёл стрелу.

— Именно поэтому тебе следует пойти туда и проследить за своей стрелой. И не забудь занять очередь на обед. — Брат знал, что со мной спорить бесполезно, поэтому понуро поплёлся наблюдать за этим бессмысленным обрядом. На миг я подумала, что даже статуи, охраняющие вход в библиотеку, скорее всего, смеются над жителями, и придумывают каждому «стрелку» обидные прозвища. Я налила в стакан холодной воды из кувшина, промочила горло и протянула стакан Чужаку.

— Спасибо, — кротко промолвил он. Парень осушил стакан до дна, и я пришла к выводу, что он, видимо, не умеет просить.

Я подумала о том, что близится время обеда, который нам, вероятно, придётся делить с чужаками. Хорошо, что во время ярмарок людям ничего не жалко, но распространится ли данное правило на них? В надежде на успокоение моих нервов, я стала разглаживать тонкую вязаную салфетку на столешнице, но это не помогало. Каково это, не знать кто ты, откуда и нужен ли ты кому-нибудь? Предки тебя подери, Алатея, не будь такой доверчивой!

Из прихожей донеслись тяжёлые шаги, но не потому что шли какие-то толстяки, а потому что человек было пятеро. И все они, не смотря на ранний час, выглядели ужасно уставшими, так что еле передвигали ноги. Сначала отец кивком попросил стакан воды, потом на кухню поспешил Прим, одним своим видом показавший всё недовольство по

поводу решения отца оставить Чужака наедине со мной. Когда в нашу и без того небольшую кухню зашли спутники Чужака, Прим сразу же приступил к допросу. Троица разговаривала очень неохотно, до того момента, пока Чужак не поделился со всеми догадкой на счёт его заметки на руке.

— Пять... что тогда может быть числом «пять»? Для координат цифр мало, значит это количество. Говорите, ваш фургон почти пуст... Возможно, вы должны привезти пять каких-то предметов из поселения? Я не знаю, что вы делаете в своём поселении. Может, вам нужны образцы нашего недоурожая для анализа? — Прим очень туго завязал выбившиеся волосы обратно в хвост. Мне всегда казалось, что это помогает ему размышлять.

— При всём моём уважении... — Чужак выдержал вопросительную паузу.

— Прим. Совсем забыл представиться.

— Прим, мне не кажется, что нам дали такое снаряжение для сбора урожая. Мы одеты не как фермеры, мы одеты как...

— Как воины. — Закончил мысль Чужака отец. Парень кивнул.

— Будем надеяться, что через два дня вы сможете покинуть наше поселение. Мы постараемся дать вам пять... чего бы-то ни было. И продолжим жить дальше, как ни в чём ни бывало.

— А что с пророчеством?

— Боюсь, вам действительно придётся выстрелить. Там еще даже половина желающих не прошла, ведь никто толком не умеет стрелять! Можно живот от смеха надорвать.

— Я сам не очень уверен, что умею стрелять из лука. — Чужак тоскливо посмотрел в сторону площади. — Мне бы потренироваться.

— Ну, вот еще. Может быть, вам провести частный урок? Чтобы вы совсем не опозорились?

— А что, Теа, ты можешь!

— Это был сарказм, Прим. Если он и правда тот парень из пророчества, то он сможет выстрелить без всяких тренировок! Ерунда какая-то. — Одна из девушек резко зашипела сквозь зубы. Мне показалось, что она вот-вот скажет что-то обидное, но кроме этого звука, она ничего не произнесла. Чужак успокоил подругу, видимо, у неё очень хорошая рефлекторная память. Если я правильно это назвала.

— Нам всё равно надо бы поскорее с этим закончить, дочка. — Отец называет меня дочкой, только если просит о действительно важном деле.

— Да, конечно, хорошо. Я готова давать уроки каж... Подожди. Ты что... Но как?! — Я так давно не слышала, чтобы отец смеялся и вот тот редкий случай — искренний папин смех.

— Ты думаешь, я ничего не знал о твоих бессонных ночах и ранних вылазках из дома? Да и Прим секреты держать умеет, мягко говоря, не очень. Но он правда старался тебя не выдать. — Я с упрёком посмотрела на друга и тоже засмеялась. Только чужакам было неловко, ведь они здесь были совершенно лишними.

Пока мы решали, кто и где будет спать, приблизилось время обеда. С улицы донёсся грустный восклик парней, которые не успели до обеда выстрелить из лука, а также фразы: «Запишите!», «Я следующий!», «Вы запомнили?».

Я оставила отца дома и пошла за обедом, который должен был проводиться на открытом воздухе в связи с празднеством. Около дома сестёр Мороуз в ряд выставили несколько больших дощатых неполированных столов и лавок, и многие уже заняли

себе места под солнцем. В действительности там, где ветер дул не так сильно. Я же знала, что мы не сможем присоединиться к «нормальным» поселенцам и надеялась, что они нас поймут.

— Если честно, мне не нравится сам факт того, что они будут спать в вашей квартире. — Я удивлённо посмотрела на Прима, якобы говоря: «Да что ты говоришь? А мне как он не нравится!». — Конечно, это правильно, что ты будешь спать с матерью и девушками, но никто из вас не застрахован от несчастных случаев! Я имею в виду, они же могут вас...

— Так, хорошо, хватит! Я понимаю, что ты волнуешься, но это ни капельки не помогает. Я тоже боюсь, что нам всем во сне перережут глотки. Именно поэтому я не буду спать, а под подушкой у меня будет лежать нож. Теперь ты спокоен? — Прим выглядел еще более испуганным, чем раньше.

— Нет! Как я могу быть спокоен, если ты будешь спать с ножом?!

— Тебе будет спокойнее, если мы все переночуем в библиотеке?

— Да! О, да! Почему только я не предложил этого твоему отцу?

— Потому что ты всегда больше паникуешь, а уже потом радуешь мир замечательными идеями. — Мы снова от души посмеялись. Я была рада чувствовать это тепло от общения, именно в такой жуткий момент жизни нашего поселения, как этот.

Первым в очереди я заметила Скалу, потом Брену, маму и Тигру. Они все стояли рядом друг с другом.

— Ну, что, ты уже записался? — Спросила я друга, но не успел он ответить, как Брена, не умеющая скрывать на людях эмоции, одарила меня крепкими объятиями.

— Ты, ты в порядке? Несколько часов в компании неизвестно кого! Я тут с ума сошла! Кто они? Зачем они здесь?

— Все в порядке, Брена, я в порядке. Они уедут уже послезавтра, возможно, даже завтра вечером.

— Как ты можешь так просто об этом говорить? Как будто они туристы какие!

— Если честно, они не помнят, кто они такие. — Помог мне с ответом Прим.

— Но этот бугай-то точно, из пророчества, да?

— Мы ничего не можем знать наверняка, Брена. — Казалось, вопрос девушки задел Скалу.

— А может быть это я, из пророчества. Я же только завтра стрелять буду...

— Ой, по мне лучше, чтобы это был он. Не хочу, чтобы с тобой еще какая-то ерунда приключилась! — Мы с Примом засмеялись.

— Это верно, с нами за эту неделю столько ерунды приключилось! Мам, ты в порядке? — За разговорами с друзьями я не обратила внимания на свою уставшую, но всё так же красивую, маму. Тигра уже рассказал ей о том, что нам пришлось принять у себя этих людей, на правах «гостей», отчего ей стало еще тяжелее.

— Всё хорошо, Теа. — Тихо сказала мама, ясно давая понять, что всё не так хорошо, как хотелось бы.

На обед давали огромное количество каш и плодов на выбор, а также пироги, свежий хлеб и какие-то горячие напитки. Я смотрела на это всё, как на пародию праздника, мне было жаль столько еды, выкинутой для такого неправильного события. Хотя, так казалось, наверное, только мне. Любой поселенец не пренебрегает случаем вкусно поесть. Втроём мы принесли три чана — один с плодами, другой с кашами и выпечкой, а третий с каким-то

фруктовым напитком. Как бы я не хотела, за одним столом с чужаками я смогла съесть только одну картофелину и кусочек пирога с грушей. Даже Тигра съел меньше обычного. Не стеснялся обедать как у себя дома только второй парень из группы чужаков, но никто из нас на него не злился, у нас не принято выбрасывать еду. Потом Тигра мне напомнил, что «из-за этих вот» мы совсем забыли помолиться. А изменило бы это что-то?

После обеда и небольшой уборки, мы закрыли чужаков в доме, воспользовавшись ключом, наверное, в первый раз за несколько поколений. Отец отправился на разговор к Ответственным, Прим к матери, а мы с Тигрой и мамой несколько часов просидели на траве, слушая песни Ника под гитару и наблюдая, как один за одним, ребята убивают в себе героев, а в поселении надежду на спасение.

Когда начало темнеть, было принято решение на несколько часов зажечь фонарики и свечи и просто посидеть в тишине. Так приятно сидеть и не думать о том, что вот-вот случится что-то плохое... В целом, можно было назвать этот день неплохим, если бы не одно происшествие. Вы и сами уже поняли, какое. Неиссякаемая энергия Тигры волшебным образом превратила наш вечер в праздник хоть на короткий момент, он даже несколько раз играл с другими детьми в активные игры. Мама сплела мне из полевых цветов тоненький венок: василёк, аквилегия, синий лён, клевер. Мне не нужно было зеркало, чтобы понять, как одновременно чудаковато и изысканно я смотрюсь в цветочной диадеме и странной куртке из прошлого. Даже Тигра не потерял свою бабочку, что не могло не радовать. Неужели раньше люди могли себе позволить сидеть вот так вот без дела, смотреть на природу, слушать музыку? Какая непозволительная роскошь!

Почти к концу празднества к нам присоединился отец, но он точно не из тех, кто умеет сидеть без дела. Не прошло и десяти минут, как он заговорил о чужаках и о том, как же мы будем спать. Я предложила ему вариант с библиотекой, и он ему сразу понравился. Правда отец не горел желанием спать со всеми в одной комнате. Я уверяла его, что так будет безопаснее, на что он ответил, что нам с мамой и Тигрой лучше остаться дома. Мама сказала, что про него начнут говорить всякие дрянные вещи, мол он спит с чужачками в одной комнате. На это отец ответил, что мы не знаем, единственные ли это чужаки в поселении и всем лучше действительно спать в библиотеке...

Именно поэтому уже почти рассвело, а я сижу и записываю всё о прошедшем дне. Мама спит, как убитая, Тигра даже ни разу не шелохнулся. Даже Прим сопит за соседней стенкой. Только отец снова не сомкнул глаз, я знаю.

Где-то час назад я выходила на улицу, посмотреть на небо, подышать ночным воздухом. Площадь в это время казалась пугающей и одновременно прекрасной. Словно люди в спешке бросили всё, убежали в самый разгар праздника, оставив после себя только гирлянды и затоптанные лужайки.

За мной последовал Чужак.

— Не спится? Я видел, ты уже несколько часов что-то быстро пишешь. — Я не хотела ничего ему отвечать, получилось только тяжело вздохнуть. Я облокотилась на одну из каменных глыб, а Чужак сел на ступеньку.

— Если хочешь, можешь не отвечать. Я понимаю, что тяжело спать, когда вокруг незнакомые люди. Именно поэтому я и не сплю. — Я с удивлением посмотрела на него.

— А мы не такие уж и разные, а? — Ухмыльнулся парень.

— Раньше я мечтала хотя бы одну ночь провести в библиотеке. Я думала, если посчастливится заснуть в главном зале, то мне приснится бесконечный сон, в котором я

смогу прочитать все книги. Это место не похоже на все остальные. Это храм знаний, величественный и загадочный. Кто-то его нам оставил. Возможно, кто-то *изваших*. Я пишу хронику. Начала не так давно, всего неделю. Я подумала, что это может быть полезно кому-то в будущем, если мы так и не выберемся. Я рассказываю нашу историю, конечно, со своей точки зрения, как всё вижу я, но я ничего не выдумываю, не приукрашиваю, пишу всё, как есть. Сегодня лунный свет упал прямо на тот стол, что я выбрала. Мне бы хотелось думать, что это какой-то знак. Что кто-то хотел, чтобы я всё это рассказала... А, может быть, я просто ищу оправдание своим нелепым ночным действиям... Мы много не говорим. Я раньше вообще мало говорила, чаще кивала, руками показывала. А за эту неделю стала как будто другим человеком. И чтобы такое сказать, кому попало, ты уж, прости... Что со мной происходит? — Чужак широко улыбнулся, в свете луны он казался мертвенно бледным, сродни тем величественным старым статуям-стражам, жизнь которым подарил безымянный гений скульптор.

— Возможно, это хорошая перемена. Каждый следующий день меня сильно пугает, хотя им только предстоит наступить. А я уже боюсь. Неизвестности. У вас тут довольно неплохо, мне совсем не хочется уезжать. Если мы сюда приехали, значит, у нас была какая-то цель? Может быть, мы от кого-то бежали? — Я, к удивлению для самой себя, искренне обрадовалась таким словам.

— Спасибо, очень приятно, что *приезжиму* нас понравилось. Тебе следует немного поспать, будь уверен, никто тебя и пальцем не тронет. Завтрашнее испытание решит всё, от его исхода будет зависеть многое. — Чужак встал и удовлетворённым взглядом окинул площадь, будто перед ним раскинулся один из самых красивых в мире пейзажей. Но это была наша простая скромная улочка. Мне согрело душу то, что кто-то смог оценить мой дом, наше тихое убежище.

Перед самым входом в библиотеку Чужак тихо сказал мне «Спасибо, Алатея», а я лишь кротко кивнула в ответ.

Он минут десять смотрел, как я пишу, а потом сдался и уснул. К счастью, мне удалось тихонько открыть шкафчик с бумагой и никого не разбудить. Как много я сегодня написала! Завтра я напишу больше обычного. Мне так кажется. Пойду посплю несколько часов, если удастся. Накроюсь своей праздничной курткой, ведь она еще не принесла мне удачу. Вдруг повезёт, и мне приснятся сюжеты всех книг, или я сама стану их героиней. Вдруг...

Перед глазами идеально белый и гладкий на ощупь лист бумаги, и вот на нём уже живут несколько разборчивых слов, написанных синей ручкой. С течением времени бумага пожелтеет, и капли разных напитков сделают некоторые слова нечитабельными, но пока большинству из них только предстоит появиться на свет.

Мои мысли сейчас в таком же состоянии. Они похожи на идеально белый и гладкий на ощупь лист бумаги. Но те слова и картинки, что довольно часто на нём появляются — исчезают со скоростью шквалистого ветра. И снова белый лист.

Иногда его заполняют сплошные чёрные точки. Это и многоточия, и воспоминания, и планы...

Их бесчисленное множество, они как рой надоедливых насекомых беспрестанно громко жужжат, а вскоре надолго умолкают, оставляя после себя лишь пустоту.

Иногда в пустоте появляется песок, он такой разный и неоднородный, что в глазах начинает пестрить. А иногда — это трава: свежая, пожухлая, скошенная, затоптанная десятками пар ног, грязная или оросевшая.

Но, в конце концов, все тот же белый лист.

Ночью или в сумерках на листе появляются еле заметные облачные пятна. Лист не должен темнеть или уходить во тьму. Конечно, так ты не увидишь звёздного света, дорога не будет таинственной и тёмной. Но будет ли вообще эта дорога? Порой мне кажется, что за границами этого листа ничего нет. Отгонять эти мысли помогает возвращение в реальность. Потому что этот лист — моя жизнь. А мы как-никак неразлучны. От своей жизни никуда не деться. Ты не можешь просто так взять и начать жить жизнью другого человека, изменить своё прошлое, условия своего появления в этом страшно туманном мире.

Там, где я живу сейчас почти всегда пасмурно. Небо часто похоже на белый, слегка сероватый помятый бумажный лист. Всё немного бледное и какое-то обесцвеченное... Всё напоминает мне о моём предназначении.

Воспоминания неосвязаемы и не существуют физически, хотя и напоминают сами по себе материю. Со временем они истончаются, их волокна рассыпаются под действием влаги, температуры, их структура напоминает ткань и бумагу одновременно. Когда воспоминания еще можно называть новорожденными — они яркими вспышками пролетают в человеческом сознании. Их пробуждают слова, предметы, запахи, звуки. Их сентиментально пробуждает еще не оправившийся от эмоциональных потрясений мозг.

Мне страшно забыть. Забыть лица, голоса, запахи. Места, дни, людей.

Я знаю, что теперь помню всё произошедшее после той роковой недели уже не так, как раньше, но только сейчас, по прошествии всех этих лет я готова, наконец, в полной мере описать, как изменилась моя жизнь и представление о ней. Я уже не уверена в достоверности многих фактов, пылящихся на полках моего сознания, поэтому заранее решаюсь принести извинения за некоторые вольности, небольшую выдумку (скорее всего по части диалогов) и пространные лирические отступления. Прошло слишком много времени.

Я помню, что даже трубач в тот день спал дольше положенного. Поговаривали, что некоторые смельчаки решили выпить чего-то покрепче фруктовых и травяных отваров, и среди них, естественно, был трубач.

Всех нас, уставших не от насыщенного праздника и вечера на открытом воздухе, а от крайне изматывающей, как физически, так и психически, яркой на события недели, начали будить те, кто по природе своей не могут спать целые сутки — дети.

— Мама! Папа! Тея! Люди!

— Поверить не могу, что так долго спал! Почему не протрубил будильник? — Первое, что я увидела — мамино плечо, а сзади колышущиеся от сквозняка широкие штаны Прима. Мне хотелось сделать вид, что я всё ещё сплю, но глаза предательским образом не хотели закрываться. Когда все проснулись и стали убирать после себя импровизированные кровати из старых матрацев и обрезков тканей, напряжение немного спало: чужаки подозрительно осмотрели нас, а мы их. Никто никого не зарезал. Это обнадеживало.

Я старалась много не говорить и даже не смотреть никому в глаза, меня съедал ужасный стыд за все мои вчерашние вольности, а голова пронзительно гудела, не давая сконцентрироваться. Недосып, в конце концов, дал о себе знать. Чужаки тоже были немногословны, мне это понравилось. Вспоминая вчерашний вечер, я задумалась, что из этого правда, а что домыслил мой уставший мозг? Правда ли была такой открытой в общении с Чужаком? О чём я только думала?

Мне не приснились сюжеты книг, захватывающие путешествия, сумасшедшие приключения, таинственные места или райские пейзажи. Мне не приснилось ничего, и я, закутав в свою совершенно обычную куртку Тигру, смирилась с реальностью.

Из своей комнаты в главный зал пришла мама Прима, которая также как и он, хваталась за голову, за сердце, за слоняющегося по залу Тигру, и недоумевала, как это так случилось, что все проспали. Затрубил будильник. Но на этот раз, люди уже высыпали на улицу, лениво потягиваясь. Мы вышли из библиотеки, строго наказав чужакам ждать нашего возвращения. Трубоч оglasил время — десять часов утра. Надо же, я поспала, на удивление прилично.

Этим утром разговаривать не хотелось не только мне. Но некоторые всё-таки винили в случившемся трубача, вчерашнюю еду и напитки, а также «гнусные инфернальные силы», которые вот уже неделю портили всем жизнь. Кто-то из Ответственных, используя рупор, оglasил, что завтрак этим утром будет состоять из несъеденных вчера вечером остатков, а также, что в двенадцать часов празднество продолжится. А я думала лишь о том, как добраться до жилища и умыться. Ах да, еще о том, как весело я проведу день, обучая Чужака стрельбе из лука. Впрочем, в то утро моё внимание заостряли многие другие вещи: опухшие лица поселенцев, унесённые ветром гирлянды, пробегающие мимо дети, одетые наспех; поразительно быстро летящие облака, многозначительные взгляды отца. Уже на следующий день я поняла, почему.

Я предвкушала феерию апатичных сонных мух, вяло спешивших окончить этот праздник, замести следы, и как ни в чем, ни бывало, вернуться к прежнему укладу жизни. Но и здесь я ошиблась. Уже за завтраком жители оживились и воодушевлённо обсуждали еще не потухшую надежду на спасение.

Когда все пошли по домам собираться к завтраку, отец отвёл чужаков к нам, во избежание неудобств.

— Я очень рад, что мы все пережили эту ночь! — Сказал мне Прим у выхода из библиотеки. Я знала, что он по-настоящему рад, но больше, конечно, за сохранность своей жизни и жизни его матери. Мне нравился Прим, но тогда я поняла, что сватовство поселенцев не закончилось бы добром. Зная, что мне может угрожать опасность, как и ему,

Прим провёл всю ночь в своей комнате, заперев дверь. Возможно, он еще и подпёр её стулом, а под подушку положил нож, это мне неизвестно, но то, что его волнение было по большей части волнением за его собственные нервы, я знала наверняка. Зачем переживать за меня, когда есть мой отец — он-то всех сумеет защитить. Я не была зла на Прима, а приняла это как должное. Я всегда, если не ожидала от него чего-то такого, то чувствовала, что оно непременно может случиться. Вот у Скалы с Бреной так бы никогда не случилось. В это мне хотелось верить.

Мама умылась быстро, а отец с Тигрой устроили обливание прохладными отварами на заднем дворе. Войдя в ванную, я решила немного потянуть время и стать такой чистой, насколько позволяло количество принесённой отцом воды. «С этим всплеском я отпускаю усталость, а с этим — дурные мысли. С этим — недоверие, а с этим — старуху с её пророчеством. С этой водой пусть уйдут все ветра, а с этой — бестактность Прима!». Чистая телом, и как мне хотелось думать, очищенная разумом и душой, я надела высушенную футболку, прежние штаны, куртку, возвращённую братом, и посмотрела на себя в зеркало — прежнюю Алатею в последний раз.

После меня в ванную было разрешено пойти чужачкам, а уже после чужакам. У нас еще осталось немного еды с ужина, поэтому я решила отправиться за добавкой одна. Тигра по традиции пошёл кормить Овечку. Чужак догнал меня у двери.

— Тебе помочь? — Я вопросительно посмотрела на парня.

— Да... Извини, глупый вопрос, нам же лучше не выходить.

Мне хотелось ответить ему «Как ты смеешь такое предлагать? По-твоему я изнеженная девица, которая ничего не может сделать самостоятельно?!». Но я лишь кивнула, не поднимая глаз, и отправилась занимать очередь. В этот день мне не хотелось ни с кем говорить, не хотелось ничего делать и даже думать не хотелось. Я окинула взглядом такую привычную и родную мне очередь: хоть люди и были одеты в причудливые для них одежды, мне искренне хотелось видеть их другими. Этого было недостаточно. Наверное, приезд людей из-заграницы так подействовал на меня, но я правда яростно желала перемен. Почему бы всем этим посредственным людям не изменить хоть что-нибудь? Почему их так устраивает привычное положение вещей? Почему они до сих пор не пришли к нашему дому и не допросили чужаков, не заставили каждого из них выстрелить из лука, не растерзали их, не...

— Теа! Ну и дела, а? Первый раз на моей памяти мы так проспали. Чувствую себя отлично!

— Это меня очень радует, Скала. Теперь ты точно готов к выстрелу. — Друг озадаченно поднял бровь в ответ на реплику Брены.

— То есть раньше я не был готов?

— Я не это имела в виду. Ты, я слышала, сегодня вы спали в библиотеке? Как всё прошло? — Мне снова не захотелось отвечать.

— Нормально. — Брена бы показала своё недовольство моей репликой, не подожди её очередь. Неужели куртка начала приносить мне удачу?

Подруга несколько забылась и, заняв мне место рядом с собой, начала широко размахивать руками. Я приобняла тёплый дымящийся котелок, посмотрела на неё и пожалала плечами, мол, извини, у меня обязанности.

Хотелось бы пренебречь этими обязанностями, не остаться с друзьями, не вернуться в переполненное людьми жилище, не вернуться вообще. Но куда мне было бежать?

Папа встретил меня у входа и помог с едой. Тигра был тише обычного, казалось, он тоже глубоко погружён в свои мысли. После привычного безмолвного завтрака, которому снова не предшествовала молитва, я подошла к брату.

— Тигра, хочешь пойти посмотреть, как Чужак будет учиться стрелять?

— Не очень. Но спасибо.

— Всё в порядке? Ты же знаешь, что можешь мне сказать, что угодно?

— А ты знаешь? — Мальчик завёл руки за спину и сложил их в замок.

— Что знаю?

— Что можешь сказать мне всё, что угодно! — Меня обескуражил вопрос брата.

— Конечно, знаю. К чему такой вопрос? — По узкому коридору прошёл чужак с хвостиком. Никогда бы не подумала, что наше жилище станет пристанищем для таких непохожих на нас людей.

— Почему ты тогда говоришь не со мной, а с бумагой?! Я что, хуже бумаги?! Почему? Почему, Теа? — Я повторяла про себя «Только не плачь. Только не плачь», но мантра не помогла. Тигра разревелся. Тогда я поняла, что и он по-настоящему устал за эту неделю. В этом тёмном узком проходе я села на корточки и прижала малыша к себе. Стараясь выглядеть взрослым, помогать нам и принимать недетские решения, мой брат всё ещё был ребёнком, крохотным, познающим окружающий его мир, совсем незрелым человеком. Ему хотелось быть обласканным, понятым, принятым, если не всеми, то, как минимум нами — его семьёй. Именно в тот момент я поняла, что хотела бы того же. Я бы хотела, чтобы моя мама обняла так нас обоих, чтобы пожалела нас, вслух подтвердила наши страдания.

— Прости меня, Тигра. Прости меня! Конечно, ты лучше бумаги! Не смей думать иначе! И я обязательно тебе расскажу всё то, что написала. Только не сейчас. Ты же понимаешь, что мы не одни. — Заплаканный мальчик отстранился и снова надел маску важности.

— Конечно, понимаю. Именно поэтому я почти всю ночь не спал и следил за ними!

— Какой ты молодец! — Ответила я, а про себя подумала «Глупыш! Тебе надо набираться сил по ночам, а не играть в сторожа!» — И что же ты узнал?

— Ничего, но думаю именно потому, что я следил за ними, они ничего не учудили.

— Да, спасибо тебе. Я думаю, именно поэтому они ничего не сделали. Ты пойдёшь смотреть на урок? — Малыш сразу оживился.

— Пойду! А меня научишь? — Я невольно рассмеялась.

— Прости, Тигра, может быть позже. Все наши луки размером с твой рост!

— Тогда, когда вырасту?

— Тогда, когда вырастешь. — И мы заключили с Тигрой пакт.

На лавочке на заднем дворе уже сидел Чужак и сверлил глазами самодельную старую мишень с облупившейся краской и выбившейся от влаги бахромой волокон. Этой мишени там раньше не было. Отчего-то наш задний двор всегда был обнесён редким деревянным забором, что отделяло его от заднего двора других домов. Только тогда я поняла, что родители будто ожидали, что им придётся что-то или кого-то скрывать. Редкими вечерами я видела из окна, как родители молча сидели в обнимку на этой самой лавочке.

— Готов? — Спросила я. Чужак кивнул. Тигра с радостным лицом приземлился на лавочку, будто в ожидании театрализованного представления.

Я провела ногой по рыхлой земле линию для стойки, а затем подняла с земли оставленный отцом лук и взяла из старого кожаного колчана стрелу. Руки дрожали, плечи

ныли. А что ты хотела, Алатея? Без регулярных тренировок мышцы коченеют. Зато память у них отличная. «Прямая линия, ноги на ширине плеч, прямая спина, тетива натянута, прицелиться, отпустить». Стрела попала в третий от центра круг. Могло быть и хуже. Я протянула нерешительному парню лук и подала другую стрелу.

— Повтори.

— Что? Да как же я повторю, я ведь никогда раньше не стрелял?!

— Мы же не знаем, кто ты. И ты не знаешь. Может быть, ты чемпион по стрельбе из лука? Повтори, а там посмотрим.

— Если стрела грохнется в грязь, я не буду смеяться! Обещаю! — Прокричал со скамейки брат. Я ухмыльнулась. Мне хотелось посмотреть, как стрела ничком упадёт в грязь. Давай же, покажи мне, что ты ничего не смыслишь в стрельбе.

Чужак принял вызов.

Прямая линия, ноги на ширине плеч, прямая спина, тетива натянута, прицелился, отпустил.

Стрела попала. Прямо в центр.

Тигра присвистнул.

— Пойдём Тигра. Он и без нас справится. — Чужак посмотрел на меня круглыми от удивления глазами и поспешил убедить в обратном.

— Что значит, справится? Может, это чистое везение новичка! Давай еще раз! Я даже не понимал, что делаю.

— А, ну, конечно. Пробуй, сколько влезет. Давай же, бери стрелу. — Я скрестила руки на груди и поджала губы. Мне казалось, что из меня делают круглую дурочку.

Чужак взял другую стрелу и выстрелил снова. Она расколола первую стрелу пополам, пройдя насквозь. Он снова попал в центр.

— Впечатляет! Может ты и правда тот олух из пророчества. — Чужак подошёл ко мне ближе, и в свете солнца я увидела, какие голубые у него глаза. Казалось, что этот цвет не может принадлежать природе, не может принадлежать человеку. Как что-то может быть чище и голубее неба?

— Я... Как я это сделал? Я и правда, умею стрелять?

— Судя по всему. Тебе не нужны никакие уроки. Можешь отдохнуть, я как раз собираюсь это сделать. У тебя есть время до вечера, проведи его со своими друзьями. — Я чувствовала себя обманутой и оскорблённой. Я на сто процентов была уверена, что он даже не знает, как держать лук!

— Теа, а мы пойдём смотреть на смельчаков и Скалу? — Спросил готовый к хлебу и зрелищам брат.

— Да, если хочешь.

— Молодец, Чужак! Пока не забыл, Теа мне всё никак не даёт задать тебе вопросы. У меня есть всего один. Можно? — Чужак вопросительно на меня посмотрел. Мне оставалось только раздражённо кивнуть.

— Ваша повозка, это что такое? Я могу посмотреть, что там внутри? Жителей любопытство так и распирает, все о ней говорят. Только они боятся, что эта повозка очень опасная, потому что слышали, как она рычит. — Чужак хотел было подойти к брату, но опешил. Правильно, не следует меня злить.

— Эта повозка называется машина. Она помогает преодолевать большие расстояния, а использует при этом топливо. И совсем она не страшная, если твоя сестра разрешит, то я

покажу тебе, как она устроена. — Я отрицательно замотала головой.

— Так я и думал. Спасибо за ответ. — Сказал Тигра и направился к сараю. — Ти, я ненадолго. Мне нужно поговорить с Овечкой. Можешь меня подождать. — Конечно, я еще чувствовала обиду брата, ведь я так и не поговорила с ним по душам. Хорошо, что у него была Овечка, готовая всегда выслушать.

— Овечка? — Спросил Чужак.

— Да. Это обычная овца, но у нас в семье она — настоящее домашнее животное.

— Мило. — Парень положил лук рядом с колчаном и опустил глаза в пол. Я пошла обратно к дому, Тигру можно подождать и внутри, но Чужак окликнул меня.

— Алатея. Подожди. — Я остановилась, но не обернулась. Почему со мной хотят поговорить все именно тогда, когда этого не хочу я?! — Ты ведь нас не ненавидишь?

— Ненавижу вас? — Я резко обернулась, сомневаясь в целесообразности этого разговора.

— Да. Чтобы не произошло, пообещай, что ты нас не возненавидишь. — Парень казался очень серьёзно настроенным.

— Что ты имеешь в виду? Ты что-то вспомнил? — Он беззвучно засмеялся, показав глубокие ямочки на щеках.

— Не совсем. Возможно, ты будешь смеяться, но мне сегодня приснился сон. В этом сне, я будто был уже какое-то время с тобой знаком. Мы разговаривали, и ты сказала, что ненавидишь меня. И мне стало страшно, что это действительно так. — Чужак больше не смеялся, зато я разразилась самым раскатистым хохотом за последние сезоны моей жизни.

— Прости! — Ответила я сквозь смех. — Я не думаю, что буду ненавидеть тебя, не волнуйся. Я, как и ты, очень надеюсь, что ты и твои друзья покинете поселение на рассвете.

— Да, конечно. На рассвете... — Согласился со мной Чужак. Мне показалось что он немного огорчился.

— Вы чего это тут так смеётесь? Что смешного? — Тигра вышел из сарая и аккуратно затворил за собой дверь.

— Да так, Чужак рассказал мне свой сон. Он там ездил верхом на большой собаке. А она не гавкала, а бляела. — Тигра широко улыбнулся.

— Ну что за чушь! И правда, смешно. Я рад, что вы с Чужаком уже такие друзья, что рассказываете друг другу свои сны. Здорово. — Мой взгляд остановился на брошенном на землю луке, а потом проскользнул к Чужаку. Он смотрел на меня так, как не смотрел раньше никто. В его взгляде я увидела надежду, жалость, ободрение и поддержку — всё, чего мне так не хватало в последние дни. Казалось, он сам уже не понимал, кто кому друг, а кто враг, и это пугало меня больше всего.

— Да. — Тихо ответила я. — Друзья.

Весь оставшийся день прошёл в странной атмосфере всеобщего волнения и томительного ожидания. С каждым поражением молодых лучников в людях всё больше нарастало беспокойство, связанное с тем, что успехом это не увенчается. Положение усугубляло и то, что и у относительно опытных лучников не получалось совладать с луком.

— Вот и настал он, день конца! — Сетовали старики.

— Вот и пришло время платить за грехи! — Жаловались родители.

— Конечно же, это пророчество — чушь! — Утверждала находчивая молодёжь.

— Я вот верю, что если не кто-то из них, а я выстрелю — то всех спасу. — Хвастался Тигра. — Если, конечно, Чужак не поможет. Всё-таки это я нашёл стрелу.

Отец на этот раз поднялся на балкон вместе с Ответственными, мама сидела поодаль с родителями Брены и Скалы, а мы с Тигрой и Бреной нашли отличную смотровую площадку на лужайке за площадью. На небольшом стёганом пледе расположились фрукты, бадья с водой и старый дедушкин бинокль.

— Вот когда мы еще так посидим и поболтаем, а, Ти? — Брена и представить не могла, насколько важный она задала вопрос.

— Да, не смотря на сомнительную причину этого предприятия, ничего не делать и в самом деле приятно. — Подруга рассмеялась.

— Эти ребята все такие медленные! Но это забавляет. Тот бедолага, кажется, сын травницы? Десять минут не мог натянуть тетиву! Нет, я не говорю, что я бы сама выстрелила без промедлений, но... Но Скала точно выстрелит! Тигра, закрой, пожалуйста, уши! — Брат сделал брезгливую мину и отвернулся. — Я его перед входом в библиотеку на удачу... — Подруга подвинулась к моему уху и прошептала. — Чмокнула в щёку! — На смуглой коже подруги проступил еле заметный румянец. «Вот это воодушевление!» — подумала я. Как же, наверное, хорошо быть Бреной. Думать о чём-то романтическом и женском. Если я начинала думать о чём-то хорошем, перед глазами сразу представляли картины мифического падальщика, нападающего на Мастера, лужи крови после падения дерева и горы мерзких жуков, позже превращённые в зловонный прах.

И глаза Чужака.

Откуда ни возьмись.

— Ну и лицо, Ти! Я тебе же ничего постыдного не рассказала, а у тебя выражение, будто мерзость какую услышала.

— Нет, прости, Брена, я это о своём. Я очень рада за вас со Скалой. Твой поцелуй точно его воодушевит. — Подруга гордо закивала головой.

— Я тоже так думаю!

Не смотря на царящий гул и гам, Тигра немного подремал, лёжа головой у меня на коленях, а проснулся как раз к ужину. На ужин раздавали что-то свежее, но приготовленное из тех же самых продуктов, что и вчера. Первым стрелком после ужина наконец-то был заявлен Скала, а после него еще пять отчаянных, двоим из которых, еще не было и пятнадцати. Люди уже устали от запретов и закрыли на всё глаза.

Ужин запомнился мне хорошо. Мы сели очень близко друг к другу, насколько позволяли размеры нашей кухни — отец рядом с чужаком с хвостиком, мама между двумя девушками, Тигра рядом со светловолосой девушкой, рядом с ним Чужак... А мне досталось место между отцом и Чужаком.

— Сын, как ты думаешь, не пора бы нам прочесть молитву? — Тигра воодушевлённо закивал, приняв такую огромную честь.

Голову пронзила резкая боль.

Отец взял меня за руку, и все по кругу последовали его примеру. Я не спешила занимать свою левую руку и смотрела в тарелку на еще дымящуюся кукурузу. Мою правую руку сжимала крепкая и шершавая ладонь отца. Моя левую руку робко сжимала широкая, тёплая и нежная ладонь Чужака.

— Дорогие высшие силы и предки, спасибо вам за хлеб, за кров и за семью, которую мы имеем. — Закрыв глаза, торжественно начал брат. — Спасибо еще и за гостей, которых мы принимаем в своём скромном доме. А еще спасибо за праздник, который устроили жители. Сделайте так, чтобы пророчество исполнилось и случилось что-то хорошее. Благодарь.

— Благодать, — тихо, но дружно прошептала я и родители, чужаки вторили с небольшим опозданием. Я поспешила освободить руки.

— А теперь можно есть. — Объяснил Тигра чужакам.

Ели мы, как обычно, безмолвно, но на удивление, очень быстро расправились с овощами и кашей. Тигра пошёл покормить Овечку и пожелать ей спокойной ночи, маму попросили помочь на общей кухне сёстры Мороуз, а отец поспешил к Ответственным, чтобы проследить, что больше ни один ребёнок не запишется в очередь.

Одна из девушек предложила мне помощь с посудой, но я вежливо отказалась. Не думаю, что она очень расстроилась. Мне требовалось побыть наедине с самой собой, но кто-то явно не спешил проявлять уважение к моим желаниям. Я как обычно замачивала тарелки в одной части мойки, а потом споласкивала их в другой. Всплески воды напомнили мне об озере, о нашей полянке, о песнях под гитару... Я стала невольно напевать мелодию нашего с ребятами гимна юности и уже через полминуты услышала сзади себя хрипкое тихое пение:

Пусть думают, что мы не выйдем за порог,

Пусть думают, что нам не выбраться из тьмы.

Мы выучим урок, чрез тысячи дорог

Сумеем мы сбежать, ворота найдём мы...

Тарелка выскользнула из рук обратно в воду. Я резко обернулась и вцепилась в столешницу вывернув запястья. Чужак смотрел на меня так, словно бы я открыла ему тайну мироздания. Хотелось бы, но нет.

— Прости, я не хотел подкрадываться.

— Это ты отлично делаешь. Врождённый талант.

— Откуда ты знаешь эту песню? — Я повернулась к парню спиной и продолжила мыть посуду.

— Могу задать тебе тот же вопрос. Эти стихи передавались из поколения в поколение, молодёжь всегда пела эту песенку. Странно, но у нас с вами намного больше общего, чем я думала. Может, и нет там ничего, за этой границей.

Чужак без колебаний подошёл к столешнице и начал вытирать полотенцем вымытую посуду.

— Может быть, и нет. Но меня не это пугает. Я ничего не помню, но я не дурак. Дело в том, что я не хочу возвращаться обратно, куда бы то ни было. Мои спутники тоже не хотят. — Чужак прицелился в мои недоверчивые глаза своими голубыми кусочками неба. — Там нет ничего хорошего.

— Вы не можете знать наверняка! Мы тоже привыкли доверяться внутреннему голосу, какому-то чутью. Но прежде всего, мы верим тому, что видим. А я вижу достаточно большую группу людей, запертых в небольшом поселении с ограниченными ресурсами, чередой странных происшествий... И мне бы хотелось это изменить.

— Но что, если изменения были бы к худшему? — Я улыбнулась.

— Мне сдавалось, что ты оптимист. Ошибалась?

— Скажем так, я хорошо приспосабливаюсь к обстоятельствам. — Мы взаимно посмеялись, но как только мы потянулись к одному и тому же стакану, и наши руки нечаянно соприкоснулись, на улице заиграла музыка. Я в который раз оддернула свою ладонь — это выглядело так, будто я подцепила какую-то болезнь. Но на самом деле всё было с точностью наоборот.

— Мне пора идти, скоро мой друг будет стрелять. У тебя есть еще час. Сейчас скажу

что-то неприличное. Можешь убрать посуду в шкаф?

— Без проблем. Люблю быть полезным. — Я кивнула в знак благодарности и поспешила вернуться на площадь. Мне очень не хотелось думать о произошедшем, но хриплый голос Чужака не выходил из головы. Брена с Тигрой уже сидели на нашем прежнем месте, точнее Тигра сидел, а Брена ходила взад-вперёд около покрывала.

— Что-то случилось?

— Могу и тебя спросить о том же! — Подруга прикрыла ладошкой рот, повернулась ко мне и прошептала, — Я снова чмокнула Скалу! Он же не успел пройти до ужина. Мне так стыдно, так стыдно! — Не успела подруга более детально выразить свой стыд, как с балкона в рупор объявили, что сейчас будет стрелять последняя шестёрка. «Давайте покончим с этим!» — подумала я, сомневаясь в волшебном попадании хоть одного из них. Больше всего меня забавляло то, что не было ни цели, ни мишени... Только синеватое предзакатное небо с оранжевой прослойкой. Такую синеву я видела в...

— Ти, это Скала, смотри, это он! Будет не очень, если я закричу, да? Тогда просто помашу... — Даже Тигра приподнялся и запрыгал на месте, якобы подбадривая Скалу, которому в тот момент явно было не до нас. К счастью, он оправдал свою репутацию умельца и не стал разбираться с устройством лука десять или пятнадцать минут, ему хватило и пяти. Заворожённые жители затаили дыхание, стрела устремилась вверх, и вот она решительно летит куда-то вверх, прямо в небеса, навстречу...

Земле.

Люди недоумевали, ведь это первый раз за все попытки, когда стрела вылетела за пределы балкона! Острый наконечник застрял между плитками, которыми вымощена площадь, все ждали, пока какой-нибудь смельчак не вытащит стрелу, как Король Артур свой легендарный меч. Но никто не подходил, все боялись этого внеземного, чужеродного предмета. Опечаленный Скала скрылся где-то среди Ответственных и вскоре уже спустился к нам на площадь. Он даже не собирался помогать злосчастной стреле и понуро поспешил за утешением к Брене.

— Брена, где Тигра? — Стараясь сохранять спокойствие, спросила я подругу. Стоило на одну минуту отвлечься, как мой младший брат пропал из поля зрения!

Зачем я собственно спрашивала? Для самоуспокоения? Я уже заранее знала: Тигра пошёл за этой чёртовой стрелой, которая манила его, как сирена моряка. Или песня сирены?

На этот раз стрела не произвела на брата никакого гипнотического эффекта. Он аккуратно, с честью и достоинством, как и полагает королю, вытащил блестящий холодный и стержень и безотлагательно побежал на балкон. Когда брат уже спускался обратно, стрелять готовился следующий долговязый парень.

— Ты большая умница Скала! — Ободряла возлюбленного Брена, нежно похлопывая по мощной спине. — Никому еще не удавалось так далеко выстрелить!

Запахавшийся брат со смешанными чувствами огласил:

— Мне, конечно, не дали выстрелить, но попытаться стоило. А! Мне сказали «Большое спасибо!» Честного тут мало, если честно. Это же я её нашёл. Зато Скала просто молодчина! Защитил честь нашей команды. — Мы втроём дружно засмеялись.

— Что это у нас за команда такая, а, Тигр? — Спросил Скала.

— Ну, наша, наша старая команда. БАТС! Брена, Алатея, Тигра, Скала.

— Это ты здорово придумал. Почти как БУМ, БАХ. В общем, что-то громкое и обещающее быть грандиозным. — Похвалила брата Брена и растормошила его и без того

взъерошенные волосы.

— И откуда у тебя такое воображение? Как ты так быстро всё придумываешь? — Мне не хотелось, чтобы такой простой бессмысленный весёлый не обременённый ничем разговор заканчивался. Я нутром чувствовала, что у нас есть для этого, как минимум еще один час. Еще пять безнадёжных случаев для ротозеев.

— Я это уже давно-давно придумал, просто случай не представлялся!

— Случай ему не представлялся! — Я разразилась смехом и сильно прижала Тигру к себе.

Пока медленно тянулся этот уютный вечерний час, я успела осмотреть причудливо одетых жителей, послушать новую аранжировку старых песен, исполненную Ником и даже немного помечтать.

Меня всегда интересовало, думают ли они о том же, о чём и я, размышляют ли они также, не смыкая глаз перед сном? Или же, напротив, они засыпают от усталости сразу, как головы касаются подушек, а городские празднества дают им возможность забыть об обыденности и не думать о ней, не думать ни о чём, жить моментом и надеяться на чудо?

Эти два дня были другими, совершенно непохожими на остальные праздники и ярмарки. В воздухе царил шум, дружественные голоса и громкий смех. Даже самые заядлые молчуны подпевали старым поселенским песням; я была уверена, что гармоничные звуки доносятся до самой хижины Велана и утешают страдающих больных, а потом, как упругий мяч отталкиваются от холодной невидимой завесы и возвращаются к нам, создавая тем самым благоденствующую какофонию.

Вскоре к нашему покрывалу присоединились еще два: родители моих друзей и мама в самом конце стрельбы решили почтить нас своим присутствием.

Голову пронзила резкая боль.

К горлу подкралось какое-то сомнительное чувство, будто этот праздник был предзнаменованием некоего финала, но чему настал конец, я не знала. Это ли конец недели горестей и начало чего-то благого или же, это конец нашей тихой размеренной жизни и начало череды бед, несчастий и потерь?

— Это был последний стрелок?

— Ну, дела!

— И что теперь делать?

— Ти, Ти, еще Чужак не стрелял!

Мама пожурела Тигру взглядом, а нарастающим шум довольно быстро стал превращаться в массовую истерию.

Как и ожидалось, все вдруг вспомнили о существовании в поселении чужеземцев. Со всех сторон доносились не очень приятные возгласы, кто-то даже ругал стрелков за их «никчёмность», «криворукость» и «лень». К нашему импровизированному островку подбежала группа моих одноклассников, до этого разбросанная по площади, как и мы, вместе со своими семьями. Марта, Даг, Лиана, Костыль, Ли — все они внезапно выказали неподдельный интерес ко мне, как к той «в чьём жилище обосновались неверные».

— Стойте, стойте, дети, перестаньте перебивать друг друга! В чём дело? — Никогда раньше я не видела мою мать в таком амплуа, она действительно переняла роль отца.

— Пусть неверные стреляют! Там два огромных парня, мы видели! — Дагу то и дело поддакивала сестра, ужасно раздражая этим окружающих. По крайней мере, меня, Тигру и Брену — наверняка.

— Кто-то из них должен быть тем самым!

— Точно! Иначе и быть не может!

И словно по заказу с балкона донеслась громогласная, но короткая фраза:

— Мы приведём чужаков, не нужно сеять панику!

— Хоть что-то дельное сказали. — Подытожила подруга.

— Это потому что папа там. — Гордо кивнул головой младший брат.

Мне не хотелось, чтобы все видели чужаков. А может быть, конкретно одного из них. Мне нравилось иметь ото всех секрет, пусть это и не было большой тайной. Никто не знал о наших с Чужаком разговорах, кроме нас двоих. И я хотела, чтобы всё так и осталось. Но кому, какое дело до твоих личных переживаний, когда речь идёт о воображаемом благе всего общества?

С балкона спустился отец и вновь своим фирменным жестом — рука согнута в локте, прямая мощная ладонь «я всё улажу», успокоил негодующую толпу. И заставил волноваться меня. Я готова была пойти домой вместо него, я готова была закрыть жилище на ключ, а ключ выбросить в озеро, чтобы никто его никогда не нашёл; а если бы какой-то злодей и отважился спуститься на дно — там бы его настигла неминуемая гибель.

Я стояла на смятой траве и смотрела отцу вслед. Мне казалось, что ветер сносит гирлянды, сносит нелепые шляпы и крыши домов. Земля снова затряслась, с такой силой, что люди должны были упасть на неё, прямо в грязь, прямо в мусор, испачкать свои драгоценные праздничные одежды, расцарапать себе кожу, истошно закричать...

— Здорово, да, Ти? Наконец-то мы посмотрим, как Чужак стреляет! — Тигра вернул меня в реальность, резко дёрнув за рукав куртки.

— Да, Тигра, конечно, здорово. — Я подумала, что, со стороны, наверное, веду себя странно, выгляжу отстранённой и совсем не радуюсь. Если честно, всем было на это наплевать, но я не могла давать друзьям и родным повода для сомнений.

Совсем скоро вдаль показались стёртые, сначала тенью, а потом и одним из последних ослепляющих солнечных лучей, нерешительные силуэты. Я не смогла заставить их повернуть назад, ни силой мысли, ни большим желанием. Я оказалась бессильна.

Толпа расступилась, освобождая центральный проход к входу в библиотеку. Я ждала одобряющего взгляда отца, хотела встретиться глазами с Чужаком, но тщетно: отец смотрел решительно прямо перед собой, Чужак смотрел себе под ноги, до конца не веря в реальность происходящего. Только представьте: человек, не помнящий кто он и откуда, оказывается в незнакомом месте, где все принимают его за врага. Более того, эти люди заставляют его выполнить какой-то абсурдный сказочный ритуал, о котором он и сам когда-то слышал.

Кто я такая, в конце концов, чтобы на меня смотрели?

Меня раздражали постоянные перешёптывания, которые звучали громче раскатов грома, били железным молотом по голове. Хотелось, чтобы люди снова молчали, чтобы больше не было этого шума, гама, чтобы люди больше не выражали своего мнения. Спутники Чужака с большим интересом озирались по сторонам и даже пытались улыбнуться несколько озлобленным по отношению к ним жителям. Я позавидовала их смелости: хотелось бы и мне вести себя вот так легко в окружении стервятников!

Время будто застыло. Я смотрела на всё в медленной перемотке, жаль только, не могла поставить этот момент на паузу. Тигра боязливо взял меня за руку, он искренне переживал за Чужака. Или, он уже не был для нас Чужаком?

Его друг был ниже ростом, поэтому пальму первенства всё-таки получил Чужак.

Ответственные о чём-то бурно разговаривали и, конечно, не ободряли парня, как всех предыдущих смельчаков, кто-то лишь несмело протянул лук и стрелу и попятился назад. Но Чужак прекрасно знал, что делать и выглядел великолепно. Все те, кто пытался выстрелить до него, казались теперь жалкими пародиями. На площади стояла гробовая тишина, все восторженно смотрели на мощную живую статую, которая настолько подходила этому месту, что все были бы рады, если бы заходившее солнце превратило её в настоящий камень, поселив там на веки.

Но Чужак не мешкал.

Он не думал, какую стойку принять, как взять лук, как натянуть тетиву — они были созданы друг для друга. Стрела взмыла прямо в тающий полукруг тускнеющего светила. И не вернулась. Без сомнений, это был он — человек из пророчества. Тигра еще крепче сжал мою ладонь, жители же выразили своё удивление громкими восклицаниями.

— Это он!

— У него получилось! — Слышалось со всех сторон, но никто не радовался раньше времени.

Ведь ничего не происходило.

— Ты, так и нужно, да? Почему ничего не происходит?

Чужак медленно опустил лук. Я уверена, что его лицо выражало лишь безмятежность. Но, что теперь? Потеря веры? Что делать всем тем, в ком потухла надежда? Солнце зашло. Хоть что-то шло по плану.

Сказать, что мы были разочарованы — это ничего не сказать. Мы потеряли стрелу так же быстро, как и нашли. Так же внезапно, как и нашли. Я надеялась, что она вернулась к законному владельцу, который решил так жестоко над нами пошутить. Тем временем недовольство поселенцев росло, кто-то даже кинул в балкон какой-то сосуд, который, конечно же, не долетев, разбился у стен библиотеки. Настало время Ответственным сглаживать острые углы ситуации. Рупор взял мой отец. Я точно помню, как сквозь зубы прошипела «Труссы».

— Уважаемые жители! Мы настоятельно рекомендуем сохранять спокойствие и посвятить вечер своим обычным делам. Мы все видели, что стрела и правда была выпущена. Возможно, нам не стоит ждать таких скорых перемен. Но мы уверены, что они, непременно, будут. Это лишь вопрос времени. Спасибо за внимание.

«Это лишь вопрос времени» — эхом проносилось в голове. Но у чужаков время было ограничено. «5. Через 2. На рассвете» — присоединилось к эху. Жители, если и хотели что-то возразить, то никак не могли, ведь Чужак и правда выполнил свою часть пророчества. Молодёжь предложила продолжить праздник, ведь уже завтра всем надлежало вернуться к учёбе и работе, никому не хотелось терять последние драгоценные часы.

И никому вновь не было дела до Чужаков. Я подумала, что нашим людям ведь никогда и не хотелось выбраться из поселения, их всегда всё устраивало, они редко задумывались, что же там находится, за завесой? Вы не подумайте, что я недооцениваю своих друзей, знакомых, нет. Хотя большинство из них вообще говорили редко, я знала, что им всё равно. Они не знали другой жизни, они не интересовались ей.

— Что теперь, Алатея? Мама Гал? — Брена хотела получить от нас формального разрешения присоединиться к остальным.

— Как сказал отец Гал, нам нужно немного подождать. Возвращайтесь к празднованию, к своим семьям и друзьям. — Мама кивком в сторону библиотеки дала понять, что и нам

нужно вернуться к своей семье. Брена на короткий миг меня приобняла. Я ничего не почувствовала в её объятиях. Хотела ли она сказать этим, что всё будет хорошо, и мы обязательно найдём выход, или же извинялась за такое чисто человеческое желание — весело провести остаток праздника? Или...?

— Вы это видели, а?! Ну, и картина! С этого юноши только и расписывать холсты!

— Мама? Отец? Вот так сюрприз! — Мама заключила в объятия еще крепкую, но уже суховатую и уставшую женщину, не отличавшуюся вычурным нарядом.

— Неужели этот крепыш, наш Тигра?! — Седовласый мужчина приподнял Тигру над землёй, а потом прижал к себе.

— Алатея! — Бабушка обняла меня так крепко, что я думала, она сломает мне пару-тройку рёбер. — Я так скучала! В нашей хижине дни проходят иначе, ты знаешь. Так жалко, что в обычном расписании нет времени для посещения своих стариков. А где же наш сын?

— Вы не видели его на балконе? Он теперь приближённый к Ответственным.

— Дедушка, прекрати, мне щекотно! Папа теперь делает за них всю работу. — Мама пожурила брата взглядом. — Ну, это же, правда!

Мама с большим теплом взяла обоих родителей под руки и последовала в библиотеку. Мы с Тигрой, опьянённые внезапной встречей с близкими, медленно прошли за ними. Первое, что я увидела — тот самый легендарный лук, покоившийся теперь на обычном библиотечном столе, как будто бы ничего не произошло. Это без преувеличения произведение искусства выглядело настолько нелепо, лёжа на старом исцарапанном столе, что я вспомнила слова отца о том, что при одном только взгляде на этот лук на глазах наворачиваются слёзы, и тихонько посмеялась. Ничего это кусок дерева не может. Вот она — человеческая природа! Столько лет холить и лелеять древний артефакт в самом потаённом месте поселения, чтобы потом, всего за один день, разочароваться и приписать это великое оружие к разряду обычных вещей.

Я увидела Плуга и Стэна что-то с большой настороженностью объясняющими моему отцу и остальным членам семей, представляющих Ответственных. Трусы. Нашли себе мальчика на побегушках! Чужак облокотился на один из столов, крепко вжавшись в столешницу ладонями: вены на его руках просвечивали так сильно, что казалось, они прорвут тонкую кожу. Однако лицо его выражало лишь глубокую озабоченность, ни один мускул на лице не дрогнул. Его спутники стояли по другую сторону и вовсе не спешили утешить друга. Если он и был им другом.

Чужак перестал разглядывать трещины в полу и поднял глаза. Мы встретились взглядом. Голову пронзила резкая головная боль.

— ...Вот поэтому я всегда скептически относился к этому. Всё произошедшее можно объяснить логически. Ну, почти всё. — В библиотеку вошли Прим с матерью. Судя, по выражению их лиц, сегодня вечером библиотека должна превратиться из общественного места в их жилище, прямо как карета Золушки в тыкву. Только не ровно в полночь, а с окончанием провальной миссии на балконе. Прим открыто презирал Чужаков. Мне отчего-то хотелось проучить Прима, к счастью, все будто послушались меня и не перестали заниматься своими делами. Чужак робко подошёл ко мне и Тигре.

— Ты... вы видели?

— Конечно, видели! Ты был такой крутой! Такой, ух! Большой! Громадный!

— Тигра, иди сюда, расскажи бабушке, что нового ты узнал, — Бабушка зачем-то вырвала своей просьбой брата из его энергичного всплеска имён прилагательных. Конечно,

бабушка не знала, кто такие Чужаки, ведь они с дедом прибыли под конец празднования, явно откладывая всё на последний момент от нежелания выбираться из берлоги. Она наверняка подумала, что это мой хороший друг, или чего хуже — жених. Мама с недовольным лицом вразумила бабушку, но отвела подальше ото всех.

— Ты расстроилась?

— Нет, с чего бы это. Я и сама до конца не верила в это пророчество. Плюс ко всему, стрела не вернулась. Чисто физически ты не мог так высоко её запустить. Это уже, как минимум... Странно. — И вот опять я наговорила лишнего! Почему я не могу помолчать, когда он о чём-то меня спрашивает?

— То есть ты еще веришь, что что-то может произойти?

— Я уже не хочу верить во что-либо. Произойдёт — ладно, будем решать. Нет — вы уедете, а мы вернёмся к исходному. — Чужак помрачнел и немного отодвинулся.

— Ты *этого* хочешь?

Но мне не удалось ответить на его вопрос, Ответственные, наконец, закончили своё короткое собрание, и уже спешили поделиться с нами его итогами.

— Сегодня вновь решено переночевать в библиотеке, поскольку, скорее всего, наши гости уедут уже утром. — Сказал мой отец тщательно отрепетированную фразу. Чужаки вдруг стали гостями, но всё-таки никто им не доверял. Из всех обрадовался лишь Тигра, Прим выглядел так, будто съел что-то испорченное, лицо бабушки исказила гримаса ужаса. Я знала, что снова не смогу выспаться.

Отец сделал правильное решение, и мы провели остаток вечера с семьёй. Мама была по-настоящему счастлива, я не видела её такой уже очень давно! Тигра тоже наслаждался общением со старшими, особенно с дедушкой. Мы сидели на траве, слушали музыку и подпевали песням, так громко, как только могли. Этот момент отложился в моей памяти не так ярко, как другие. Потому что я впервые за долгие годы почувствовала себя расслабленной, свободной, собой.

Звонкий смех брата, мокрая трава, маленькие морщинки в уголках маминых глаз, сухие папины ладони, делающие дудочки из осоки...

Чужаки почти к полночи решили выйти из своего убежища. Оставшиеся на улице зеваки сначала пошептались между собой («Это он? Да, точно он! Да они безобидные. Пусть гуляют»), а потом продолжили погружение в сладостный транс вечерней прохлады.

Я в последний раз окинула взглядом наполненную мусором и следами праздника площадь. Завтра всем предстоит большая уборка территории. В темноте развевающиеся бумажные гирлянды казались жуткими костлявыми монстрами из страшилок, а наши привычные ярмарочные палатки бездонными чёрными дырами. И всё же, это был замечательный вечер.

Бабушка с дедушкой согласились переночевать у нас в жилище, чтобы не идти домой в потёмках. Когда Тигра уже был не в силах бороться с нападающим каждые пару минут сном, мы поняли, что и нам пора уходить. Я посмотрела назад — компании чужака уже не было; я посмотрела вперёд — мои одноклассники почти в полном составе сидели у одной из палаток и громко смеялись.

— Спокойной ночи! — Что есть мочи крикнула я им.

— Спокойной ночи! — Хором ответили ребята.

Чужаки уже расстелили всем нам кровати и сами, скорее всего, дремали. Дверь, ведущая в спальню Прима и его матери, была плотно заперта. Я легла на спину и с облегчением

вздохнула. Как давно все в нашей семье не ложились спать с таким тёплым ощущением на душе? Я погладила шёлковые волосы младшего брата и поняла, что, как и он, не смогу совладать со сном. Совсем скоро протрубит будильник, и я проснусь, чтобы вернуться к своему непрерывно крутящемуся колесу жизни поселенца, волшебным образом остановившемуся на пару дней.

Но проснулась я не от будильника, ведь моё колесо перестало крутиться два дня назад.

Вам когда-нибудь снились настолько реальные сны, что вы сомневались в том, что вы спите? И, по закону жанра, конечно, не помнили при каких обстоятельствах вчера засыпали, что, собственно, вчера делали? Конечно, это неопровержимое доказательство того, что всё происходящее сейчас — самая настоящая действительность! Особенно, когда рядом с бурлящим морским берегом бегают твой младший брат, а сама ты чётко видишь свои белые нерешительные ступни, играющие с горячим ванильным песком.

Какие-то помехи.

Где Тигра?

Море... или чёрный фон?

Песок... или мокрая земля?

Из сна меня вырвал чудовищный грохот, подобного которому до этого момента я ни разу не слышала. Или слышала? Почти одновременно с ним послышались крики испуга, и даже самые настоящие истошные вопли страха.

— Оставайтесь здесь! — Громко приказал отец, и, обувшись, стремглав вылетел из библиотеки. Скоро из своего бункера вылез недовольный Прим, конечно же, завязывающий на ходу волосы в хвост. Долго не думая, Чужак побежал вдогонку за отцом.

— Мам, возьми Тигру! — Младший брат тихонько захныкал от прерванного сна, но я почувствовала, что на улице творится что-то неладное. Резко вскочив с настила, я побежала на улицу, на ходу надевая башмаки. Только что была на море, и теперь спросонья бегу на встречу приключениям! Откуда кстати, я знаю, как выглядит море?

Глаза ослепил яркий жёлтый свет, я прищурилась, как только могла, чтобы хоть что-то разглядеть.

— Отец! — Крикнула я, сбежала вниз по ступенькам и резко уткнулась в чью-то крепкую спину. Чужак.

— Не подходи ближе, Теа. Стой за мной.

— Что это за грохот? Где отец? Пропусти меня, сейчас же!

— Прекрати, стой! Это...это за нами приехали.

Когда моё зрение привыкло к таким дивным условиям освещения, я увидела, что выход из библиотеки загородило несколько огромных грузовиков, издающих те самые пугающие звуки. Мой отец подошёл вплотную к одной из махин и предупредительно замахал руками. Из машин вышли грозные тёмные силуэты, но мой страх успел начать рассеиваться, резко стало светать. В первых предрассветных лучах я старалась рассмотреть их, как только мне позволял это сделать отталкивающий меня Чужак. В руках мужчины держали оружие, то самое, которое я видела в многочисленных книгах, комиксах, энциклопедиях.

— Стрелок! Выходи! Мы прибыли на рассвете. Почему ты так удивляешься? — Я увидела лицо Чужака, жаждущего скрыться, желающего обратить всё это в сон. Он по-настоящему не хотел возвращаться, хотя даже не помнил, куда.

— Я не удивлён! Просто я еще не нашёл.

— Извините, вы бы не могли заглушить свои повозки? Сзади уже образовалась толпа, люди волнуются. — Отец выступил в роли миротворца. Опять.

— Как это не нашёл? Тебе дали время! — Ответил один из «воинов», заглушая мотор грузовика, остальные последовали его примеру. Я насчитала пять огромных фур. Какая

ирония. Высокий человек с грубыми чертами лица, который обращался к Чужаку всё это время, оттолкнул моего отца и подошёл вплотную к парню. Они были одного роста, но всё же сильно отличались — от незнакомца исходила неприкрытая злоба.

— Берите мужика, девчонку, найдите еще троих. И не мешкайте! — Я в страхе вцепилась в футболку Чужака, какой-то мужчина схватил моего отца за руки, связал их верёвкой за спиной и почти что силой заставил запрыгнуть его в кузов. Мой отец не знал слова «сопротивление». Да и было ли бы разумно сопротивляться людям с неизвестным нам оружием? С любым оружием? Всё это действие сопровождалось моими криками, после которых я помню всё размыто, как будто я и правда заснула. «Отец!» — вопила я, кричала громче рёва машин, разбудила всё поселение, стала зачинщиком кошмарного помешательства. Мои крики заставили выйти на улицу обеспокоенных чужаков, маму, прибежать из своих жилищ Брену и Скалу.

Отец виновато смотрел на меня из кузова. Но он был невиновен.

Мама вышла из библиотеки как раз тогда, когда за моё плечо схватился тот самый разговорчивый невежа.

— Отпусти! — Процедил сквозь зубы Чужак. — Я сказал, отпусти её! — С яростьк прыснул он и стремительно отправил свой кулак прямо незнакомцу в лицо. Мужчина глухо засмеялся, а из его рта потекла окрашенная в алый струйка слюны, показавшаяся мне в слабом свечении предрассветного солнца полыхающим огнём. Я не привыкла робеть при виде ушибов, царапин или просто неких отвратительных картин моего существования в поселении (один раз я принимала непосредственное участие в принятии родов у коровы). Но в моей жизни ранее не было места для насилия, и я искренне верила, что и дальше буду продолжать представлять себе ужасающие нутро эпизоды только в недрах собственного подсознания. До этого момента.

Мощная хватка крепкой руки незнакомца только окрепла от неожиданного удара.

— Отпусти мою дочь, увалень! — Взревела сквозь слёзы мама и со всей силы врезала трясущимися кулаками бугаю по спине. Это его только раззадорило. Он отпустил меня и поспешил заломить руки моей матери за спиной, за что получил лишь несколько царапин, так как мама пыталась отбиться всеми силами, да ещё и плевков в придачу.

— Третий, ты уверен, что это та семья? По мне так какие-то дикари! — Прохрепел мужчина.

Я стояла на площади — настоящий участник происходящего, но словно бы наблюдала за всем со стороны. Ступор, оцепенение, паническая атака? Называйте это как хотите. Но когда я увидела заплаканное лицо матери и её истерические всхлипы в объятиях отца, я поняла, что мне тоже придётся лезть в этот проклятый кузов. Единственное, что я успела сделать, медленно продвигаясь к железной громадине на ватных ногах под подзуживание громилы «Ай-да девочка, молодчина!» и призывы Чужака остановиться, это крикнуть что есть мочи брату, кусочек лица которого мне удалось разглядеть в приоткрытую дверь библиотеки. «Беги, Тигра!».

Но имя моему брату было дано не просто так. Малыш с криком выбежал из библиотеки и вцепился в ногу хохочущего недруга.

— И это...? Это вот Тигра? — Не прекращал смеяться мерзкий тип. Он отцепил брата от себя, как маленькую надоедливую букашку и, взяв его за воротник рубашки, потащил брыкающегося бедолагу в сторону машины. Перед самым кузовом я отобрала у него брата и поспешила затолкать трясущееся тельце к родителям. Мне хотелось поскорее закончить этот

фарс, только бы враги никому не причинили вреда.

— Давай, залезай, чего встала. Ну, же. — Громила подсадил меня, и уже через секунду я сидела на холодном металлическом полу, обхватив колени руками. Я думала о том, что нужно закричать и попросить о помощи, нужно оглядеть площадь и взмолиться к поселенцам... Но меня обуял страх испортить и без того скверную ситуацию.

— И ты. Ты тоже полезай. Ты вроде умный. Вот и хватит.

Слышу, как кто-то присоединяется к нам. Поворачиваю голову — знакомые рыжие волосы, собранные в хвост. Прим.

Не смотрю ему в глаза, чувствую, как мне не хватает воздуха, жадно глотаю его ртом. Немного привстаю и окидываю площадь взглядом. Где-то вдалеке в безмолвной толпе вижу Скалу, обнимающего вздымающиеся плечи Брены. Солнечные лучи засветили лица почти всех стоящих в том ряду. Безликие призраки моего, теперь уже, прошлого. «Увижу ли я еще друзей? Увижу ли я хоть кого-то? Что нас ждёт дальше? Доживём ли мы до следующего рассвета?» — один за другим мой мозг порождал жалящие вопросы.

— Стрелок, полезай за ними, усьмири всех. Выдвигаемся. — Услышала я противный хрип того подобия человека. Чужак тоже не сопротивлялся, и уже через полминуты нас в кузове было шестеро. Погодите.

— Пятеро? На рассвете... Пятеро. На рассвете. — Шептала я, словно заклинание, своё удивительное открытие.

— Не волнуйтесь, никто не причинит вам вреда. — Успокоил нас Чужак. — Я и сам не очень помню, кто эти люди, но я уверен, что они не опасны. — Я ни капли ему не верила.

Загудел мотор. Первый раз в жизни я почувствовала, как движется автомобиль, как движемся все мы, не прилагая совершенно никаких усилий. Это отличалось от повозки, запряжённой конями, и совершенно точно отличалось от того, что я читала в книгах.

— Вы же понимаете? — Закричала я, судорожно осматривая следующий за нами конвой и удаляющуюся многолюдную площадь. — Вы же понимаете?

— Что понимаем, Ти? — Недоумевал Прим.

— Пятеро. На рассвете. Это мы! Это нас ты должен был привезти! Не подходи к нам! Не подходи! — Я с настоящей ненавистью смотрела в голубые глаза недоумевающего Чужака, глаза, не выражающие ничего, даже раскаяния. Он не помнил своего задания, но, тем не менее, оно было. Он — враг. Такой же враг, как и бугай-невежа. Такой же враг, как и его команда.

Но почему тогда он старался защитить меня? И старался ли?

Чужак вскинул руки вверх и отодвинулся к дальнему углу.

— Я не враг вам, Алатея. Пусть я ничего и не помню, но это знаю наверняка. И скоро ты это поймёшь.

Тигра, до этого остававшийся спокойным, заплакал навзрыд.

— О, О, О, Овечка!!!! Овечка! Осталась! Там! Совсем! Одна!

— Тигра, я уверена, что Брена о ней позаботится. Не волнуйся.

Мама начала убаюкивать брата, напевая мелодию одной из поселенских песен. Отчего-то она выбрала именно эту песню. В голове эхом пронеслись строчки: «Пусть думают, что мы не выйдем за порог, пусть думают, что нам не выбраться из тьмы. Мы выучим урок, чрез тысячи дорог сумеем мы сбежать, ворота найдём мы...».

Вдаль уплывало всё, что так дорого. Позади уже остались ярмарочные палатки, окружённые серыми бетонными глыбами, несколько полей и деревянных домов... А вот мы

уже прощаемся с озером и въезжаем на непригодную для повозок лесную тропу. Казалось, водителю наплевать на дорогу, он уверен, что сможет проехать, где угодно, пусть и ценой кустов, плодов, и других лесных ценностей. Мы проехали и то место, за которым находилась наша полянка, и даже Веланову хижину, хозяйина которой я заметила, прятаясь за одним из деревьев. «Прощай, Велан. Обещай, что поставишь больных на ноги».

Железный конь всё набирал скорость, а я, вжавшись руками в ограждение, молила всех существующих и несуществующих богов о скором завершении неизвестности. Конечно же, машина должна была врезаться во что-нибудь, они явно задумали нас убить. И тогда, себя тоже?

А что если?

Мама продолжала напевать мелодию безымянной песни, сквозь всхлипы, но мне всё равно стало спокойнее. Я закрыла глаза и решила оставить всё в руках судьбы. Ветер, обдувающий моё мокрое от слёз лицо, стал ещё холоднее. Я не знала, приближаемся мы к концу или началу? Стоит ли рассматривать конец чего-то, как начало нечто другого? Или после смерти совсем ничего нет? Раньше я об этом не задумывалась.

И вот, мы столкнулись.

Но не с чем-то твёрдым, нет, напротив. Меня обволокла нежная тягучая субстанция, все трясущиеся конечности, каждую клеточку. Одинаково дарящая прохладу и живительную теплоту, она обволокла меня, словно вязкий мусс. Я была оторвана от леденящей поверхности кузова, парила вне времени и пространства, в небытии, в абхаве.

Моё сознание, некогда пестрящее воспоминаниями и предположениями, цитатами из обрывков книг и рассказов Тигры полностью поблекло, очистилось, перестало существовать внутри меня, отделилось в чужеродный прозрачный предмет, наподобие мыльного пузыря, только плотный, непробиваемый. Я — пустая, забытая всеми оболочка, имеющая от прежней жизни только имя — Алатея Гал, не могла смотреть, ведь мои глаза так же увязли в энигматическом веществе, но всё же видела, как пузырь моего подсознания с каждым трепетанием безвременного пространства увеличивался в размерах, показывая, один за другим, в рассыпную, забытые моменты, моего когда-то случившегося уже, бытия.

— *Я бы так хотела, чтобы она стала кем-то значимым для поселения.*

— *Кто знает, может быть, у неё получится стать первой женщиной «Ответственной».*

— *С другой стороны, нашей малышке, лучше оставаться в тени и радовать нас. Я знаю, что это эгоистично, но только посмотри, какая она хорошенькая! Не могу и представить, что через несколько десятков сезонов у неё будет своя семья!*

— *Помнишь, тебе снился сон, с именами? Для мальчика и девочки?*

— *Ты считаешь, ей подойдёт это имя?*

— *Алатея. Тея... определённо. Она родилась под особой звездой.*

Чьи это были голоса? Такие знакомые слова, но такие чужие звуки. Как звучит мой голос? У меня есть голос?

На серой бетонной стене ровно наклеены желтоватые листы бумаги.

— *Ну, что думаешь?*

— *Я думаю, ей понравится. Она уже давно просила о большой площадке для рисования.*

— *Главное, чтобы не разболтала Брене и Скале. Не то завтра сюда прибежит вся ребятня.*

— *Тея? Разболтала? Дорогая, иногда мне кажется, что она немая! Я даже не*

представляю, как ей удалось завести друзей.

— Нам бы следовало взять с неё пример.

— И то верно.

Совершенно обычная девочка стоит напротив этой же стены. Родители поздравляют её с Днём прихода в мир.

— Алатея, милая, ты можешь нарисовать всё, что угодно. Замечательно, правда? Хочешь, мы тебе поможем?

Девочка кивает.

— Что ты хочешь нарисовать?

— Небо. — Робко отвечает ребёнок.

— Голубое небо и облака? На всей стене?

Девочка мотает головой.

— А что же тогда?

— Звёзды.

— Мы можем нарисовать синее небо и оставить пустые места для звёздочек. Ты хочешь сделать так?

Девочка снова отрицательно мотает головой. Озадаченные родители переглядываются и садятся рядом с дочкой на служащий диваном матрац на полу.

— Как же ты хочешь нарисовать звёзды?

— Все звёзды выстраиваются в рисунки. Я хочу зарисовать эти рисунки. Возможно, кто-то пытается разговаривать с нами через них. Вы что, никогда не замечали?

Не замечали?

Замечали...

Эхо момента из раннего детства сменяется другим, словно проигрыватель зажевал плёнку.

Всё та же комната, но на этот раз, стена уже разрисована соединёнными друг с другом точками. Девочка выглядит взрослее, аккуратными движениями она снимает бумагу и кладёт в небольшой деревянный ящичек.

— Теа, что ты делаешь?

— Я подумала, что скоро эта стена понадобится Тигриусу. Мы можем приклеить чистую бумагу через пару сезонов.

— Ты покажешь брату свои открытия, когда он подрастёт?

— Это не открытия, папа. Это детские домыслы. Там ничего нет. Возможно, Тигре удастся узнать больше, чем мне.

— Как ты его назвала?

— Ой, прости. Даже не знаю, почему...

— Это отличное имя! И правда, никакой он пока не Тигриус. Тигра.

Тигра.

Тигра.

— А правда, что где-то есть дома высотой, как все наши постройки вместе взятые?

— Наверное.

— А правда, что где-то есть говорящие игрушки?

— Может быть.

— А правда, что...

— Тигра, оставь Скалу в покое. Он решает арифметические примеры.

— А правда, что где-то есть штучка, которая решает такие предметы за тебя?

— Что? — Сидящий на траве с тетрадью и карандашом подросток резко меняется в лице и откладывает предметы на ближний пенёк. — Правда что ли есть такая штуковина?

— Конечно, Скала, четырёхлетний брат Теи знает всё на свете! Ты что, головой ударился? Не в обиду тебе, конечно, Тигра. Я вообще удивляюсь, как можно научиться читать в четыре года! Да ещё и выговаривать при этом букву «р»! — Девочка с короткими русыми волосами улыбнулась и продолжила вырезать из толстой ветки некое подобие игрушечного кинжала.

— Мама говорит, я умный не по годам. И скоро буду знать всё на свете.

— Ты правда вычитал, что есть такие штуковины?

— Ага. Вычисляторы.

— Теа, твой брат меня пугает! С ума сойти можно.

— Ничего, Брена, просто сходи в библиотеку. Можешь узнать там много полезного.

Подросток с тетрадью разразился смехом, встал и отряхнулся.

— Ты чего, Ти! Там же книжки без картинок, их надо читать, да ещё и думать! Вот умора! — Высокий парень посадил мальчика себе на плечи и побрёл в сторону низких построек.

— Эй, Скала! Ты чего это сказал такое, дурачина?! Я по-твоему не умная, да? Вернись сюда, сказала, сейчас навалю! Нет, ну вообще. Ти, ты слышала?!

Ты слышала?

Слышала?

— Ты слышала историю про Золушку?

— Я не знала, что такая жила в поселении, бабушка Труды. Первый раз слышу это имя.

— Ну-ну, милая. Совсем не обязательно, что она жила в поселении. Она жила давным-давно и совсем в другом месте.

— А есть и другие места?

— Конечно. Покуда есть истории о других местах, есть и сами эти «места». Пока о них говорят и помнят, они существуют. В общем, давным-давно в...

Такой знакомый силуэт, такой успокаивающий голос... Кто они? Где я? Кто я?

В этом воспоминании её глаза закрыты. Она только слышит разговор двух людей. Но теперь их отчего-то видно на одной из плёнок. С десятков самодельных спальных мешков на полу библиотеки. Все крепко спят, за исключением пары, а может и тройки людей.

— Ты спишь?

— Нет, а ты?

— Не могу заснуть. Да и как тут заснёшь, когда ничего не помнишь. Думаешь, мы друзья?

— Конечно, друзья, Бритый. Иначе быть не может. Я тебя не знаю, но отчего-то проникся к тебе. Это не просто так.

— Вот оно как. Тогда ты будешь Рапунцель.

— Шутить вздумал, болван? Это бабское имя! Свою подружку так называй! — Хриплым от смеха голосом ответил второй.

— Она мне не подружка.

— Дудки! Я же вижу, как вы друг на друга смотрите.

— Может и смотрим, и что? Я знаю, что мы здесь не за этим. Я знаю, что нам надо кого-то или что-то найти. Это всё, что я знаю.

— *Найдём, Бритый. Обязательно найдём. Давай спать, брат.*

— *Давай спать.*

Пузырь не лопаётся и не растворяется в темноте, его просто нет. Изображение исчезает в один миг и вязкую, тёплую, охраняющую Алатею Гал субстанцию пронизывает смертельный холод.

Всё замерзает. Нет ни завывающих ветров, ни белых ледяных хлопьев, лишь колючий, сковывающий мороз.

Что было правдой, а что вымыслом? Кто я такая, зачем я здесь? Где это — здесь? Где...

Горло и нос пробивает поток тёплого воздуха, я снова дышу и чувствую. Моё тело прорывает упругую плёнку, разуму удаётся вырваться из плена необъяснимого. Я всё так же ощущаю руками металлический пол кузова, я знаю, кто я и что происходило со мной сегодня. Единственное, чему у меня нет объяснения — это пребывание в «небытии». Почему мы не врезались во что-то твёрдое? Почему мы прошли сквозь какую-то плёнку и остались живы? Остались ли мы живы?

— *Ти! Ти! Открой глаза! Теа!*

Меня зовёт Тигра. Не смотря на сковывающий, как пару секунд назад лёд, страх, я понимаю, что мне нужно открыть глаза, ведь меня зовёт мой живой младший брат.

Раз, два, три.

Я увидела перед собой лицо мамы, она гладила мои мокрые щёки и вторила Тигре, прося меня очнуться. Отец помог мне подняться на ноги, и теперь мне предстояло увидеть то, что изменило моё представление о вещах навсегда. Все эти крамольные фразочки типа «Один момент может изменить всю жизнь» слились воедино и стали самой настоящей правдой. Я и представить не могла, что существует то, что никак не может уложиться в моей голове, то, чего там никогда не было, то, чего я не воспринимала.

Теперь и навсегда я разделилась на прошлое и настоящее. Там, за границей, до того, как грузовик пересёк поляну, осталась совсем другая Алатея Гал. Я не видела её с тех пор, на протяжении огромного количества сезонов. Новая же Алатея, прошедшая сквозь барьер неизведанного, стояла сейчас вместе со своей семьёй, другом Примом и Чужаком в кузове грузовика, косо припаркованного в помещении с огромной высоты потолками. В будущем, она узнает, что это место называется «парковкой», но тогда голова кружилась так сильно, что не было сил даже стоять.

О дивный новый мир.

Хотела бы я сказать, что принятие новой окружающей действительности далось мне также легко, как и Приму, но не могу. Он мне всегда казался похожим на хамелеона. В любом случае, ему легче приспособливаться к новым условиям. Я же, не успев толком разглядеть окружающих нас людей в белых накидках и десяток других железных повозок, прилюдно избавилась от содержимого своего желудка прямо в ближайший угол. От стыда и плохого самочувствия мне хотелось вернуться к тому необъяснимо успокаивающему состоянию нирваны, или же просто накрыться тяжёлым одеялом и уснуть. В голове не укладывалось, что же это за место?

Вперёд вышла совершенно обычная женщина, отличающаяся только странным для «новой» меня нарядом — белой накидкой на пуговицах поверх обычной одежды.

— Вы, должно быть, напуганы. Манрод, что это за отношение? — Из "нашего" грузовика вышел парень с хвостиком, откликнувшийся, по-видимому, на своё имя.

— Простите, виноват. Память отшибло, как въехали на объект. Даже не помнили, зачем явились. — Женщина на удивление тепло улыбнулась и спрятала прядь выбившихся из пышного хвоста волос за ухо.

— Поняла, вам всем нужно отдохнуть. Дорогая семья Гал, Прим, добро пожаловать в Аламейк! Кто-нибудь, пожалуйста, помогите им выбраться из этого грузовика! Капитан Тион, а вы что в кузове забыли?

Все мы были немного мокрыми, как если бы пару минут простояли под морозящим дождиком. Я сразу вспомнила о том, как намок Тигра, когда нашёл стрелу и какой предстала перед нами старушка с пророчеством. Первым из кузова выбрался Прим, который, конечно же, из научного интереса делал вид, что совсем не боится этих людей. Следом за ним выбрался Чужак, которого женщина в накидке назвала Капитаном Тионом. Он сразу же подошёл к моему краю кузова и протянул мне руку.

Я больше не доверяла Капитану Тиону. Ведь никто из нас не думал, что моя семья окажется в числе тех «пятерых», которых на рассвете увезут неизвестно куда. Поэтому, вместо того, чтобы спуститься самой, я оторвала от маминой ноги прицепившегося брата, взяла его подмышки и протянула Чужаку. Ах да, Капитану Тиону, извините. Помочь мне спуститься я позволила только отцу.

На твёрдой земле меня штормило не так сильно, но я чувствовала слабость во всём теле. Я вся была какая-то ватная, в руках и ногах покалывало. Немного сонная я осмотрела помещение, но мой взгляд зацепили не многочисленные модели автомобилей или странные конструкции, а внешний вид стоящих впереди меня людей. Я как жираф вытянула шею перед заслонившим меня отцом и вперилась взглядом в мужчин и женщин, цвет кожи и разрез глаз которых повергли меня в шок.

Прежде я не видела людей с миндалевидными глазами, тёмной, почти чёрной кожей, бирюзовыми, как драгоценный камень из музея, волосами. «Кто эти существа? Разве это люди?» — приходили в голову нелепые вопросы. Какой же глупой я была! Какой же дремучей!

— Я представляю, как вы удивлены. Меня зовут Мария. Вы в безопасности. Мы не причиним вам вреда. Сейчас необходимо вас осмотреть, следуйте за мной.

Отец посмотрел на нас и одобрительно кивнул. Конечно, выхода всё равно не было, не

прирасти же ногами к этому странному полу. Папа шёл впереди нас, меня под руку вела мама, а по правую сторону к моей всё ещё ватной ноге примостился трясущийся от страха Тигра. Шествие замыкал Прим, то и дело восклицающий «Восхитительно!», «Поразительно», «Да-да, я так и думал!». Гнетущая неизвестность комом подкатывала к горлу: чем дальше мы проходили, тем больше мне хотелось вернуться обратно в грузовик и уехать назад в поселение. Трусиха Алатея. Разве ты не хотела узнать, что же там, за завесой?

Бойтесь своих желаний, это верно говорят.

Перед людьми в белых накидках буквально испарились тяжёлые металлические двери, и мы прошли вслед за ними в ослепляющую комнату, необыкновенную комнату, сделанную из света и дерева. Так мне показалось в первые секунды. Как только зрение привыкло к более яркому свету, чем в дивном железном ангаре, я смогла рассмотреть помещение: светлое и тёмное дерево делило огромную площадь на множественные зоны.

— Алатея, как ты себя чувствуешь? До сих пор тошнит? — Спросила Мария. Шушukaющиеся рядом с ней люди вскоре отошли подальше, она же подошла ко мне ближе. — Вы не против, если я осмотрю вашу дочь? Нужно будет проверить давление, сделать анализ крови.

— Как это, анализ крови? — Спросил отец.

— Это не больно. В вену вводится нано-игла. Она ничего не почувствует. Ради вашей безопасности, я проверила бы и ваши показатели. Согласны?

— А у нас есть выбор?

— Выбор есть всегда, Мастер Гал.

— Проверяйте. Что хотите проверяйте, только скорее скажите, что мы здесь делаем, где мы вообще находимся, и кто вы такие!

— Спасибо. После анализов. Мы всё вам расскажем. Нам нужно знать, что вы в порядке после трансмиссии.

На большом постаменте стояли в ряд с десяток кабин с прозрачными стенами.

— Я не пойду, Теа! Не пойду! — Начал паниковать Тигра, прежде, несколько раз закатывающий истерики из-за заноз в пальцах.

— Пойдём вместе, хорошо? В одну комнату. Не бойся. Я рядом. — Я взяла брата за руку, поймала одобряющие взгляды родителей и последовала за девушкой со смуглой кожей в такой же белой накидке, как у Марии.

На входе перед кабиной стеклянная перегородка также испарилась, как показалось мне на первый взгляд. Внутри комнаты было множество полок из светлого дерева, красивая деревянная кушетка с белыми подушками и стол с диковинными устройствами.

— Усаживайтесь удобнее. Я — Нелла. И я не кусаюсь. Никто здесь не кусается. Сначала мы обследуем Алатею, Тигриус. И ты увидишь, что бояться нечего.

— Никакой я вам не Тигриус, я Тигра! И ничего я не боюсь, обследуйте меня первым!

— Хорошо, Тигра, но всё же, сначала я обследую Алатею. Скажи, пожалуйста, тебя ещё тошнит? Как ты себя чувствуешь? — Я описала Нелле свои ощущения, после чего она налепила на меня на мои руки какие-то датчики и начала активно тыкать пальцем в стол. Мы с Тигрой переглянулись, брат покрутил пальцем у виска. Неужели мы попали в плен к умалишенным?! По тонкому проводку, идущему от одного из датчиков прямо к столу, потекла струйка крови. Я ничего не почувствовала.

— У тебя немного понижено давление и повышен пульс, но всё в пределах нормы. Анализ крови хороший. Тебе нужен хороший сон. И ещё вот это. — Нелла взяла с одной из

полок маленький флакончик из тёмного стекла, открыла крышку и протянула мне. — Выпей, тебе полегчает.

Я сразу вспомнила момент из книги Кэролла "Алиса в Стране Чудес", где девочка выпила жидкость из такой же бутылочки и уменьшилась до невероятных размеров! Тигра потянул меня за рукав футболки и одним только видом запретил даже брать бутылёк в руки.

Но я взяла и выпила безвкусную жидкость залпом.

— Молодец, Алатея, через минуту тебе станет легче. — Не соврала Нелла. Через некоторое время тошнота и правда прошла, в голове прояснилось, вернулась чёткость зрения. После моего героизма во время проведения совершенно безболезненных процедур Тигра преисполнился храбростью и стойко выдержал нападение множественных датчиков. Нелла протянула брату желтый леденец на тонкой деревянной палочке в награду за послушание, Тигра прошептал «Спасибо», но есть конфету не поспешил.

— Вы все нуждаетесь в качественном отдыхе, всё-таки это ваша первая трансмиссия. Она никому не даётся легко. Сейчас я провожу вас к Марии, и она всё объяснит.

После выпитого лекарства мне стало легче воспринимать происходящее, и я смогла разглядеть ещё много нового, впоследствии ставшего для меня чем-то обыденным. Над нами возвышался высокий деревянный потолок с яркими светильниками. Кроме медицинских кабин в комнате находились еще закрытые кабины не из стекла, а так же сотни, если не тысячи больших экранов. Я готова была поклясться, что видела наш дом на одном из них.

Мы шли за Неллой быстрым шагом, но увиденное мной в одном из секторов бесконечной комнаты, заставило меня остановиться, а Тигру — выронить из рук злосчастный леденец.

Огороженные мириадами экранов, где-то за толстым слоем необычной затуманенной плёнки, словно животные в клетках зоопарка находились такие же люди, как и мы. Я не видела ничего, кроме плёнки, но наблюдала за ними, как если бы смотрела самое настоящее реалити-шоу. Ведь мне только предстояло узнать значение этого слова.

Люди внутри носили такую же одежду, как и мы, они возделывали землю, а после отдыхали на пляже. У них было то, чего не было у нас. У них было море.

Их постройки выглядели как хижины туземцев с соломенными крышами, а климат был намного суше нашего.

В центре их площади, окружённой десятком хижин, находилась каменная библиотека с лестницей и скульптурами, настолько не подходящая по стилю, что казалась вырезанной из газеты картинкой, приклеенной на фотографию. Именно она заставила меня остановиться.

Люди с миндалевидным разрезом глаз разговаривали, готовили еду, даже пели. Они проживали внутри своего поселения свои жалкие туманные жизни, как проживали их и мои соседи, мои родные, я сама.

— Алатея? Тигра? Вы идёте? — Нелла резко повернулась на пятках и подошла к нам. — Оу. Вы уже увидели. У вас, наверняка, теперь ещё больше вопросов. Поверьте, Мария поможет вам. Идёмте.

— Теа. Теа. — Зашептал брат. — Что это значит? Это что, кино? Как в книжках описано? Почему в кино наша библиотека? Почему там такое большое озеро? А? Теа? Теа, скажи что-нибудь!

Я ощущала, как Тигра дёргает мою правую руку, но не могла сдвинуться с места. Всё казалось мне таким ненастоящим, таким неправильным, таким удушающим. Я увидела в одном месте не только то, о чём когда-то читала, но намного больше. Больше в миллиард

раз, увидела то, чему не было места в моём узком поселенческом сознании.

Всегда есть нечто большее, чем мы можем понять. Но не всегда мы на самом деле сталкиваемся с этим «великим».

Ай-да, Алатея, ай-да везунчик.

— Это кино, Тигра. Но я ничего не знаю про кино. Ты, наверняка, знаешь больше моего. Пошли. — Ответила я брату безучастным голосом и пошла за Неллой, только потому, что он тащил меня за рукав футболки. Под моей ступнёй что-то хрустнуло. Где-то позади меня на полу остались лежать осколки жжёного сахара.

Я смотрела вперёд перед собой на вьющиеся тёмные волосы Неллы, как на маяк, и попыталась абстрагироваться от увиденного. Но как я могла? Это непосильное задание для такой невежи.

Нелла прикоснулась к широкой белой стене своей ладонью, и меня поразили контраст тёмного на белом. Это выглядело так ново, так роскошно, так необычно. Прямо перед нами испарился кусок стены, образуя дверной проход. Внутри на широких белых диванах уже сидели отец, мать и Прим. В левом углу нервно маячила теперь грозная для меня грозная фигура Капитана Тиона.

— Алатея! Тигра! Вот и вы! Можно начинать. Присаживайтесь, пожалуйста. — Мария одним своим естеством источала доброту и искренность. Но меня эта слащавость отталкивала. Тигра сразу же подбежал к маме и уселся к ней на колени. Я же осталась стоять рядом с идеально ровной стеной, еще десять секунд назад бывшей самой настоящей дверью.

— Алатея, тебе уже лучше? Как ты себя чувствуешь?

Давай, Алатея, ты же Гал. Вспомни, кто ты. Ты умеешь говорить, верно?

— Если вы о лекарстве, то оно мне помогло. Спасибо. В голове прояснилось, и я смогла увидеть то, что лучше бы не видела. — Родители смотрели на меня, как на сумасшедшую. Что ж, может быть я таковой и стала.

— Да, Нелла упомянула, что вы с братом увидели одно из поселений...

— Одно из? Сколько же у вас таких поселений? Кто мы? Мы вообще — люди? Что за игры в богов вы устроили? Я... я ничего не понимаю! — Мария виновато посмотрела на меня и несколько раз кивнула головой, якобы собираясь с мыслями.

— Пройди, пожалуйста, не стой в дверях. Это не быстрый разговор. Должна признать, ранее мне не доводилось объяснять устройство Аламейка настолько смышлённым поселенцам. — Я прошла ближе к дивану и встала прямо по центру белого ковра с толстым ворсом. Вдруг по правую сторону от рабочего стола Марии в стене открылась такая же дверь и в комнату вошла она — старуха, принёсшая с собой пророчество. Театр абсурда не менее! Мне казалось, что я тяжелобольная и вижу то, чего на самом деле нет. Конечно, я повредила рассудком! Ничего этого...

— Алатея, не пугайся, прошу! Риила никому не причинит вреда. — Должно быть, я выглядела обезумевшей, с мокрыми глазами и трясущимися руками. Но иначе приветствовать старуху, я не могла.

— Риила, сними грим, пожалуйста. — Старуха тронула какой-то браслет на своём запястье под лохмотьями, и её лицо преобразилось, словно бы она подняла забрало шлема. Под этим шлемом оказалась приятная женщина средних лет, не имеющая ничего общего с пугающей старухой. — Риила никогда не была той старухой. Она — лишь актриса, исполняющая свою роль.

— Роль? То есть мы и правда жили всё это время в кино? Мои друзья и соседи,

оставшиеся в поселении просто кучка дураков без ролей?

— Нет. Всё совсем не так. Вы — никакая не массовка, думаю, ты искала это слово. Для того, чтобы объяснить вам всё мне нужно вести рассказ с самого начала. Но всему ещё только предстоит начаться. Время — удивительная материя, вы все почувствовали его на себе, как только прошли через завесу. У нас это и зовётся «трансмиссией». Нет ничего поразительнее времени и пространства и того, как они взаимодействуют. Иногда нам кажется, что оно ускоряется, хотя секунды движутся в привычном им режиме, иногда, что замедляется... И так и есть. Время движется только так, как нужно ему, чаще всего — циклами. Временной цикл невозможно вычислить. У времени нет границ, хотя мы и пытались для удобства загнать его в рамки секунд, часов, суток, недель, лет, тысячелетий, световых лет... Всё будет повторяться вновь и вновь, если не в существующем ныне пространстве так в том, которое существовало или ещё только будет. Как и в нашем с вами случае.

Вам предстоит жить на одной из вариаций планеты под названием Земля, находящейся в Метагалактике Вселенной, галактической нити Персея-Пегаса, в комплексе Сверхскоплений Рыб-Кита, в Сверхскоплении Девы, галактике Млечный Путь, Рукав Ориона, солнечной системе. Я знаю, что для вас сейчас это звучит устрашающе, но в будущем вы узнаете, на какие песчинки ещё может делиться местоположение. Например, наша лаборатория — Аламейк, находится в месте, которого нет на карте ни одной из галактик. Может быть позже, я вам расскажу, что здесь к чему. А теперь, вернёмся ко времени.

Так, вам может показаться, что маленькому Тигре скоро исполнится шесть лет, но это не так. По меркам планеты Земля, да, ему скоро будет шесть, но по меркам нашей галактики Тигре нет ещё и года. А где-то в соседней он может оказаться столетним старцем.

Именно для того, чтобы охранять время и пространство, Капитану Алактиону было поручено привезти из поселения Новой Земли пятерых. Тех, кто выдержал все испытания стойко, сохранил трезвость ума, не смотря на обрушившиеся на народ беды. — Полки моего подсознания пестрили миллионами книг — разорванных, без обложек, без авторов, только с кучей разрозненных слов. Они не могли быть расставлены в алфавитном порядке, они не могли быть расставлены по тематике. Мои мысли пребывали в агонии.

Чужак — Капитан Алактион? Он должен был привезти нас в Аламейк? Мария виновата во всём том, что случилось с нами? Я больше не могу это слушать!

— То есть, вы хотите сказать, что именно по вашей вине Спрут и Мастер остались покалеченными, наш урожай погиб и при всём при этом свершилось пророчество? Подождите... — Я заходила взад-вперёд по ковру, раскладывая обрывки страниц по полкам. — А было ли вообще это пророчество? Или это вы так посмеялись над нами?

— В наших планах было устроить проверку поселенцам, да. Но не такими ужасными способами. Кто-то среди ваших жителей знает про Аламейк, семья Гал, Прим. Кто-то приложил руку к этим ужасным случаям, скорее всего, стоворившись с кем-то из нас... Именно поэтому нам пришлось призвать вас намного раньше. Всё зашло слишком далеко...

— Вы хотите сказать, среди нас есть предатель? Кто-то подстроил все эти напасти? — Вступил в разговор отец.

— Да. Изначально мы планировали повалить несколько самых толстых деревьев. Они бы загородили проезд из леса к поселению. Самый находчивый бы придумал, как быстро их переместить. Никто бы не пострадал! А эта страшилка про падальщиков? Когда мы увидели, как собака Мастера напала на хозяина, мы тут же поняли, что что-то не ладно. Собаке належало нечаянно разбить фонарь и тем самым поджечь сарай с припасами. Но вместо этого... А история с урожаем? Мы не планировали морить жителей голодом! Всё это — тщательно спланированные атаки! Мы хотели населить землю полезными насекомыми, чтобы проверить смекалку. Кто первым догадается, что они помогают вам восстановить урожай? Что их не надо травить? Но кто-то перепутал все карты. Я боюсь, что предатель среди нас может испортить и другие поселения, не везде будут такие бравые Хранители, как вы.

— Допустим. Допустим, кто-то в сговоре с вашим человеком. Но как он вообще узнал про Аламейк?

— Очень легко. Пробрался к вам, поговорил, пообещал хорошую жизнь за границей... Это должен быть тот, кто страстно желает покинуть свой дом.

— У нас почти вся молодежь, так или иначе, думает об этом! — Ответил Прим.

— У этого человека, скорее всего, за последнее время сильно поменялось поведение. Подумайте, кто это может быть.

— А разве вам не видно всё в своих больших телевидениях?

— Ты имел в виду, телевизорах, Тигра? К сожалению, предатель с нашей стороны обращается с оборудованием очень хорошо. Мы бы так и не поняли, что что-то не в порядке, если бы не два несчастных случая подряд.

— А кто такие хранители? Почему мы ими будем? Что есть за этим зданием? У вас есть море и бананы? И что за вещи хранятся у нас в музее и дома, они ваши? Мы храним их, да? Это вещи ваших предков? — Мария тихонько засмеялась, подошла к Тигре и погладила его по растрепавшимся волосам.

— Теперь я точно уверена, что вы — настоящие Хранители. Ты задал самые правильные вопросы! Отвечу на все, но немного в другом порядке. У нас есть и море, и бананы. И всё это совсем скоро будет твоим. За этим зданием есть всё и ничего. За каждым зданием есть всё и ничего, и Аламейк — не исключение. Вы храните у себя в домах почти и не вещи, лишь обломки будущих воспоминаний. Всё о чём вы когда-либо читали, что вы когда-либо видели в музее — это не вещи ваших предков, оставленные после гибели мира. Это то, чему ещё предстоит свершиться. Ничего из этого ещё не было. Ни один из авторов не написал своих творений, никто не придумал батарейки, шторы или джинсовую ткань, из которой можно сделать куртку. Вам предстоит хранить историю Земли, следить за тем, чтобы всё происходило в запланированном порядке. Чтобы никогда не случилось того, что произошло с вашими близкими.

Это будет нелегко. Вы проживёте долгие, полные приключений жизни. Вам предстоит научиться многому, но главное у вас уже есть — ваша человечность, эмпатия, ум. Вы будете жить ровно столько, сколько уготовано жить человечеству на этой планете по меркам их времени. Я понимаю, что вы, должно быть, ошарашены. Именно поэтому, я ... я даю вам право выбора.

— Что это за право такое?

— Это Тигра, большая ответственность. Теперь у каждого из вас есть два пути. Вы можете вернуться домой, найти предателя, и прожить тихую размеренную жизнь в поселении, зная всё, что я только что вам рассказала. Или же, вы можете вернуться домой, найти предателя и стать Хранителями, навсегда покинув свой дом, но обретя новый. Решать только вам.

На меня обрушили водопад с холодной водой, и я, захлёбываясь, словно подстреленная птичка, тонула в потоке невнятных речей и таинственных образов, отрываясь от какой-либо из реальностей. Я понимала всё, что говорила Мария, но каждый лист каждого ещё не написанного произведения на моих разломанных в щепки полках размок, нечитабельные буквы опустились на самое дно моего подсознания и, крепко обмотанные тиной и водорослями, упокоились там, рядом с забытым сундуком сокровищ еще не родившегося пирата.

Да, мы на самом деле — животные в клетках зоопарка. Пусть нас и создали ради какой-то мнимой «великой» цели, мне наплевать. Я помогу этим лжецам вычислить вредителя, и пусть он, так рьяно жаждущий выбраться за пределы поселения, становится Хранителем вместо меня. Я проведу тихую жизнь в брезентовой хижине бабушки и дедушки и унесу свои знания с собой в могилу.

— У вас, вероятно, сейчас ещё больше вопросов, чем было в начале. Отдохните, мы подготовили для вас комнаты. И обязательно поешьте. Завтра мы обсудим дальнейшие действия.

— Да, у меня вопросов уйма. И просто так вы от нас не уйдёте. Сон и еда, это, конечно, хорошо. Только меня беспокоят несостыковки. Почему мы должны вам верить? Может быть, это вы всё подстроили, а это очередная проверка? Сможем ли мы заложить кого-то из своих? — Прим был очень серьёзен, но Капитан Тион тихонько засмеялся.

— Вы можете нам не верить, Прим. Вы и не должны нам верить. Мария всё вернс сказала: выбор за вами.

— А мне можно бананы на ужин, мам? Можно? — Канючил младший брат.

Я ещё раз оглядела комнату — сцену театра абсурда. Даже самая настоящая актриса Риила в лохмотьях стояла в углу комнаты, как глупая неотёсанная декорация. На Капитана Тиона я принципиально не смотрела. Через пару дней я вернусь домой и забуду о нём, об этом месте, об услышанных ранее глупостях.

— Многое можно поставить под сомнение. Но на разных языках во многих народах эта мудрость несёт один смысл: «Утро вечера мудренее». Я провожу вас.

Мария так же, как и Нелла приложила руку к стене и открыла дверь. Нам, как порядочному стаду в незнакомом месте, оставалось только следовать за ней. Мы шли по бесконечной комнате с мириадами кабин и экранов, сотни людей сновали мимо нас, но я смотрела только себе под ноги, на свои пыльные башмаки. Наконец, Мария остановилась, все мы встали на прямоугольник, будто очерченный мелом на деревянном полу. В ту секунду мне подумалось, что нас задумали прикончить прямо там, у всех на глазах. *Finita la kommedia*. Или трагедия, в нашем случае.

Но рядом с нами стояла Мария. Конечно, нам ничего не грозило.

Нас оторвало от пола вместе с деревянной напольной плитой, и это был третий момент, когда я встретилась с необъяснимым. Плита плыла в воздухе, отдаляясь всё дальше от земли. Перед глазами мелькали похожие на нижний этажи, пять, десять, пятнадцать... Когда я уже

сбилась со счёта, плита остановилась и встала в пазы в полу. Перед нами предстал широкий коридор, выполненный в синих тонах. Приятные синие стены, а по бокам — массивные распашные двери из тёмного дерева.

— Выбирайте любые комнаты. Они все свободны. Еду вы сможете заказать прямо оттуда, не стесняйтесь говорить с виртуальным помощником. Доброго сна. — Сказала Мария и «уплыла» вниз таким же образом, как и мы ранее добирались на этот этаж. Я уже мысленно пересилила себя и согласилась принимать все причуды Аламейка, но появившаяся на месте исчезнувшей плиты заплатка несколько смутила меня. Пол выглядел точно так же — целым, искусно выполненным, не тронутым.

Я тут же подумала, а не будут ли они следить за нами в этих комнатах, как они следили за всеми нашими жизнями ранее? Ужасные мысли посетили меня, мерзкие картины предстали в усталом воображении: что они видели?

— Мамочка, можно я посплю в комнате с Теей? Я не буду мешать, правда-правда. — Мама посмотрела на отца, прекрасно зная, что он лучше справится с сыном в такой ситуации.

— Сынок, я думаю, Тее и маме — им обоим нужен хороший отдых. Мы отдохнём, поедим бананов, а перед сном сестра тебя проведает. Да, Ти? — Я кивнула в ответ. Казалось, что важнее всего сейчас для брата — попробовать доселе невиданное лакомство. Хотела бы и я, чтобы для меня всё было так просто.

Первым двери в выбранную комнату распахнул Прим. Его лицо выражало полнейшее недоумение, но в течение минуты сменилось на воплощающее неприкрытый восторг.

— Поверить не могу! О таком я даже не читал! Будто комната читает мои мысли, самые сокровенные желания! Смотрите же!

Я подошла к входу в помещение подарившее моему скептическому другу столько радости. Размеры комнаты, предметы, мебель, даже вид за окнами менялись, словно в буйном танце. Большая кровать в версальском стиле, а вот уже и богемная софа, гамак, греческие вазы, бассейн прямо по середине; комнату то вытягивало, то вновь сжимало, вместо узорчатых обоев с позолотой стены украшали надписи с формулами и вычислениями... Но это всё померкло в сравнении с итоговым видом, заставившим Прима перешагнуть через порог и в глубоком транс упасть на колени. Перед моими глазами предстало чистейшее горное озеро, окружённое всевозможными цветами и растениями, заботливо огороженное остроконечными великанами со снежными шапками. Недалеко примостились удобный широкий гамак, кресло и маленький кофейный столик.

— Прим, ты в порядке? Это какая-то чёрная магия, не иначе! — Воскликнул отец.

— Нет. Нет, отец Гал. — Ответил друг, поднимаясь с луга. — Это чудеса науки! Комната изменилась точно так, как этого желал я. Сам того не зная. Я всю жизнь мечтал увидеть горы, я мечтал жить в горах. Мне всё равно, что это, Теа. — Друг обратил на меня свои несколько безумные глаза. — Я знаю теперь, что такое правда. Вот она — посмотри! Сколько ещё я могу узнать, сколькому они могут меня научить! Я... Я остаюсь, Алатея. Я слишком жаден до знаний. Теперь мне кажется, что я был таким глупцом! Всю свою жизнь я жил в тумане, в невежестве, в неведении. И вам, дорогая семья Гал, советую присоединиться ко мне. Нет, нет, я вас прошу. Вместе мы свернём горы! Горы! Ха! — Друг разразился каким-то беспокойным и нездоровым смехом, чем сильно напугал Тигру. — Спокойной ночи! Горы! Ха! Ха! — Не прекращая смеяться, он зашёл внутрь и захлопнул за собой двери.

— Прим что, сошёл с ума? С катушек слетел? Головой ударился? Да?

— Прекрати, Тигра. Прим, должно быть устал, как и все мы. Иди лучше выбери нам комнату, как тебе эта? — Отец указал на дверь, расположенную напротив двери Прима.

— Эта так эта. Открываю. — Комната Тигры и Отца, билась в конвульсиях, напоминая пластилиновые мультфильмы. В строгом интерьере с преобладанием тёплых оттенков, ковров, нескольких каминов и звериных трофеев то и дело появлялись игрушечные животные, банки со сладостями и даже небольшие самолёты, точь-в-точь списанные с картинок в «Маленьком Принце». Но апогеем всего стал, конечно же, появившийся из ниоткуда пёс. Лабрадор.

— Теа! Теа, это же лабрадор! Самый настоящий! — Тигра вбежал в комнату и стал гладить дружелюбную собаку, обнимать её, пока не заметил на каминной полке большую вазу с фруктами. — Жёлтые и вытянутые. ЭТО БАНАНЫ?!

— Дорогая. Дочка. Идите, отдохайте. Мне нужно следить за сорванцом. Я всё же не совсем доверяю этим комнатам так, как Прим. Будьте начеку. Заходите перед сном, Тигра будет вас ждать, если, конечно, не набегается и не уснёт прямо на полу. — Отец поцеловал маму в щёку, крепко обняв её за плечи. Я и не думала о том, как им даётся принятие этого места и новой информации. Они были хорошими людьми, вели порядочный образ жизни, но никогда не были заинтересованы в науке, не были завсегдатаями библиотеки. Или я их недооценивала?

Мама погладила меня по щеке и, не ожидая, пока её комната примет какую-то форму распахнула следующую от Прима дверь.

— Что ты думаешь, Ти? А? Страшное это место, жуть нагоняет.

— Я... Я не хочу здесь оставаться. Хочу скорее вернуться домой. А ты? — Отец сморщил лоб и обратил взгляд вглубь комнаты, туда, где Тигра пытался дотянуться до вазы с фруктами.

— И я не хочу. Но, возможно, после увиденного, Тигра не захочет обратно в поселение. Одно эта Мария сказала верно: утро вечера мудренее. — Отец поцеловал меня в лоб и поспешил помочь брату встретиться с мечтой.

Я осталась в мистическом устрашающем коридоре совсем одна. Самая первая дверь от плиты в левом ряду, я уже знала, что выберу её. Но в жилах буквально стыла кровь от одного осознания, что кто-то будет копаться в моей голове, кто-то узнает о моих самых сокровенных желаниях... Кто этот «кто-то»?

Я слотнула слюну и вспомнила самое яркое описание интерьера — гостиной в замке Мистера Рочестера. «...это была просто нарядная гостиная с будуаром; там и тут лежали белые ковры, на которых, брошены были гирлянды ярких цветов; белоснежный потолок, украшенный лепными виноградными гроздьями, прекрасно гармонировал с пунцовыми диванами и оттоманками; на камине бледного паросского мрамора стояли сверкающие хрустальные вазы цвета темного рубина, а большие зеркала между окнами отражали это ослепительное сочетание снега и пламени». И пусть тогда я не знала значений многих слов, это впечатление отложило очень сильный отпечаток на комнату, я резким движением распахнула двери и вошла в уже не меняющуюся спальню. Тёмный пол почти весь был устлан мягчайшими белыми коврами, периметр потолка был оздоблен лепниной в форме цветов. Около большого панорамного окна с необыкновенно чистыми рамой и стеклами расположилась огромная кровать с основанием из светлого дерева. Справа примостился небольшой дамский столик с зеркалом, а на прилежащей стене слева — самый настоящий камин, скорее всего, из бледного паросского мрамора.

Невозможно было поверить в то, что комната меня знает, но когда я увидела вдалеке за окном песчаный пляж, а открыв окно, в первый в жизни раз услышала шум волн, моё сердце заколотилось в тысячу раз быстрее.

— Неужели это и правда происходит со мной? Мне, должно быть, чудится! Я грежу! Сейчас я закрою глаза, а когда открою — всё это испарится!

Но ничего не исчезло. Я всё так же стояла у изголовья кровати и смотрела на бушующие воды неизвестного мне водоёма.

— Это и правда происходит с вами. Вам не чудится. Вы уже выбрали, что хотели бы съесть на ужин?

Доносящийся сразу отовсюду голос застал меня врасплох. Я оглядела всю комнату, посмотрела даже под кроватью — я была в комнате одна. Мне стало не по себе: если раньше я и знать не знала, что за мной кто-то следит двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, то теперь я относилась ко всему иначе. Но чтобы кто-то действительно физически наблюдал за мной?! Какое наплевательское отношение!

— Вы кто? Вы где? Прекратите со мной шутить!

— Извините, Алатея. Я не представилась. Я — Ваш виртуальный помощник. Можете называть меня, как хотите. Я — везде и нигде. Ещё раз прошу прощения за вторжение.

— Ви... виртуальный помощник? — Тут я вспомнила, что Мария о нём упоминала. Это был самый настоящий женский голос, приятный и мелодичный. Он напомнил мне голос Флоры...

— Да. Я вас не вижу, так что можете быть спокойны. У меня и глаз-то нет! Извините, с юмором у меня ещё не все идеально. Я могу ответить на любые ваши вопросы и выполнить любую вашу просьбу.

— То есть вы можете принести мне... кусок торта? — Знаю, что это было совершенно глупой просьбой, но о тортах я раньше только читала в кулинарных книгах. С картинками. Кошунственное чтение.

— Конечно. Какой торт вы бы хотели попробовать? — Я стала вспоминать названия всей выпечки из той самой кулинарной книги, но по мере загибания пальцев, я увидела, насколько грязны мои ногти. Даже и думать нельзя, что можно ужинать с такими грязными руками!

— Вообще-то... Для начала я бы хотела принять ванну.

— Конечно! Проходите в комнату с левой стороны. — Ответила Помощница, и на пустой ранее стене самым настоящим образом замигала резная дверь, идеально вписывающаяся в интерьер помещения. То, пропадая, то снова появляясь, дверь будто решала, нужно ли ей это, правильный ли это адрес? Она колебалась точно так же, как и я, не ведая, что делать дальше, желая забыть о случившемся, как об идиотском одноразовом сне.

Огромная ванная комната со светлой плиткой заставила меня удивиться вслух. Настоящая ванная — не какой-то металлический таз, ванная на посеребрённых ножках, да ещё и такая высокая, на постаменте с настоящими ступенями. В воздухе витал успокаивающий цветочный аромат, и я поймала себя на мысли, что не все сны относятся к кошмарам. Есть среди них и приятные.

Я сложила грязную одежду на круглый пуф, обитый бордовым бархатом и поспешила погрузиться в молочного цвета воду — рецепт красоты из Древнего Египта, от самой Клеопатры. Или же, нет? Ведь Клеопатры ещё не было? Древнего Египта тоже, следовательно — и рецепта. Наполнившие воду красные лепестки словно выполняли приказ

сверху — запретить мне думать о всём, что связано с Хранителями. Но разве можно было не думать? Как же мне теперь верить в то, что существует здесь и сейчас, если нет никакого здесь и сейчас? Даже Помощница сказала, что она — везде и нигде. Ну не странно ли это?

Прежде я никогда не принимала таких ванн, только будучи ребёнком, пока влезала в таз, отмеряющий максимальное количество воды, отведённое на человека. Теперь же, поглотив меня полностью, влага подарила мне блаженные объятия, прошептав «Я чувствую твою усталость. Отдай её мне».

Когда я опустилась ниже отметки воды, хлебнула немного и закашлялась, то поняла, что продремала уже какое-то время. По периметру ванны на маленьких этажерках стояли различные флакончики, щётки, лежали полотенца. Я помыла волосы, тело, почистила зубы и обратила внимание на небольшую щёточку с прозрачной рукояткой. Грязь под ногтями так и не отмылась, и я принялась тереть пальцы рук так сильно, что меня остановила только окрасившая молочную воду капелька крови. Я вздрогнула, подумала о заживляющей мази и бинте и попросила Помощницу принести их в ванную. Маленькая аптечка появилась на одной из этажерок, и, скоро, от всех моих ран на теле не осталось и следа. Я обильно смазывала их какой-то мазью без цвета и запаха в круглой баночке с крышкой, оставляя их в прошлом, если таковое существует, забывая все несчастные случаи, стирая из жизни прошедшую неделю.

Высушившись, я осмотрела свою старую грязную одежду — чудесным образом постиранную и высушенную, если не новую. Штаны, бельё, футболка, башмаки. Не попросить ли мне у комнаты вернуть мою джинсовую куртку, поспешно оставленную на полу библиотеки? Оставь её, Теа. По возвращении домой сожги её, чтобы тебе ничего не напоминало об этих ужасных днях.

Что если родители действительно решат остаться с Тигрой в Аламейке? Отправятся на загадочную планету Земля и станут Хранителями времени и пространства? А я, одна, вернусь домой, чтобы влечить жалкое существование. Ты просто букет из противоречий, Алатея!

Я надела чистое бельё и сложенный рядом спальный комплект бежевого цвета из чистого шёлка. Всё, что мне требовалось — это лёгкий ужин, разговор с братом и крепкий долгий сон. Признаться, я ведь совсем не спала последнее время. Кажется, я могу так проспать до завтрашнего вечера. А ведь по нашим временным меркам сейчас должно быть около десяти часов утра.

Зайдя в комнату, я поблагодарила Помощницу за ассистирование в ванной. На небольшом столике-тележке, приставленном к кровати, красовались пять совсем маленьких кусочков разных тортов и чайная пара.

— Вы не хотели объедаться перед сном, но также желали искушать торта. Я подобрала для вас пять наиболее знаменитых в галактиках видов выпечки, а также ваш любимый ромашковый чай. Приятного аппетита.

Я осмотрела блюдо с тортами и узнала каждый из них. Первый, конечно же, высокий и влажный шоколадный торт. За ним красовался присыпанный сахарной пудрой яблочный штрудель. Следующим был десерт из слоёного теста с нежным кремом. Потом — трехцветный пуддинг-мусс. Завершал мой ужин голубой творожно-сырный пирог, украшенный маленькими тёмно-зелёными ягодами со вкусом сразу нескольких фруктов — ягоды из Ледяной Галактики.

Я не была такой удовлетворённой уже очень давно. Интересно, Тигре понравились

бананы? Когда я приступила к дегустации последнего торта, в дверь комнаты вдруг постучали. Я подумала, что наверняка отец с Тигрой пришли пожелать доброго сна в этом дивном месте со сместившимся временем. И сказала «Войдите». Никак не ожидая, что он дерзнёт прийти ко мне.

— Привет, Алатея. — При виде Чужака, я чуть не поперхнулась чаем, но вовремя взяла себя в руки и более или менее прилично села — по-турецки.

— Здравствуйте, Капитан Алактион. Не ожидала увидеть вас здесь. — Чужак завёл руки за спину, закусил губу и улыбнулся.

— К чему эти формальности? Мы же хорошо общались.

— Я хорошо общалась с Чужаком, с парнем из пророчества, потерявшим память. А Капитана Алактиона сегодня увидела в первый раз.

— Я всё тот же парень из пророчества, Теа! — Он произнёс моё имя точно так же, как это делал Тигра. Какую игру он затеял? — Пускай, я и знаю теперь больше, чем он.

— Хорошо, капитан. Тогда вы будете не против, если я задам парочку вопросов? Может быть, даже десяток.

— Конечно! Конечно, спрашивай!

— Помощница...Кхм... — Замялась я и допила залпом остатки ромашкового чая. — Сооруди какой-нибудь стул, пожалуйста.

И вместо заказанного стула чуть поодаль от моего обеденного столика материализовалось самое настоящее богемное кресло на массивных отполированных деревянных ножках, обивка которого была сшита из красных лоскутов с вариациями восточных орнаментов.

— Спасибо. — Промолвил Чужак и ещё долго выбирал удобную позу.

— Это всё правда? Что сказала Мария? Про Хранителей, про то, что за нами следили?

— Да. Это всё правда. Но мы следим за поселенцами не всегда. Если тебя это пугает. Мы же не изверги какие-то. У каждого человека должно быть личное пространство. — Я ухмыльнулась.

— И на том спасибо! Ты знал меня раньше? Следил за мной?

— Только с тех пор, как в вашем поселении начались несчастные случаи.

— А сколько таких поселений всего?

— Тысячи. — Без колебаний ответил Чужак.

— Тысячи?! Какой кошмар!

— А что в этом плохого? Мы выбираем защитников порядка на землях. Это всегда было и будет почётным титулом. Во всех галактиках. Ты-то сама, остаёшься? — Не без надежды в голосе спросил он.

— Вот ещё! Найду паршивую овцу и ухажу из Аламейка. Прим вот, решил остаться и грызть гранит науки. Родители тоже ещё думают, всё может испортить безмерная тяга Тигры к неизвестному. А мне здесь делать нечего.

— Вот оно что. Ты правда сможешь уйти, зная всё? Зная правду?

— Я не ждала, что кто-то возложит на меня такую ответственность. Что люди здесь живут так же, как и мы. Почётный титул? Нет, спасибо.

— Я думал, ты другая, Теа. Ты ведь другая, верно?

— Ты совсем меня не знаешь, Чужак! — Вспылила я. — А я не знаю тебя! Что ты за капитан? Чем командуешь? Что за странные символы у тебя на голове? А? Отвечай! — Я ожидала, что испугаю его не меньше, чем саму себя, но он только вальяжнее уселся в кресле

и приготовился к ответам.

— Хорошо, ладно. Давай узнаем друг друга, а уже потом ты будешь решать — оставаться тебе или нет. Я — капитан Хранителей одной из галактик. Она гораздо больше той, в которую Мария хочет отправить вас. Я слежу за тем, чтобы у них получалось хранить время и пространство. Когда-то, около трёх временных отрезков для обычного человека назад я был таким же поселенцем, как и ты. У меня была семья, у меня был старший брат, племянники... Я был искусным охотником, мастерски стрелял из лука. Но незадолго до моего двадцать четвёртого дня рождения в поселении начались ужасные пожары. Никто не мог найти источник возгорания, горело всё — лес, поля, дома, запасы. Я старался помочь спасти как можно больше людей, ведь очень скоро огонь стал безжалостным, а большинство источников воды оказались опустошены. У нас не было никакого пророчества, у нас была самая настоящая эвакуация. Среди спасшихся были и Манрод, Ириада и Ноя — друзья моего брата. Я... я не смог спасти свою семью, Теа. Только маленькую племянницу, ставшую впоследствии Хранителем. Всех выживших приютили в Аламейке, нашли им работу, ведь виновником пожаров оказался заведующий поселениями ранее... Его имя тебе знать необязательно. Я помог поймать нарушителя и отправить в тюрьму, за что мне и был предложен статус капитана после долгого испытательного срока. Этот безумец желал найти самых стойких и отважных, тех, кто мог бы выбраться из пожара, поступившись всеми человеческими принципами! Но теперь — это лишь история, и я рад, что в твоём доме так далеко не зашло. — Чужак откашлялся и попросил у меня кружку с чаем, чтобы промочить горло. Помощница тут же "наполнила" чайник и "подала" ещё одну кружку.

— Тоже люблю ромашку. Спасибо. Ну, так вот. О символах на моей голове. После прохождения испытательного срока я дал клятву перед Всемиральными судьями и стал капитаном. Мне оставалось только получить особый дар — знак Орея. Видишь, тут треугольники сменяются линиями, они пересекаются в одной точке — центре всех галактик. — Чужак наклонил голову, и я подумала, что знаки на его голове по цвету похожи на ещё не испробованный мной торт. — Нет ни одного похожего знака, у каждого Капитана они разные. Голубоватое свечение знаку даёт специальная жидкость, использованная при нанесении... Это, своего рода клеймо. Ха! Так и есть. Иногда, в экстренных ситуациях эта метка даёт мне большую силу, больше, чем у обычного человека. Но есть у неё и другая сторона. Упомянутый мной ранее капитан отказался носить метку, так как был титулован по праву рождения. Он происходил из династии первых хранителей. Но после этого случая, метку обязан был получить каждый капитан, ведь в случае злоупотребления положением или использования его для причинения вреда людям, метка вправе уничтожить её носителя. Вот, в общем-то, и всё. Ещё вопросы?

Я не знала, что можно ответить после такой исповеди. Чужак и правда был поселенцем? Он и правда потерял свою семью в такой ужасной трагедии? Казалось, он говорит совершенно откровенно, как и тогда ночью, в библиотеке.

— Мне... мне очень жаль твою семью.

— Ничего. Это старая история. Я с тех пор переродился, как минимум пять раз. — Чужак улыбнулся, но я шутку не поняла.

— Местный юмор... Ничего, ты к нему привыкнешь.

— Или нет. — Тихо добавила я.

— Или нет. — Вздохнул Чужак.

— Спасибо, что поделился своей историей. Мою ты знаешь.

— Слушай, я ни в коем случае не хочу давить на тебя. Просто знай, что у тебя есть выбор. И что тебе здесь всегда будут рады. — Чужак в который раз решил воспользоваться своим оружием — пристально посмотрел в мои глаза своими драгоценными камнями цвета неба.

— Да. — Только и вымолвила я. И сразу же отвела взгляд. — Мне нужно проведать брата, уверена, ему есть, что мне рассказать.

— Да-да, конечно. Я пойду. До завтра, Теа. — У самой двери Чужак обернулся и раскрыл рот, точно хотел что-то добавить, но внезапно поджал губы, улыбнулся и вышел.

Мне не хотелось думать о его бедах, «старая история», как он сам сказал. Сейчас мне надо было разобраться с моей собственной бедой — бедой моего народа.

Тигра, наряженный в спальный костюм с нарисованными на ткани бананами, лежал у отца на коленях и доставал уже дремлющего бедолагу своими бесконечными вопросами.

— А, может быть, назовём его Собачкой? Как Овечку? Продолжим традицию. Или это совсем? Бедная Овечка. Когда мы пойдём искать предателя, я заберу её с собой. Знаешь, пап, я даже попрошу для неё специальный овечий поводырь.

— Поводок, Тигра. Иди сюда. — Поправила я брата, подошла к дивану, положила ноги отца на спальное место и накрыла его пледом. После чего уселась поближе к камину, приобняла мальчика и оглядела комнату. Вот оно какое — убежище моего отца. Окна плотно зашторены, не то, что у меня — обилие света. Сюда отлично вписалась детская кровать в виде самолётка.

— Как тебе бананы?

— Попробуй, Теа! Я буду их есть теперь всю жизнь! Очень вкусно, сладко, и, наверняка, полезно! — Мальчик дотянулся до самой ближней вазы, надкусил шкурку банана, открыл его и протянул мне. Я не знала, каким мне покажется вкус фрукта после четырёх кусочков самого настоящего глюкозного безумства. Но мне тоже понравились бананы. Не слишком сладко, мягко и сытно. Больше я не съем ничего такого. А, жаль.

— Погладишь Собачку? Он замечательный. Очень мягкий. И цвет у него кремовый. Королевский!

— И правда, очень мягкий. Что ты скажешь насчёт всего этого Тигра? Твоё мнение?

— Насчёт Алаштуки и дома в тысячу этажей? Ты же видела, сколько тут этажей?! Я сбился со счёта на сто втором. Наверное. А вообще, это, конечно, потрясное место. Я только не совсем понял, что мы должны охранять, но если мне за это будут давать бананы и возить на море, то я только за! А ты? — Я посмотрела на потрескивающее в камине пламя, гипнотизирующее своей теплотой и одинаково, нагоняющее страх и вспомнила рассказ Чужака. Кто я такая, чтобы забирать у брата мечты о лучшей жизни? Он — не я.

— Я тоже за, Тигра. Тоже за.

Уложив брата спать, точнее отправив его в полёт на личном комфортабельном самолёте, я ещё раз погладила выглядящую настоящей собаку и отправилась спать сама. Несчастный кусочек от кусочка голубого торта так и остался нетронутым, поэтому я, разозлившись на саму себя, доела всё до последней крошки и отправилась спать. Я и представить себе не могла, что кровать может быть такой удобной, а постельное бельё — нежным и приятным на ощупь. Морской прибой и крики чаек убаюкивали, поэтому я очень быстро отправилась в царство снов, совершенно наплевав на всех тех, кто следил за моей жизнью раньше, следит за ней сейчас и будет следить по возвращении.

Мне очень не хотелось видеть какие-либо сны, но когда что-то бывало так, как мы

хотим, верно?

Я видела наше поселение — сплошь покрытое льдом. Я стала бесплотным духом, смотрела на заброшенные ярмарочные палатки, на утепляющихся одеялами людей. Урожай было не спасти, а с такой погодой и засеять нового представляется невозможным. Меня сковал холод, самый настоящий мороз, о котором ранее я знала только из тех же пресловутых книг. Лучше бы оно всё так и оставалось...Лучше бы...

Я проснулась, тяжело дыша, и попросила ёмкость с холодной водой и полотенце. Ополоснув лицо, я с сожалением осознала, что это не может быть сном во сне и всё, что приключилось со мной ранее, было самой настоящей правдой. Жаль мне не пять лет, и даже не десять, тогда бы я обрадовалась вкусной выпечке, собакам и морю под окном и согласилась стать, кем бы то ни было. Но мне было семнадцать лет, а это, если честно, худший возраст для принятия важных жизненных решений. И почему-то один из переломных моментов у большинства людей. Хотя бы тут я попадаю под определение «большинства»!

Мне в голову внезапно пришла хорошая мысль — попросить для Спрута и Мастера лекарства. А потом я снова заснула. На этот раз уже до утра.

Когда я проснулась уже во второй раз и ещё какое-то время провалялась в кровати, мне показалось, что прошло ни день и не два. Я почувствовала себя одинаково отдохнувшей, сбросившей с себя тяжеловесный груз десятилетий, и уставшей, будто после безостановочной работы в поле накануне.

— Доброе утро, Помощник.

— Доброе утро, Алатея.

— Сколько я спала?

— Вы спали шестнадцать часов. Сейчас — семь часов утра по земному времени.

— Прилично, надо бы вставать.

— Можете полежать ещё немного. Из членов вашего поселения проснулся только Прим.

— Ну да, Прим никогда особо не был соней. А ты откуда знаешь? Ты же сказала, что ни за кем не следишь?

— Всё верно. У меня нет глаз. Но это не значит, что у меня нет датчиков движения. Я просто собираю общую информацию.

— Слова-то какие мудрёные говоришь. Жуть.

— Чем будете завтракать?

— Хм. Хочу...вкусного хлеба. Разного. И всё, что можно положить на хлеб. Только немного, лучше потом добавки попросить.

— Конечно. Что будете пить?

— Хочу... хочу попробовать то, чего никогда не пила. Что у тебя есть на примете?

— Могу предложить вам кофе, какао, лунный напиток. Это то, что лучше всего пить на завтрак.

— Отлично. По пол кружки каждого напитка.

Встать с кровати меня заставил пьянящий запах свежееиспеченного хлеба и терпкий, бодрящий аромат доселе мне неизвестный. Аромат кофе.

— Ну вот! Попробовала, а теперь мне с этим жить! Вернусь домой и никаких изысков, конечно же. Знаю я вас, хитрюги. Задумали нас соблазнить.

Изобилие сыров, копчёной рыбы, мяса и закусок могло свести с ума даже самого искущённого гурмана, поэтому, как только я наелась, я попросила Помощницу оставить на столе только напитки. И кокосовую пасту. Потому что она мне понравилась больше всего.

Лунный напиток, казалось, проник в каждую клеточку моего тела. Он имел лёгкий цветочно-ягодно-древесный вкус, а цвет менял с каждым глотком.

— Помощник, а ты бы хотела попробовать лунный напиток?

— Было бы весьма неплохо, Алатея. Однако, у меня нет никаких вкусовых рецепторов, чтобы в полной мере оценить его вкус.

— Прости. Глупо было спрашивать такое... Кто-нибудь уже проснулся?

— Да. Сейчас ваш отец будет самого младшего члена семьи. Сожалею, но вам пора собираться.

Я умылась, почистила зубы, оделась и посмотрела на себя в зеркало. Я не выглядела измождённой, немного опухла после долгого сна, но в целом всё та же — Алатея Гал. Звучит смешно, но я на самом деле надеялась, что буду выглядеть иначе после того как прошла трансмиссию и очутилась в Аламейке. И что бы я поменяла в себе?

На меня, как и неделю назад, смотрела высокая и крепкая девушка, совершенно обычная и неприметная. С тусклыми и не пышными волосами, темно-кариими глазами, тонкими губами, прямым носом и четко очерченными бровями. Возможно, я бы поменяла цвет волос. Сделала их красными или изумрудными, а глаза — бирюзовыми, совсем как у Чужака. У меня бы были длинные вьющиеся волосы, и они бы красивыми локонами ниспадали на плечи. Мои губы были бы алыми, как клубничный джем и мне бы хотелось беспрестанно улыбаться.

Я вышла в коридор, последний раз окинув взглядом комнату своей мечты, и поймала звук последней уплывающей от меня волны.

— С добрым утром, дорогая! — Поприветствовала меня заметно похорошевшая мама. Усталость на её лице, как рукой сняло.

— Доброе утро, мам. Ты выглядишь просто замечательно!

— Заметно, да? Я вчера столько разных отваров попросила, даже не знала, что такие бывают! Помощник мне говорил, что помолодею лет на десять, но чтобы так! Чудеса!

— Чудеса, мамочка, большие чудеса! Папа мне не разрешил взять Собачку с собой. Можно, а?

— Нет, малыш, папа прав. Тут не место для собак. Вернёшься и поиграешь с ним.

— Очень жаль. — Грустно ответил брат и медленно прикрыл дверь в комнату. — А я хотел его ребятам показать, а то не поверят, если расскажу.

— Доброго всем утра! — Воскликнул радостный Прим. — Как вам спалось? Ну что за глупый вопрос, верно? Более качественного сна я в жизни не испытывал! Кстати, Тея, надо с тобой поговорить. Если вдруг тебя попросят вернуться и найти вредителя, не могла бы ты прихватить на обратном пути мою записную книжку? Она бы здесь очень пригодилась!

Отец всех нас повёл к спусковой плите — лифту. Он не хотел медлить в то утро, а я, наоборот, жаждала, чтобы время остановилось. Пока мы спускались, я дёрнула Прима за рукав и оттянула в самый угол платформы.

— Я не смогу принести тебе книжку.

— Что? Почему?

— Потому что я не собираюсь возвращаться. — Глаза друга округлились, будто я позволила себе какую-то грубость.

— Что?! Ты в своём уме? Хорошо себя чувствуешь?

— Тихо! Я никому не говорила о своём решении, Тигра думает, что я вернусь.

— После того, что ты услышала вчера, ты хочешь остаться в поселении? — Зашептал Прим. — Как так можно?!

— Эта жизнь не для меня. Никакой я не хранитель. Я всегда хотела тишины и покоя, а не вдаваться в подробности бреда о времени и пространстве.

— Теа, о, предки! Я так в тебе ошибался!

— Чего вы там шепчетесь, а, Прим? В чём ты ошибался? — Влез в разговор отец. Дру просверлил меня взглядом и отошёл от меня на приличное расстояние, будто я — заразный смертельно больной.

— Я ошибался много раз в выборе ужина! А потом решил, что очень хочу попробовать грибы. Да.

Если бы не моя семья, я бы рассвирепела и ударила Прима со всей силы! Почему ему так трудно принять моё решение? Даже Мария вчера сказала, что любой выбор будет правильным! Не могу же я жить по указке других людей!

На выходе с платформы нас встретила Нелла, в том же белом халате, что и вчера.

— Доброе утро! Надеюсь, вы хорошо отдохнули. Сейчас я провожу вас в конференц-зал. Только не пугайтесь, там будет несколько больше людей, чем вчера. — Отец только добродушно улыбнулся и закивал, а Тигра всё не унимался с расспросами о том, что такое «конференциал».

Нелла проводила нас в комнату, вход в которую представляли настоящие двери, а не загадочно испаряющийся кусок стены. Большие металлические двери с ручками-выемками в форме ладоней.

— Открываются только для начальства. — Пояснила Нелла. — У меня есть пропуск.

Я была зла на Прима, меня страшила неизвестность, а мысль о том, что через какое-то время мне навсегда придётся расстаться с семьёй доводила меня до истерики, но я не смела показывать всё это на людях. Надев маску безразличия, я, вслед за родителями, вошла в конференц-зал, оказавшийся внутри круглой светлой комнатой без единого угла.

В центре этой окружности парила широкая тонкая, почти пергаментная плита. Она словно бы состояла из бумаги и воздуха одновременно. Мария, не обращая на нас никакого внимания, что-то старательно выискивала в написанных там каракулях. Облокотившись на дальний фрагмент стены, скрестив руки на груди, стоял Капитан Тион. Он смотрел на меня совершенно пустым, грустным и одинаково озадаченным взглядом, словно бы просил прощения за что-то, чего не совершал. Еще пятеро незнакомых мне людей уже без белых халатов сидели на кожаных креслах около круглого пергамента. «Почти что рыцари круглого стола. Дешёвая версия» — подумала я и даже хихикнула, что заставило Марию обратить на нас внимание. Друзья Тиона тут также присутствовали.

— О! Извините! Совсем заработалась! Семья Гал, Прим. Ну, как? Вам понравились ваши комнаты? — С ехидцей в голосе спросила Мария.

— Спасибо, Мария. Нам всё очень понравилось. Вы весьма радушны. — Ответил отец так, как подобает Ответственному.

— Конечно, конечно! Всё для будущих Хранителей.

«Или нет» — подумала я.

«Или нет» — точно подумал Прим.

«Или нет» — наверняка подумал Чужак.

— К сожалению, у нас для вас не очень хорошие новости. Этой ночью кто-то украл из Информационных Покоев некоторые пароли и несколько...испортил систему. Другими словами, предатель с нашей стороны снова навлёк беду на ваше бедное поселение. Теперь ваши люди могут буквально погибнуть от холода.

В сказанное Марией сейчас было поверить труднее, чем в ахиною про Хранителей! Я же видела точно такой же сон! Какой кошмар!

— От холода? — Переспросила я, дабы рассеять сомнения.

— Всё верно. Температура в поселении достигла критической отметки. Самые отважные отправились на рубку дерева, но с вашими инструментами и в такой мороз можно отморозить все конечности! Нам срочно нужно отправлять кого-то внутрь.

— Конечно. — Отец подался вперёд и сделал вид, что нашёл что-то важное на пергаменте. — Я пойду.

— Извините, Мастер Гал. — С одного из кресел поднялся хорошо сложенный мужчина, голову которого уже покрыла седина. Однако, он был ещё крепок. Он протянул отцу руку, и

как подобает в нашем поселении, перевернул её ладонью вверх и подождал пока отец проведёт своей ладонью над его. Выражение глубочайшего уважения. — Капитан Сийт. Мы решили, что идти за преступником стоит тому, у кого на примете уже есть как минимум несколько подозреваемых. У вас таковые имеются? Вы всё-таки были приближенным к Ответственным.

Отец задумался, пожал плечами.

— Нужно подумать. Так сходу и не скажешь...Все у нас вели себя по-старому, даже в такие трудные времена. Может быть, это Велан?

— Ваша догадка весьма логична — отшельник, живущий в чаще леса. Но нет совершенно никаких доказательств, что это может быть он. Прим? У вас есть какие-то догадки? — Теперь обратились к остальным.

— Ну...у меня нет особых оснований полагать, что...

— Это может быть Флора. Флора Спрут. — Неожиданно для самой себя выпалила я.

— Прости, Алатея? — Переспросила Мария. — Ты имеешь ввиду молодую жену Спрута? — Я кивнула и прошла вперёд.

— Я знаю, что это звучит дико. Как это Флора могла навредить своему мужу? Но если ей обещали хорошую жизнь за гранью, и, конечно же, вылечить мужа, она могла согласиться. После свадьбы Флора стала вести очень затворнический образ жизни, мы ведь раньше дружили. Я её знаю. А перед началом всего этого кошмара она стала совсем не своя. И, очевидно, несчастный случай с её мужем был подстроен неспроста: так бы она отвела от себя все подозрения. А ещё тот факт, что Флора беременна. Как вы думаете, после того, как она узнала о жизни в Аламейке, она бы захотела остаться и растить своего ребёнка в жалкой глуши, или же показать ему всё то, что видели мы этой ночью и даже больше? — В голове крутились две мысли: «О, что я наделала?!» и «Какая же я молодец, что сочинила в уме такой монолог!». Осталось узнать, что об этом думают все эти капитаны и капитанши, но царящее в комнате молчание убивало всякую надежду на лучшее.

— По мне так отличная теория. У, которой, хотя бы, есть логическое обоснование. Что скажете? — Первым заговорил Капитан Тион.

— Я с вами согласна, Капитан. — Ответила Мария. — Если никто не против, чтобы за предателем отправилась Алатея, используйте Право Силенсии. — Все промолчали, и я поняла, что это за право. Мой отец хотел было что-то возразить, но не сумел, его перехватила какая-то женщина в ярко-зелёном корсетном платье.

— Хранитель Далайя. Я знаю, что вы скажете, мастер Гал. Но Алатея справится. В ней заложен большой потенциал. — «Ах, дудки! Знали бы вы лучше, какая я трусиха, не болтали бы так, Хранитель!».

— Совсем одна? Разве так можно?

— Не волнуйтесь. Мы придумаем хорошую историю, якобы она не помнит ничего о том месте, где была, о том, где осталась семья. Ей всего лишь нужно найти предателя и вывести его на чистую воду.

— Но ведь это может быть опасно! Предатель совершил такие ужасные вещи, он запросто может навредить и моей дочери!

— Я согласна с мужем. — Вступилась по обыкновению молчаливая мать. — Вы должны гарантировать нам безопасность Алатеи.

— А что, если её буду охранять я, а мам? Ну, мам? Пап? Мария? Можно, я? Можно? — Из всех сил выпрашивал Тигра. Молчание, прерывавшееся его нытьём, ужасно накаляло

обстановку, пока, в первый в моей жизни раз, мама не вышла из себя.

— Замолчи, Тигриус! — Прикрикнула мать и спрятала ребёнка за себя. Это означало крайнюю меру наказания.

— Мы обеспечим вашей дочери полную безопасность. Вместе с вами мы будем наблюдать за происходящим, и как только ей будет угрожать опасность, в поселение придёт отряд миропорядка. Но всё же, мы надеемся, что до этого не дойдёт.

Я больше не могла слушать всхлипы, доносящиеся из-за спины матери и поспешила всех успокоить.

— Мне не десять лет, мам. Я могу о себе позаботиться. Вы и глазом моргнуть не успеете, как я вернусь. — Соврала я.

— Когда надо выдвигаться? — Спросил Отец.

— Прямо сейчас. — Ответила Мария и перевела пергамент в вертикальную плоскость одним движением руки. — Сейчас вы можете наблюдать страдания своего народа. Простите, но мы не можем больше сидеть, сложа руки. — На тонком пергаментном экране я увидела свой ночной кошмар во всей красе. Меня пробрала дрожь, а во рту появился мерзкий металлический привкус от прикушенного языка. Неужели Флора смогла опуститься так низко? Я понимаю, что она хочет для себя и своих близких только лучшего, но мы всегда жили в равенстве. Неужели повторяется ситуация, как и три жизненных отрезка назад в поселении Тиона?

Я не позволю своему народу погибнуть.

— Сколько времени у меня есть? — Несколько дрожа, спросила я.

— Чем раньше ты найдёшь преступника, тем лучше. Но, судя по данным нашего информатора, температура достигнет максимально низкой отметки послезавтра в полночь. — Мария показала нам какие-то непонятные графики, вдаваться в подробности которых мне совершенно не хотелось.

— То есть, у меня есть два дня?

— Да, Алатея, у тебя есть два дня. Мы дадим тебе тёплую одежду, но такую, которую обычно носят у вас в поселении. Иначе могут возникнуть нежелательные вопросы. Если ты хочешь, мы можем ввести тебе сыворотку, регулирующую температуру тела. Она совершенно безвредна, но ты совсем не будешь ощущать холода. Она поможет тебе.

— Спасибо, не надо. А вот от одежды не откажусь. И ещё я бы попросила лекарства для больных — Мастера и Спрута. Всё-таки, в произошедшем не их вина. — «Я ни чем не отличаюсь от сопоселенцев. Я такой же человек, как и они. И если они страдают от холода, я разделю с ними эту участь». Мария решительно закивала, и я была очень рада сделать что-то по-настоящему правильное.

Как сомнамбула я прошла за делегацией из комнаты в одну из кабинок главного этажа, где на меня водрузили ещё одну футболку с длинным рукавом и горлышком, толстый жилет из овчины, шерстяные штаны, какую-то меховую куртку, меховые накладки на уши, несколько пар тёплых носков, грубые варежки и валяные сапоги. Мой внешний вид одновременно успокоил и рассмешил младшего брата, перед которым уже извинились и мать и отец.

— Я рада, что хотя бы тебе смешно, Тигра. Посмотри только! На кого я похожа!

— Ужасно, Теа, просто ужасно. Ты выглядишь, как вязаная капуста! Ха-ха! Ты хуже дедушки вынарядилась!

— Зато твоей сестре будет тепло, а это — самое главное.

— Да, пап, конечно. И наши люди не умрут от холода, потому что они умрут от смеха! — Разразился хохотом младший брат, и то ли его шутка, то ли звонкий смех, заставили всех вокруг рассмеяться — родителей, скупого на эмоции Прима, сурового седого Капитана, подозрительную Марию и постоянно немного грустного Чужака — Тиона.

— Запомни, Теа, тебе надо найти плохого человека, принести Приму книжку, а мне — Овечку. Запомнила?

— Да, так точно, мой командир! — Скандировала я и потрепала брата по голове.

— Тогда, не будем терять времени. Возьми эти два флакона. Во флаконе с бесцветной жидкостью — регенератор тканей для Мастера. Во флаконе с коричневой — регенератор тканей и костей для Спрута. Не перепутай, пожалуйста. Объясни, как они работают, лекарю. Нужно будет развести жидкость в тёплой воде и сделать на её основе компрессы. Через двенадцать часов раны должны зажить.

Алатея, в этот раз трансмиссия не будет такой тяжёлой. Скорее всего, ты даже ничего не почувствуешь. Мы откроем ворота всего на пару секунд, для того, чтобы войти. Кто желает, может проводить Алатею до ворот. — А желающими оказались все. Кроме Прима.

Я была уверена, что как только я вернусь в поселение, он всё расскажет моим родителям и Марии. Я тоже ошибалась в тебе, Прим. Я ошибочно полагала, что мы друзья.

Мы шли за Неллой той же дорогой, что и вчера. Только теперь в огромном сером ангаре не было ни одного грузовика — лишь серые стены, серый пол, серый потолок и толстый слой мутной плёнки, отгораживающий этот причудливый мир от моего — привычного. Родители то и дело подбадривали меня, конечно, не словами. Мама гладила и обнимала, отец гримасничал. Ох, как бы я хотела вернуть эти добрые безмолвные времена!

— Теа! Пока ты не ушла, я тебя сильно обниму и передам тебе всю-всю мою силу, хорошо?

— Хорошо, Тигра! Только всю-всю, ладно?

— Обещаю! — Ответил братик, и как только я присела на корточки всем своим существом вжался в окутавшие меня меха.

— Спасибо, малыш. Я стала намного сильнее! — Прошептала ему на ухо и чмокнула в макушку.

— Не скучайте без меня! — Попыталась пошутить я, и посмотрела на Марию, ожидая контрольной фразы.

— Ворота открыты! — Крикнула женщина и я, зажмурив глаза, аккуратно, начиная с ладони вошла в неизменные со стороны плёночные ворота. До меня долетели отголоски, обрывки криков, как мне показалось Марии, Неллы и Капитана. Я что, сделала что-то не так?

Всё же было хорошо!

Я надеялась, что сейчас трансмиссия пройдёт быстро и безболезненно, ведь прошлый раз показался мне самой настоящей вечностью. Я ошиблась — меня накрыла волна сильнейшего жара, мне казалось, что вся одежда на мне превратится в пепел, а я, словно птица-феникс смогу восстать. Но это продлилось совсем недолго. Потом я почувствовала всем своим естеством приятное забвение, спокойствие и настоящую гармонию. Мне было всё равно абсолютно на всё. Но и это ощущение было скоротечным. Вскоре меня поглотил жгучий холод, и именно так я поняла, что я почти дома. Пара секунд, и температура нормализовалась и я стала выбираться из вязкого, липкого мёда, как и когда заходила,

сначала высвобождая ладонь, потом руку, ногу, туловище и голову...

Резкий толчок морозного воздуха, ослепляющий белый свет... Это же лесная поляна! Я прокашлялась и решила осмотреться. Ведь раньше я никогда не видела снега! Какая девственная чистота, какая восхитительная холодная красота, какая...

— А-А-А! — Вскрикнула я, увидев перед собой Капитана Тиона. Парень стоял передо мной, корчась от холода в одной только футболке, короткой тканной курточке, узких штанах и чёрных сапогах на шнуровке. — Ты что, совсем обалдел?! Ты зачем за мной пошёл, а? Умереть захотелось?

— Алатея? Почему здесь так холодно? Мы в твоём поселении? — Казалось, Тион искренне не понимает, где находится.

— Этого мне ещё не хватало. Да, мы в поселении. У тебя опять память отшибло?

— Ты хочешь сказать, я уже что-то вспоминал? — В ответ на этот вопрос я только громко зарычала и топнула по хрустящему снегу.

— За что мне всё это? Что последнее ты помнишь?

— Как нас заставили сесть в грузовик. Мы ехали по вот этому лесу, все были очень напряжены, а потом... А потом я вышел вот тут в этом же лесу! Где грузовик? Где остальные? Почему мы вернулись обратно? Что на тебе надето?

— Ах, тебя, значит, волнует, что на мне надето? Забавно! Да ты весь дрожишь, Капитан. Держи, надень накладки на уши, у меня хотя бы волосы есть. И жилетку надень под куртку.

— С-с-с-пасибо, не стоило. — Ответил Тион, переодеваясь.

— Не хватало мне ещё твоей смерти на своём счету! Грузовик там, где ему и место, в Ала... Я не буду сейчас тебе всё пересказывать, какой смысл. Мы были ЗА границей весь вчерашний вечер и всю ночь. Теперь у меня есть задание. Точнее у нас, раз ты за мной увязался. Все беды в поселении были подстроены одним из жителей. И у нас есть время до завтра, до полуночи, чтобы найти виновного. В противном случае — все замёрзнут до смерти.

— Это что это за всемогущий поселенец, умеющий быть невидимкой, сводить с ума собак и выводить новые виды насекомых? Ах да, ещё температуру менять? Звучит, будто какое-то божество.

— Это скорее, командная работа. Не бери в голову. Если уж следуешь за мной, так следуй и помогай, без лишних вопросов. А вообще тебе лучше не высовываться. Отведу тебя домой и сяди там с Овечкой. А то проблем потом не оберусь! — Мою злостную тираду оборвал хруст треснувшей ветки. Кто-то рыскал поблизости, и я сразу толкнула Тиона за ближайший сугроб, приложив палец к губам. А вот и первый подозреваемый. Хорошо, что он не разговаривает с жителями.

— Сиди тут. Я пойду поговорю. — Тион взял меня за запястье и еле слышно прошептал «Будь осторожна».

"Да какая уж тут осторожность" — подумала я и тихонько выбралась из-за сугроба, будто я только что появилась из тумана.

— Ве...Велан? Это вы?

— Алатея? Алатея Гал? — Мужчина подошёл ближе и недоверчиво покосился взглядом.

— Велан, это, правда, вы? Где родители? Где Тигра? Где Прим? Вы их не видели?

— А должен был? Я не думал, что вы вернётесь так скоро. Признаться, я вообще не думал, что вы вернётесь.

— Я совершенно не знаю, как здесь оказалась. Последнее, что я помню, как нас

заставили сесть в грузовик. Мы ехали через наш лес, все были очень напряжены, а потом... А потом я вышла вот здесь. В этом же лесу! Только заснеженном... Где грузовик? Где остальные? Почему мы вернулись обратно? И что, во имя предков, на мне надето?!

— Бедная девочка, да ты в полном шоке! Давай же, я отведу тебя к очагу Ответственных, тебе надо согреться. — Пока я разыгрывала перед ничего не догадывающимся Веланом бедную ледышку в беспамятстве, я успела подмигнуть Тиону, и очень надеялась, что его капитанские качества возьмут верх, и он догадается пройти незамеченным к моему дому.

Мои ноги ужасным образом тонули в снежных насыпях, снег забился в неплотно прилегающие к икрам сапоги и сильно намочил шерсть внутри и снаружи. От мерзкого ощущения сводило скулы, и я не могла представить, как в такую непогоду может двигаться лекарь, в одной только накинутой поверх обычной одежды выдавшей вида шкуре.

Дорога, обычно не представляющая никакой опасности, и даже доставляющая мне самое настоящее удовольствие от встречи с густой растительностью и благоухающими цветами, сейчас показалась мне самой настоящей пыткой. Нос замёрз настолько, что я уже его не чувствовала, когда дотрагивалась варежкой. Я надеялась, что у Тиона хотя бы хорошее кровоснабжение, а не то с такой экипировкой далеко бы он не сдвинулся. «И это ведь не моя вина, что он отправился за мной в поселение?! Тоже мне, недоверчивый. Или его мама попросила пойти? Теперь уже никогда не узнаю. Зато он может отнести Приму книгу для записей, да и Овечку если что с собой взять. Хотя, может, она мне здесь нужнее?».

То, что раньше мы называли полями, было сплошь застелено белой гладью. На крыше дома сестёр Мороуз красовалось кристально белое ледяное одеяло, одинаково лелеющее дом, и зловеще отталкивающее всех желающих погреться у очага.

Велан с трудом открыл примёрзшую дверь и подтолкнул меня ко входу, конечно, быстро прикрыв её обратно, не давая холодному воздуху пробраться в уже тёплое помещение.

— Это что? Алатея Гал?! — Доносилось со всех сторон. «Соберись!» — повторяла я про себя. «Сейчас главное — это правдоподобно врать». Самым сложным было увидеть Брену и Скалу, которые сразу же начали меня обнимать и лить слёзы.

— О, предки, Ти, ты в порядке? Снимай же всё это, надо просушить! Моя бедная подруга. Где остальные? Почему ты вернулась? — Брена хлопотала обо мне как мама-медведица, и только когда я была раздета и усажена перед горячей печью, она немного успокоилась. Мне удалось впопыхах достать из карманов куртки флаконы с лекарствами и переложить их в карманы брюк. Нужно найти подходящий момент и сделать вид, что я не имею совершенно никакого понятия, как они там оказались.

Жители заполнили почти весь дом, и я впервые была рада тому, что сёстрам отвели такое большое жилище. Здесь смогло уместиться без преувеличения всё поселение. На кухонных столах во второй комнате поменьше я увидела лежащих всё ещё без сознания Спрута и Мастера. Хорошо, что и больных переместили в тепло. Я не видела только...

— А где мои старшие родители?

— Ну...это... — Начал Скала, но его перебила одна из сестёр, укутанная в стёганое покрывало.

— Мы за ними посылали. Но старики решили, что им нечего делать в тепле, поскольку их семью увезли за грань.

— Вы что, рассказали им? Можно же было не говорить! — Разозлилась я. — Старуха Мороуз сделала жалостливую мину.

— Не было у нас большого выбора посыльных, а те умом и тактом не отличались. Прости, Алатея. Мы оставили им побольше дров. — «Отлично, теперь у меня ещё меньше времени. Я же не могу позволить своим старикам замёрзнуть!». Облегчало положение лишь то, что почти все поселенцы сейчас находились в одном доме. Я надеялась, что так будет проще поговорить с Флорой и вывести её на чистую воду.

У огня я рассказала присутствующим ту же легенду, что и ранее Велану. Наши доверчивые суеверные жители сразу принялись охать и ахать, дали мне испить горячего травяного настоя.

— Но что нам делать с этой белой напастью? И не связано ли это как-то с тем, что вам удалось покинуть поселение? Вот бы знать, что с ними всё хорошо!

— Не мелите чепуху, Дилш. Конечно, с ними всё хорошо. Ведь они забрали моего умницу Прима, а он найдёт выход из совершенно любой ситуации! — Я с благодарностью посмотрела на маму Прима, взгляделась в лица каждого из сидящих рядом. Моя семья — мои люди. Я скучала по ним, будто не видела их долгие годы! В самый страшный момент для поселения они собрались все вместе, они не дадут друг другу упасть.

Но я пришла сюда не за тем, чтобы вглядываться в их лица, у меня для этого будет ещё пара-тройка десятилетий. Я вернулась, чтобы поговорить с Флорой.

Из цепких лап любителей сплетен и громких домыслов, меня вырвала Брена, сопровождавшая в ванную, чтобы «приободрить подругу», добавив, что «Скала тоже может пойти». В нетопленной ванной комнате было в разы холоднее, что даже изо рта вырывались облачка морозного воздуха.

Подруга обняла меня так крепко, что дышать мне стало ещё сложнее.

— Прости, пожалуйста, я просто так рада, что ты здесь! Когда вас заставили сесть в эту повозку, я билась в истерике несколько часов, Скала докажет. Это был самый жуткий момент в моей жизни! Да в жизни каждого поселенца! А малыш Тигра, ужас какой... Ты совсем-совсем ничего не помнишь? — Брена посмотрела на меня преисполненными волнения глазами, мне было жаль подругу, ведь она так искренне переживала за мою семью... Но я не могла сказать ей правду, сказать, что они в полном порядке. Брена просто не может держать язык за зубами, если не сегодня, то завтра кто-нибудь бы об этом узнал.

— Совсем... Я ужасно за них волнуюсь. Что же теперь делать? Когда кончится эта пурга? — Собрав в себе все зачатки актёрского дара, ответила я.

— Это ещё чего! Что ночью было! Началось всё с легкого морозца, мы тогда убираться пошли. Ну, ладно, всем вместе было не трудно. Потом пошли остатки урожая, не изъеденные, конечно, собирать. Моркови немного... А потом как повалят эти хлопья белые! А ветер! С ног валил! Страшно, никогда такого не видел. Мы его убираем, а он снова появляется, всё ему нипочём, снегу этому. Входы в жилища завалил, представляешь? Еле разгребли. Побежали за тёплой одеждой, за дровами... А животные совсем ошалели, я даже не знаю, как они это переживут. Одна только надежда, что закончится эта непогода раньше, чем наши припасы. — Скала тяжёло вздохнул и раздосадовано посмотрел в маленькое, разукрашенное морозным узором, окошко.

— Просто ужасно! Бедные люди, бедные мы... А как она себя ведёт? Пурга эта?

— Примерно раз в два часа сменяются метель и затишье. Тогда самые сильные выходят справиться о животных и немного расчистить дорогу. Ходил я недавно, а толку что? Другой раз пойдём, снова навалит, ещё пуще прежнего.

— Всё, что нам нужно, это немного веры! Правильно? Ведь главное, что мы с вами

вместе! — Приободрила подруга. — Кстати, Овечка в большом загоне со всеми овцами. Чтобы им было теплее. Пойдёмте, а то скоро нас хватятся. Ещё подумают, что мы какие шпионы. — Засмеялась Брена.

— А Флора здесь? Я видела в соседней комнатке Спрута. Хотела спросить, всё ли у них хорошо.

— А, да, она с мужем. Думаю, она очень обрадуется.

«Как бы ни так! Ведь она даже не вышла узнать, что там за шум, кто и откуда явился. Отведу её к себе домой, а там Тион мне поможет её разоблачить! Эх, но разве так можно себя вести с беременной женщиной? Я же не на самом деле какой-то шпион... Интересное Брена выбрала словечко, ведь я и правда отчасти шпион...».

В большой комнате люди заворожённо слушали пение Мелоди Ди, двигались в такт мелодии, словно бы на самом деле согреваясь от одних только слов:

*Солнце так близко, нас греет светило —
Каждый сезон, каждый день, каждый миг!
Даже взамен ничего не просило,
Солнечный дар непомерно велик!*

Я аккуратно прошмыгнула между сидящими на лавках жителями в соседнюю комнату, где помимо Флоры находились Велан и два лекаря женщины, в одно из них я узнала старушку Гирею. К счастью, у них не было проблем с чувством такта, и они, попросив меня последить за сном Мастера, присоединились к хору.

— Привет, Флора. — Девушка сидела на стуле, приставленном к столу, на котором лежал её обездвиженный муж, и гладила его по руке.

— А, Алатея. Здравствуй. Я слышала, что ты вернулась. Прости, что не вышла поприветствовать тебя. Просто... Не могу оставить его тут... Что, если он очнётся, а я не рядом? Понимаешь? — Флора посмотрела на меня глазами загнанного в капкан зверя. Её лицо было очень опухшим от пролитых слёз и нехватки сна. Разве может она быть предателем? Как я только могла подумать?!

— Конечно. — Я похлопала давнюю подругу по плечу. — Ты большая молодец. Сейчас он нуждается в тебе больше, чем в ком-либо. Надеюсь... Надеюсь, что скоро проблемы с погодой разрешатся. — Флора с благодарностью сжала мою ладонь.

— Прости меня, Теа. Прости, если я была сама не своя это время. Я ведь совсем не хотела выходить замуж. Не хотела... Мне не нравился этот высокомерный простак — сын Спрута. У родителей уже всё было решено, но моего согласия никто не спросил. Мы начали общаться. Я поняла, что ненавижу всё его естество! Мне претила одна мысль о встрече с ним, пока... Пока он не признался, что влюбился в меня. Да, я знала, что он недурён внешне, что он хорошо обращается с деревом. Но то, как он отнёсся ко мне... Всё его дурачество — это только маска, Теа! Я полюбила его. Люблю его больше всего на свете. Я забыла обо всём, такая я плохая подруга. Обо всём... Я просто не переживу, если его не станет, Алатея! Я не переживу! — Флора разрыдалась так громко, что мне пришлось прикрыть дверь и успокоить её объятиями. У меня больше не было никаких сомнений, что я ошиблась. Просчиталась. Она не могла быть настолько хорошей актрисой!

Мы уместились на один стул и сидели так в обнимку, пока Флора не перестала всхлипывать. Я гладила её волосы и представила, какой, должно быть, у них со Спрутом будет красивый ребёнок.

— Помнишь, Ти, когда мы играли в нимф озера и разыграли Скалу, Ника и его старшего брата?

— Когда мы кидали камушки в озеро из-за кустов и издавали страшные звуки, а они подумали, что это Водяной?

— Ага, да! Вот хохма была! — Я и представить не могла, что когда-то вот так смогу сидеть в обнимку со старой подругой и смеяться, вспоминая детство. Что-то пошло не так. Но где? — Теа, что у тебя такое в кармане, упирается мне прямо в бок!

«В кармане! У меня в кармане лекарство! Ну, и дура!».

— В кармане? Понятия не имею, — ответила я и достала сначала из ближнего к Флоре кармана бутылёк, а потом и из правого.

— Теа. Что это?

— Я не помню, Флора... Кажется, это что-то из-за границы. Может быть... Как мне вспомнить, Флора?

— Напрягись, Теа, давай! Ты сможешь! Если у тебя это с собой, это должно быть что-то очень важное! — Я состроила гримасу сосредоточенности, будто я выводила последние штрихи на необычайной красоты полотне.

— Это... это лекарство, Флора! Для Спрута и Мастера!

— Правда? Лекарство?! — От неожиданности Флора громко ахнула. — Стой, а мы можем ему доверять? Это не навредит?

— Я не думаю, что я бы могла взять с собой что-то опасное. Теперь надо вспомнить, кому какое...

— Я позову Велана! Нельзя, чтобы люди знали. Тебя тогда съедят с потрохами! — Взволнованно сказала Флора и поспешила за лекарем. «Нет, это определённо не она. Кто же тогда? Кто? У меня всего полтора дня на поиски...». Через несколько минут в комнату вошла подруга, а за ней и Велан, крепко заперший дверь.

— Ну, что там у тебя. Показывай!

Я достала из карманов бутылочки и положила их на небольшой деревянный постамент с травами. Велан откупорил прозрачные крышечки и понюхал содержимое каждого флакона.

— Хм... совершенно...ничем... не пахнут! Что ещё ты помнишь?

— Я помню, что по одной бутылочке на больного. А ещё вроде бы нужно делать компрессы... И всё. Больше я ничего не помню. — «Всегда ведь можно чуточку "припомнить"».

— Хм. Компрессы, значит? Судя по всему, это концентрат. Надо развести в тёплой воде, смочить чистые тряпки и в тепло часов на двенадцать. Но какая жидкость кому... Я всегда говорил: «В скверных ситуациях помогают старые хорошие советы». Если тебе сказали, какая жидкость для кого, то только доброжелатели. Вспомни, Алатея. Постарайся!

Ещё пара кривляний, и мне удалось «вспомнить», что Мастеру предназначена прозрачная жидкость, а Спруту — коричневая. Нам пришлось открыть дверь, чтобы выпустить в комнату тепло и развести внутри небольшой очаг. Но внутрь Велан никого не запускал. Около часа у нас ушло на приготовления, помогали и две не очень знакомые мне лекарки. Мы стирали и сушили бинты, очищали и грели воду, помогали переворачивать раненных. Скала принёс нам поесть овощную похлёбку с засушенным хлебом — это был единственный приём пищи за весь оставшийся день. Припасы поделили с учётом количества снеди, людей, их возраста и состояния. После обеда мы занялись непосредственным наложением множественных бинтов, а когда закончили, на поселение уже опустилась

непроглядная тьма.

Несколько часов мы с Флорой разговаривали, вспоминали прошлое — Велан хотел подождать, пока компрессы начнут действовать. Мы должны были следить, чтобы не стало хуже. Я прекрасно знала, что мне надо идти и искать преступника, но бросить подругу в беде было бы не очень красиво.

Когда детей принялись укладывать спать, а Велан подтвердил, что компрессы чудесным образом помогают больным, нам было велено принести как можно больше неиспользованных одеял, тряпок и шкур. После этого Флора ещё добрых десять минут благодарила меня, и только тогда с заверения одного из мужчин, что пурга улеглась, я отпросилась домой — взять оттуда тёплые вещи моей семьи и, возможно, какой-то провиант.

— Ты не можешь пойти одна, Скала тебя проводит! — Запротестовала уже сонная Брена.

— Брена, тут же совсем недалеко! Одежда уже просохла. Я разведу там очаг, посплю, а утром вернусь помогать. — Подруга ещё долго не хотела соглашаться со мной, но в тот день дар убеждения был на моей стороне.

Не оставляя надежду на улице работали отцы семейств — разгребали лопатами снег, собирали снесённые ветром ветки, сменяли друг друга на постах, охраняя животных. Я кивками поблагодарила их, как мы делали ранее. Как мы делали всегда.

Дорога до дома показалась мне сущим кошмаром: внизу под свежим слоем хрустящего снега земля уже успела покрыться льдом, и грубые валеные сапоги неимоверно по ней скользили. Один раз у самой библиотеки я грохнулась на землю, на левой ягодице остался приличный синяк. Отчего-то, сев на холодную площадь, мне захотелось забыть обо всём, я легла на спину и засмеялась, так засмеялась, что каменные фигуры перед входом, могли от моего смеха расколоться на куски. Хорошо, что рядом никого не было, подумали бы ещё, что я сошла с ума по возвращении. Мне было так хорошо и спокойно, почему бы не полежать здесь так до утра? Заснуть, предаться объятиям Морфея...

"Нет, Ти! Ти, вставай!" — словно кричал мне младший брат. «А что, если он на самом деле кричит? О, предки! За мной же следят по экранам! Какая же я идиотка!» — вовремя вспомнила я и резко встала. Отряхнувшись, я сразу пожалела о содеянном, теперь придётся снова сушить одежду, тратить дрова и, самое главное — время.

Пустынный двор испортил мне настроение своим заброшенным одиноким видом. На площади не осталось совершенно никакого напоминания о недавней ярмарке. Хотя в этом кошмарном снегу площадь и сама на себя была не похожа. Если бы я могла повернуть время вспять и остановить его на наших вечерних посиделках...

Зайдя в подъезд, я насторожилась ещё больше: воздух внутри был не на много теплее уличного. Неужели Тион сидел здесь так всё это время? В нашем жилище всё осталось неизменным.

— Тион! Тион? Ах, точно! Чужак! Чужак, ты где? Чужак? — Капитан Тион не откликался на мой зов. «А что если он замёрз насмерть? О, предки! Какое несчастье!» — Чужак?!

Я оббежала всю квартиру и даже открытую настежь соседскую: Тиона нигде не было. Может, он и вовсе не добрался до квартиры и упал навзничь в лесу, замёрз в каком-нибудь глубоком сугробе?

Нет, Алатея, прекрати представлять себе такие страшные вещи!

Я спустилась на первый этаж и привела себя в чувство плотком морозного ночного воздуха. Но воздух отчего-то оказался не таким, как я думала. Вспомнив, что я не проверила подвал, я со всех ног помчалась туда, где совсем недавно Тигра нашёл свою джентельменскую бабочку. Разделённые семьями на сектора полки с вещами были сдвинуты к одной стене, а в середине получившегося квадрата на детском складном стульчике сидел и дремал Капитан Тион. Рядом с ним горел еле тлеющий маленький костёр, и больше всего мне захотелось надавать Чужаку тумаков.

— Чужак! Чужак, проснись! — Я подлетела к нему и начала легонько бить по щекам. Сначала он совсем не отвечал, но скоро, обезумев, я дошла почти что до пощёчин, и это заставило его очнуться. После пробуждения он не понимал, где находится, часто заморгал, а когда привык к темноте подвала, то остановил мои удары, которые перешли уже на его грудь, взяв мои руки в свои.

— Я не сплю, всё хорошо, Теа, все хорошо! Видишь, я не сплю! — Я глядела не него в полумраке изъеденной плесенью комнаты и видела только два голубых огонька и немного светящуюся метку на голове.

— Какой же ты дурак! — Выкрикнула я, все ещё пытаюсь ударить его, хотя хватка

Чужака была несравнимо крепче.

— Признаю! Может быть, прошлой ночью глаз не сомкнул. Ничего же не помню. Ты не прекратишь меня бить?

Я остановила все движения руками сразу же после его просьбы, но моих рук он не отпускал. Я знала, что сейчас испорчу всю ситуацию, обязательно сделаю всё хуже... А ещё на нас сейчас, конечно же, смотрели все, кому нечем было заняться в Аламейке, как на низкосортный бразильский сериал. Но мне было наплевать, да и моей психике, видимо тоже. По замёрзшему лицу полились слёзы, самые настоящие предательские слёзы. При такой температуре они должны были превращаться в льдинки, как только скатывались с моего подбородка. Но так тепло, как в момент, когда Капитан Тион меня обнял, мне не было никогда.

Чужак крепко прижал меня к себе, и начал гладить по голове совершенно безмолвно. Слышен был только треск последнего гаснущего поленья в импровизированном костре. Какая бы глупая была смерть! Как он только мог? И вообще...как он развёл в подвале костёр?

Я не знаю, я не помню, сколько мы провели в таком положении, но когда моё лицо полностью высохло, я резко отстранилась, встала и осмотрела помещение.

— Мне... мне надо вещи посушить. Я немного извалялась в снегу.

— Ты упала? — Спросил Тион и вскочил с на удивление крепкого детского стульчика. Напротив него я увидела совершенно нормальных размеров походный стул и опешила.

— Ты мог сидеть на нормальном стуле, ты в своём уме? — Чужак хрипло засмеялся и почесал затылок.

— Да, дурака сваял, с кем не бывает. Не думал же, что ты заявишься ночью! Где ты так долго была?!

— Так это что... стул для меня? Мне тебя снова побить?!

— Если после твоего избиения последуют объятия, можешь бить — сколько угодно. — Капитан совсем не стеснялся таких слов, а вот меня от них сразу же бросало в жар.

— Очень смешно. Вижу, чувства юмора ты не отморозил. А вот руки у тебя просто кошмар! В подсобке у соседей есть немного поленьев — можем разжечь нормальный костёр. Только я не понимаю, как ты это сделал и вообще... Почему в подвале?

— Ну, во-первых, разжигать костёр в жилище — это как-то странно. Ещё спалил бы что. А во-вторых, если твои люди увидят огонь в окне, что будет?

— Отлично, логика у тебя тоже кипит! Тогда, надо будет занести сюда пару матрасов и одеяла. Хотя, я сомневаюсь, что поспать сегодня удастся. На, вон, надень. — Я протянула Тиону варежки. — Тебе нужнее. Отдашь, когда разогреем костёр. И да, ты так и не сказал. Как?

На лице капитана промелькнула типичная Примовская ухмылка. Выражение зазнаек и умников.

— У меня в кармане лежала вот такая зажигалка. — Тион успел натянуть только одну варежку, а другой достал простую на первый взгляд металлическую зажигалку с гравировкой. — На ней есть надпись — живой огонь. Греет, но не вредит. Поэтому я и решил рискнуть.

— Ты рискнул, даже если мог спалить моё жилище? — Очень надеюсь, что мои глаза сверкнули ярче, чем искра от этой самой зажигалки.

— Ругайся сколько хочешь, но я как будто знал, что всё работает. — Я пожалала плечами

и успокоилась. Памяти у него нет, а вот чутьё вполне могло остаться.

Первым делом я сняла мокрую верхнюю одежду и обувь и облачилась в старый овечий комплект, когда-то переданный мне в наследство от бабушки.

По дороге наверх и пока мы спускали матрацы, я то и дело чехвостила Чужака. От этого мне почему-то становилось легче. Да и не хотелось, чтобы он задавал какие-то неудобные вопросы. Хотя избежать этого мне всё же не удалось.

— Прыгнуть за мной в своей обычной одежде! Ну это надо же до такого додуматься! Наверняка, мама попросила тебя перед самыми воротами.

— О чём попросила? — недоумевал Чужак.

— Как о чём? Конечно же, сопровождать меня. Она утром такой концерт устроила твоему начальству... — Тион снова ухмыльнулся и вскинул брови вверх.

— Не думаю, что это твоя мама меня попросила. Я хоть ничего и не помню, но уверен, что решился на это сам.

— Не понимаю, зачем это тебе? — спросила я без задней мысли, заменяя один из стульев на матрац.

— Не забивай голову, ладно? Главное, что я здесь. Пока, что живой... — Неудачно пошутил Чужак и сразу же пожалел, вскинув ладони вверх, мол «сдаюсь».

Огонь из зажигалки Тиона совершенно не обжигал рук. Он и правда грел, но чудесным образом не перекидывался на ткань и вообще огнём был только с виду. После увиденного в Аламейке мне не пристало удивляться, и я восприняла это как должное. Мы развели неплохой костёр, сели на матрацы друг напротив друга и накрылись всем тем, что нашли в нашем жилище: соседи унесли из своего дома почти все полезные вещи. Я успела забрать свои записи из тайника под линолеумом, сложила их в пять, если не десять раз, и убрала в самую глубь кармана нижних брюк. Мокрую одежду я повесила на сушильную доску и приставила её к какой-то коробке рядом с огнём. Из кухни мы взяли с собой немного воды, подсушенный хлеб и сушёные яблоки. Больше, в общем-то, у нас и не было.

— Ешь. Я пообедала в поселении. — Сказала я и почувствовала себя на месте Брены — мамы-медведицы.

— Что ты узнала? Рассказывай.

— Я узнала то, что отбрасывает нас к началу. Ты ведь запомнил хоть кого-нибудь из поселения? — Чужак кивнул. — Так вот, я подозревала Флору, жену Спрута.

— Спрута, который пострадал во время рубки дерева? Ты думала, она своего мужа пыталась прикончить? — Моё предположение изрядно позабавило Чужака.

— Ну, да! А что? Знаешь, какие жёны бывают? На что только не идут? Книжек не читал?

— Ладно-ладно, чего завелась-то. И почему твоя теория провалилась?

— Она... Не могла она. Она его...

— Что? — Чужак даже перестал жевать, так ему хотелось услышать это капризное слово.

— Любит. Любит она его. Так изревелась, что ни одна актриса так сыграть не сможет. В общем, теперь у меня нет совершенно никаких предположений. Я не могу помочь своим людям. Надо было, чтобы вместо меня пошёл отец или Прим...

— Отставить самобичевание, Алатея! — Приказал Тион, а мне захотелось засмеяться. Наверное, так он разговаривает с подчинёнными, он же всё-таки капитан. — Если ты здесь и тебя выбрало, как ты говоришь, «моё начальство», то ты обязательно справишься с

поставленной задачей. Этот человек... ты упомянула командную работу. Что ты имела в виду?

— То место, откуда ты пришёл. У вас тоже есть предатель. Он работает заодно с нашим. Конечно, в одиночку никто не может спилить такое дерево. Вы можете нажать на кнопку, и — бац, дерева нет. Вы можете создать яд, который может свести с ума животное и заставить его напасть на хозяина. Вы можете вывести вид злобных насекомых, которые в секунды пожирают месяцы кропотливой работы. А у нас есть тот, кто незаметно может подбросить острую пилу, подлить собаке в еду яд или же развести колонию ненасытных тварей! Ох, как же я зла! Представляешь, что только значит, жить в одном поселении с таким существом?! Я даже человеком его не могу назвать...

— Значит, это может быть человек любого пола, возраста и рода деятельности? Всё хуже, чем я предполагал.

— Не помогаешь! А обещал помочь!

— Ладно, слушай. Кто всегда присутствовал при этих несчастьях?

— Не знаю... Мой отец, ха! Видишь, это глупая идея...

— Подумай хорошенько, кто ещё!

— Плуг старший, Ив старший, Тент, Скала, но он всегда только помогал...

— А кого не было? Кого не было рядом, когда всё это происходило?

— Прости, Чужак, мозговой штурм сегодня не для меня. Уже полночь. Давай поспим немного, а потом подумаем. Я знаю, что нам нужно найти преступника, но глаза сами закрываются.

— Конечно. Засыпай, я поддержу огонь в костре и ещё подумаю. — Я легла на бок, и, не смотря на то, что он болел от падения, продолжала лежать так, пока не заснула. Сквозь закрывающиеся веки я видела то пропадающее в пламени, то появляющееся вновь лицо Тиона. Оно внушало мне спокойствие.

— Алатея! Теа! Теа, ты где? Алатея Гал! — Доносились до меня крики откуда-то сверху. — Я села на матрасе, протёрла глаза и приложила палец к губам, запретив Чужаку что-либо говорить. По-видимому, он проснулся от криков Брены, так же как и я.

Я вскочила с матраца и побежала вверх по ступеням, чтобы не дай предки, Брена узнала, что в подвале я была не одна. Я встретила их со Скалой, спускающихся со второго этажа, полностью укутанных в обрезки мехов.

— Ты где была? Сдурела нас так пугать?! Времена нынче не шуточные!

— Простите, ребята, я спала внизу. Видимо так устала вчера, что ничего и не слышала.

— О, внизу устроилась? Покажи, может чего полезное найдётся? — Полюбопытствовал Скала.

— Эм, ничего! — Поспешила я остановить друга. — Ничего, кроме жуткого запаха плесени. Но там хотя бы костёр можно было разжечь. А всё полезное уже, наверное, соседи забрали. Только одеяла ещё есть.

— Костёр? В Подвале? Ну и чудная ты! Пошли на кухню. Мы тебе свежих лепёшек принесли. — Я была несказанно рада двум этим обстоятельствам: свежее испечённым лепешкам и возможности отвадить друзей от подвала. Я немного подогрела над свечным огарком воду и стала есть ещё тёплый хлеб. Брена и Скала тоже сели за стол.

— Я тебя вчера весь день не видела, подруга! По-видимому, Спруту и Мастеру помогло твоё лекарство! Им уже гораздо лучше. — «Какое облегчение» — подумала я. Хлеб показался мне вкуснее всех прижженных, съеденных в Аламейке.

— Какое лекарство, Брена? Теа сделала им лекарство? — Брена похлопала Скалу по спине и тихонько засмеялась.

— Скала, милый, ты что, живёшь в брезентовой глуши? Флора же вчера говорила, что Теа принесла лекарство.

— Не, не помню такого.

— Ты много чего не помнишь. Не сама же Теа нам сказала, верно? — Брена вела себя так, как и в любой другой день. Но что если...

Я быстро прожёвывала горячую лепёшку так, что кусок за куском она обжигала мне горло. Перед глазами предстал вопрошающий вчера Тион: «А кого не было на месте происшествий? Кого не было?».

— Слушай, Брена. Ты когда-нибудь слышала об Аламейке? — Прожевав последний кусочек и отставив выпечку в сторону, спросила я. Подруга сделала вид, что совсем не понимает, о чём я говорю, но её выдало не это.

— Нет. Не-а. В первый раз слышу. А ты Скала?

— Не знаю... Мы проходили это по ботанике, да? Вы же знаете, как у меня с учёбой.

Я встала из-за стола, чтобы налить себе ещё воды и посмотрела, куда подруга дела руки под столом. Она сжимала кулаки так сильно, что на руках проступили вены. Она врала.

— Я почему спрашиваю. Приснилось сегодня что-то. Вот и думаю, где услышала такое слово диковинное. Поспрашиваю ещё сегодня. У поселенцев.

— Я уверена, что это что-то из литературы. Жаль, Прима нет, он бы подсказал. — Не может быть! Я готова была провалиться сквозь кухонный пол. Голос Брены даже не дрожал.

— А ты рада, Брена? Что Спруту и Мастеру стало лучше?

— О чём ты? — Какое притворство! Казалось, она не собирается ломаться. — Конечно, рада. Мы все молились об их скорейшем выздоровлении.

— Ну, да, конечно. Так ты не будешь корить себя за то, что они бы умерли по твоей вине. Но, знаешь, смерть от холода, по-моему, тоже не особо приятная вещь. — Я обернулась, всё ещё с пустым стаканом в руке, и посмотрела в глаза той, кого долгие годы считала другом.

— Теа, с тобой всё в порядке? У тебя жар?

— Кончай прикидываться! Люди погибают! У меня старшие родители без дров остались, а для тебя это шутки?!

Брена ехидно улыбнулась, так, как делала это когда просила Скалу о чём-то и встала из-за стола. Она сняла маску быстро, прямо как актриса из Аламейка.

— Не думала я, Теа, что ты решишь встать у меня на пути. — Произнесла бывшая подруга. Каждое слово она выплёвывала с такой ненавистью, что у меня на глазах навернулись слёзы. — Всё шло так хорошо! Ты выбралась из поселения, скоро бы мы со Скалой к тебе присоединились и жили долго и счастливо! Чего тебе вздумалось всё портить?!

— Не верю. Скажи, скажи, что это не правда!

— Брена, о чём она толкует? В чём твоя вина? — Скала тоже больше не мог сидеть, и когда он вставал, то чуть не опрокинул стол. В этой шкуре друг точно был похож на большого медведя, и в другой раз бы меня это позабавило. Но не сейчас.

— Моя вина лишь в том, дорогой, что я умнее обычного поселенца. Я слишком рано догадалась, что за туманом сокрыто что-то необыкновенное. Я поняла, что не смогу провести свою жизнь в этом жалком месте! Мне обещали, что никто не умрёт! Так оно и

будет. Это просто испытание, вот и всё.

— Испытание? Брена, очнись! Тебя используют! Тот, с кем ты в сговоре, задумал истребить всё наше поселение! Ты понимаешь, что я говорю? Понимаешь? Возможно, этот человек и поможет тебе выбраться, но какой ценой? Ценой жизни твоих родителей? Соседей? Друзей?

— Нет. Нет. Ты не права! Ты ошибаешься! Он бы так не сделал!

— Кто? Кто бы так не сделал? С кем ты заодно? — Спросила я, не ожидая, что Брена так быстро расколется.

— Ты... ты его знаешь. Это один из Чужаков.

— Что?! — Я с такой силой сжала стакан, что он раскололся надвое прямо у меня в руке. Может, он был уже старым. А может, это из-за перепада температур. Но мне казалось, что во всём виновата моя ярость.

— Кто это? — В дверях появился Тион. Наверняка, он стоял чуть поодаль всё это время и слушал наш разговор. — Кто это, Брена? С кем ты в сговоре?

Брена покчала головой, будто была глубоко оскорблена.

— С тобой, дорогуша. Ты снова ничего не помнишь?

— Нет. Нет. Нет. — Лепетала я сквозь разъедающие глаза слёзы. — Ты врешь! Ты врешь! — Закричала я.

— Стала бы я лгать, после того, что ты меня раскрыла? Мой дорогой Капитан Тион. Он обещал мне хорошую жизнь в одной из галактик. Мне и Скале. Потом он пообещал приехать за мной собственноручно, забрать меня... Но кто же знал, что он приедет с отшибленной памятью! Это всё и испортило. Приехал конвой и вместо меня забрали тебя! И мы с Тионом уже не могли придумать ничего, кроме несчастного случая. Зачистки. Выживут самые стойкие. Ну, и, конечно, мы со Скалой, ведь у нас иммунитет от холода. Как это называется? Сыворотка, регулирующая температуру тела? Точно.

Злость кипела внутри меня, желала вырваться наружу и отомстить всем тем, кто надо мной насмеялся. Мне хотелось кричать, крушить всё на кухне и больше никогда не жить в смирении. На улице стоял адский холод, а внутри меня бурлило пламя, сжигая всё, то светлое и невинное, что осталось в детстве — до того, как я попала в Аламейк. Неужели я совсем не знала ту, с которой делила мечты?

— Я не понимаю, Брена! Из-за тебя все беды? Как это возможно? — Скала до последнего отказывался верить в услышанное.

— Удалось сложить два плюс два, милый? Ты ведь и сам мне немного помог, забыл?

— Не приплетай сюда Скалу! — Взвизгнула я. — Даже если он и помогал тебе, то без злого умысла! Он бы ни за что не причинил вреда ближнему! Предки, какая же я дура! Ты хотела выбраться из поселения? Скатертью дорога! Убирайся! Убирайтесь! Оба! — Я кричала вне себя от бешенства, слёзы застилали глаза, и я даже была рада не видеть идиотскую ухмылку предательницы.

Скала подвинулся ко мне и обнял за плечи.

— Ти, ты чего. Не реви, нам нужен твой рассудок. Я окончательно запугался. Брена сошла с ума? — С надеждой в голосе спросил друг.

— Прости, Скала. Если и так... то ей теперь руководит лишь злоба и ненависть. Нам нужно отвести обоих к границе. Пусть уходят.

— Неужели...ты всё это время меня только использовала? — Скала был готов заплакать.

— Дорогой, ты же прекрасно знаешь, чтолюбишь меня. Ты не мог мне отказать. Я... тоже тебя люблю. Правда не так как ты меня, скорее...как брата. Как свою опору. Я делала это ради нас всех, ради нас с тобой...

— Чушь! Я догадывался! Ты слишком странно вела себя последнее время, я должен был понять, что это не к добру. Да как ты могла?! — Скала догадывался. Эта фраза уколола даже больнее, чем признание Брены. Он догадывался, а я нет. Я вообще не заметила перемен в подруге. Я просто думала, что она влюбилась. Может и так, но...ей нет прощения.

Мне даже стало страшно, что Скала не совладает с собой и влепит Брене пощёчину. А может, ему и стоило это сделать.

— Я не сделала ничего плохого. Что плохого в том, если ради нашего блага пострадает пара людей? Людей, которых мы никогда больше не увидим! Мы сможем изменить целый мир, а не какое-то поселение с кучей идиотов! — На секунду голос Брены дрогнул, но она быстро вернула себе ту самую бойкость из-за которой все слушали её с упоением. Как и я. Она владела сразу несколькими дарами — даром притворства и убеждения. — Мы с Тионом обо всём договорились.

— Теа, ты же не веришь её словам? Я бы ни за что так с тобой не поступил! С твоим народом... — Голос Чужака звучал искренне и очень убедительно, но Брена не знала, что он был здесь, в моём жилище. Она не могла солгать.

— Почему? Почему я не должна ей верить? Она во всём созналась. Поэтому ты пошёл за мной, да? Ты хотел помешать мне вычислить преступника, но память снова тебя подвела! Помни ты всё, ты бы... ты бы убил меня этой ночью?! — От гнева меня трясло, а голос дрожал. Мне хотелось, чтобы всё это было такой же неправдой, как море за окном призрачной комнаты.

— Теа! — Чужак подошёл ближе, но замешкался. Скала закрыл меня собой. — Я бы никогда не причинил тебе вреда! Я бы... — Он опустил голову и пальцами сжал виски. В тусклом свете, проникающем сквозь зашторенное кухонное окно, его метка усилила голубое свечение. «В случае злоупотребления положением или использования его для причинения вреда людям, метка в праве уничтожить её носителя...» — послышался в голове голос Капитана Тиона. «Моя семья погибла в том пожаре, мне удалось спасти только маленькую племянницу». «Я помог обезвредить преступника — так я стал Капитаном». — Почему, почему только я не могу ничего вспомнить?!

Чему мне верить? Он мог солгать обо всём — о метке, о продажном Хранителе, о пожаре.

Кому мне верить? Ведь моя лучшая подруга оказалась врагом, тогда Чужак может оказаться кем угодно.

Довериться своему внутреннему голосу? Он, как назло, молчит. Я ничего не слышу. Хотела бы я ничего и не видеть.

— Мне кажется, что я обычно не причиняю боли женщинам. Но тебя за человека я не считаю! — С пренебрежением кинул Чужак и схватил Брену за руки, почти так же, как и вчера меня. Девушка брыкалась и царапалась, пока он не закинул её себе на плечо и не понёс прочь из кухни. Одна из шкур сползла на пол, другая — по типу пончо, перевернулась и застелила ей весь обзор.

— Отпусти! Отпусти меня, Тион, что ты делаешь?! Это же я, Брена! Вспомни! — Кричала бывшая подруга, брыкаясь руками и ногами. Меня бросило в жар от одной мысли, что поселенцы увидят эту картину. Они могут всё понять неправильно, хотя и я не уверена,

что что-либо понимала. Когда Тион скрылся за дверным проёмом, Скала отстранился от меня и побежал за ним. Мне не оставалось ничего другого, как последовать за другом.

На первом этаже он окликнул Чужака, и я забеспокоилась ещё больше. Конечно, Скала будет защищать Брену во что бы то ни стало. Я надеялась, что объяснить поведение Чужака можно хотя бы тем, что Чужак и Капитан Тион — две разные личности. Я очень хотела, чтобы он помог мне — отнёс Брену в Аламейк. А я бы осталась здесь со скорбящим Скалой, с замерзающими людьми.

Но сюрпризы всё не кончались.

— Чужак, стой. Я сам понесу. — Коротко промолвил друг и забрал Брену у всё ещё разгорячённого парня. — Теа, ты знаешь, где именно проходит та граница?

На улице стоял настоящий буран: снег вихрем взмывал ввысь, преграждая дорогу, замораживая сам воздух, мешая разглядеть хоть что-то на десять сантиметров впереди себя. Но Скала знал лес, как свои пять пальцев.

— Недалеко... — Сказала я тихо охрипшим от плача голосом, но из-за завывающего ветра даже сама не услышала своих слов. — Недалеко от хижины Велана! — Изо всех сил крикнула я.

Бедный Скала... Он

Несмотря на ведьминскую пургу, Скала всё равно шёл быстрее нас. Я не видела даже силуэта Чужака, маяком для меня были широкие ступни Скалы, оставляющие следы на снегу. Через несколько минут ходьбы я перестала чувствовать руки, а через ещё несколько — мои ноги почти отказали двигаться. Я выбежала из дома в том же, в чём и легла спать вчера. Высушенная тёплая одежда так и осталась висеть в подвале.

К сожалению, мы не смогли пройти мимо дома сестёр Мороуз — через бывшие поля проходила самая быстрая дорога к лесу. В другую погоду можно было бы пойти длинной, но скрытной дорогой. У нас такой возможности не было.

Я подняла голову — у входа в дом стоял мужчина. Он что-то громко кричал, но его слова полностью съедал шум снежного вихря. Мужчина не побоялся подбежать к нам.

— Скала! Куда ты тащишь Брену?! Скала!

— Куда надо — туда и тащу. Иди по своим делам!

— Алатея, ты же раздета! Стой, Скала! Стой, сказал!

Поля находились в худшем состоянии, нежели площадь — там сугробы доходили мне почти по пояс. В этот момент я пожалела, что не воспользовалась сывороткой. Странно было, что Чужак ей тоже не воспользовался. Я повернула голову назад — он шёл за мной, стремясь сровняться. Пара секунд, и он достал из карманов своей куртки варежки и натянул мне на руки, гораздо быстрее, чем это бы сделала я.

— Иди. — Бросил он, и я пошла дальше, не обращая внимания на сотню зевак, устроившихся перед окнами. Я не знала, чем помогут мне эти нелепые варежки, ведь я была насквозь мокрая, и им тоже была уготована такая участь, но что-то в этом жесте придало мне сил. Да, я не хотела верить в то, что Чужак — враг, как и не хотела осознавать, что Брена — самый настоящий губитель жизней.

«Ещё подумают, что мы шпионы» — припомнилась мне ехидная фраза девушки.

Давай, Алатея, тебе не хватает энергии! Почерпни её из злости, давай же!

Когда мы почти достигли лесных угодий, я подумала, что мне нужно попроситься с родителями. В заледеневшем мозгу появлялись лица мамы и папы, Тигры, даже обидевшегося Прима. «Помощница, если ты слышишь. Передай всем, что я их очень люблю.

Я не хотела, чтобы так получилось. Тигра, помни. Ты можешь стать, кем хочешь».

Возможно, мне стало мерещиться, но буран в лесу потихоньку стихал. Из-за перепадов высоты почвы, сугробов здесь было меньше, чем на поле, и нового снега на одежду я не подцепила. Когда мы прошли Веланову хижину, я с облегчением вздохнула, но из горла вырвалось только страшное сиплое кряхтение.

— Куда? — Крикнул Скала, и мне показалось, что и его голос я слышу чётче. Чужак подтолкнул меня со спины и ответил вместо меня.

— Теперь направо. Ид...иди направо к широкой дорожке. Там справа будут два густа, в кон. конце дороги пелена тумана. — Голос Чужака страшно дрожал, но я была рада, что он помнит, где мы вышли. Я бы не смогла промолвить и звука.

Буйная Брена не переставала колотить Скалу руками по спине, и это меня позабавило: для него такие тумачи, всё равно, что удары игрушечного молоточка. Ноги меня уже совсем не слушались, коже стало даже жарко от адского пламени льда. Я надеялась, что Чужак заберёт Брену, а Скале удастся отнести меня в дом. И всё бы закончилось. Этот ужас бы закончился навсегда. Остался бы только ночным кошмаром, мучающим меня до самой смерти.

До самой смерти.

А что, если вот она? Смерть во льду?

— Это здесь?

— Да. — Выкрикнул Чужак и остановился. Я тоже остановилась, на автомате. Единственное, что я хотела, это чтобы этот кошмар быстрее кончился.

— Что теперь? Ау! Люди! Я принёс гадюку!

— Да как ты смеешь! — Не унималась Брена. Ей, видимо, было теплее и удобнее всего.

— Поставь...Поставь её на землю. Мы войдём вместе. Если так будет нужно — я отвечу за содеянное. — Я обернулась и в последний раз посмотрела Чужаку в лицо. Метель успокоилась, ко мне вернулось зрение, и я постаралась запомнить его лицо. Две голубые льдинки, затерянные во льдах. Ровная кожа, крепкий подбородок, прямой нос, неуверенная улыбка с поджатыми бледными губами.

— С-спасибо. — Прошептала я в последний раз и вжалась всем телом в утопающий под моим весом хрустящий снег. Я падала вниз на метры, на километры, в настоящую бесконечность, проваливаясь, тонула в ледяной безмятежной глади. Снег заполнил всю меня, сквозь ноздри, рот и уши он проник внутрь, став всем моим естеством, став мной, а я, в свою очередь, снегом. Он дарил мне тепло, обжигал, облобызал каждый волосок на моей голове, каждую ресничку, покрыл коркой льда мою несчастную старую одежду, навсегда, похоронив меня под трагичной землёй моего настрадавшегося поселения. Моя хроника, то, во что я постаралась вложить частичку своей души, превратилась в тончайший ледяной пергамент с размытыми очертаниями былых букв.

Все мои внутренние органы превратились в айсберги, кровь застыла и больше не курсировала по венам. Сердце, бившееся раньше без остановки почти восемнадцать лет, с траурным видом испустило свой последний вздох. Один лишь только мозг не поддавался чарам владычицы льдов, он позволял мне думать, вспоминать лица тех, кого я оставила в мире живых, дышащих, тёплых.

Но и он вскоре навсегда застыл. Вместе со всеми воспоминаниями: со счастливыми моментами, с невероятными пейзажами, ароматами вкусной еды, звуками самодельных музыкальных инструментов и обещаниями, данными самой себе давно и недавно.

Тишина. Она звучит так мелодично, так по-чародейски. Я остаюсь упокоенной под толщей льда вечно служить покою и безмятежности.

— Алатея! Ти! Теа!

Наверное, мой мозг ещё не до конца отключился. С чего я вдруг слышу голоса из прошлого? Какая глупая злая шутка!

— Ти, вставай! Вставай же, давай!

Кто-то просит меня встать? Но разве я могу? Здесь так уютно, в этой благой необыкновенной пустоши... Я везде и нигде. Кто я? У меня было имя? У меня была жизнь?

— Теа, открой глаза! Ну же! Алатея!

Это меня зовут? Меня раньше звали Алатея? Какое причудливое имя. Интересно, что оно означает. Стойте. Где же лёд? Я что-то слышу. Я слышу голоса. И чем-то пахнет... Это запах трав и жжёных поленьев...

Владычица льда отступила. Она отпустила меня. Точнее, с презрением изгнала из своих владений. Я летела обратно — вверх, к поверхности земли, к теплу и жизни, туда, где меня ждали. Снег трусливо отступал, бросил меня, оставил на произвол судьбы. Он обжёг меня на прощание, чтобы растаять и превратиться в талую воду, в лужу давних слёз. Я восстала из заморозившего цветы моей юности зла, воскресла из некогда счастливой земли моего родственного народа. Моя хроника сбросила ледяной панцирь и стала воспоминанием — мокрой насквозь тряпочкой, но свободной от злой магии.

Все мои внутренние органы оттаяли, айсберги разбились в дребезги, выплёскивая наружу горячую кровь, словно гончую, стремящуюся гонять по венам. Сердце, почувствовавшее зарождение новой жизни забило с силой бегущей от хищника добычи, давшей ответный бой. В мозгу, от которого также отступили чары владычицы льдов, снова появились духи воспоминаний: грустных моментов, неистового смеха, задушевных ночных разговоров и отчаянных прыжков со стогов сена.

Шум. Он мешает, раздражает, побуждает к действию. Я забываю о покое, мне хочется ответить, хочется, чтобы эта какофония прекратилась, остановила свои попытки разрушить мой ледяной покой и гипнотизирующую безмятежность.

Я чувствую резкий запах, доселе мне неизвестный. Запах химии, запах лекарств, запах страха.

Я делаю свой первый вздох, первый вздох новой жизни. Тёплый, почти горячий воздух вливается внутрь через ноздри, наполняет меня живительной силой чужеродного, мистического мира. Одновременно с этим я начинаю чётко слышать голоса и звуки вокруг, не как раньше, словно зажеванную ленту старой магнитофонной кассеты, а так, будто я стала эпицентром звука, главным слушателем радиоволны.

Тяжёлые, налитые свинцом веки не желают подниматься, не повинуются мне так, как я повиновалась когда-то льду. Мне следовало бы поучиться у них сопротивляемости, но я уже давно потеряла сноровку, если она когда-то у меня и была. В этом *местевне времени* чувствую себя обмякшей плотью, ничего из себя не представляющей размокшей от суточного дождя газетной вырезкой с несколькими уже нечитабельными буквами... Т — Е — А.

— Теа, вставай! Очнись же, дочка!

Я ощущаю покалывание в чём-то, что когда-то было моими конечностями. Чувствительность по ихоньку возвращается к кончикам пальцев. Кто-то крепко сжимает мои бесчувственные ладони, кто-то...

Я вдыхаю новый энигматический воздух полной грудью, в ту же секунду открываю глаза и судорожно кашляю, не имея никакой возможности остановиться. Глаза не различают совершенно ничего, кроме ослепляющих белых полос.

— Держи, выпей! — Слышится страшно знакомый голос, и я различаю во всём этом свете какой-то тёмный объект.

— Что... что... — Только и получается вымолвить у меня сквозь приступ кашля. Вдруг это яд? Или какое-то неизвестное мне лекарство, с сотней побочных эффектов? — Это обычная вода, пей же!

Я большими глотками опустошаю стакан, первый раз прикасаясь к предмету этого мира. Он немного шершавый на ощупь, но очень лёгкий. Какая-то порода дерева? Странно, ведь я и сама была деревом, совсем недавно, или давно...

Белые полосы сменяются размытыми очертаниями, я лежу на какой-то мягкой подстилке на полу... Кашель отступает, но сразу же на меня накидывается новая неожиданность.

— Теа, ты меня так напугала! Ты такая глупая! Глупая! У-у-у-жас! — Выл мне прямо в ухо всхлипывающий детский голос, а его обладатель двумя руками обвил мою шею, не давая пошевелиться. Руки всё ещё меня не слушались, и ответить на объятия я не могла. Что-то тёплое и мокрое коснулось моей левой ладони, словно влажная кисть художника, словно папина щётка для бритья...

— Ти... Тигра. Прости.

— Никогда тебя не прощу! Слышишь? — Плакал брат не ослабляя хватки.

— Давай же, Тигра, пойдём. Сестре надо отдохнуть.

— Но...я ей не всё рассказал!

Я сильно потёрла оттаявшими ладонями, словно запотевшие глаза, и через какое-то время уже могла разглядеть лица, усевшихся рядом со мной людей. Растрёпанная кудрявая шевелюра отца казалась была путаннее, чем когда-либо. Мамины глаза на осунувшемся лице с острыми скулами опухли от непрекращающихся слёз. Лицо не так давно знакомой мне Марии, как обычно, совершенно ничего не выражало, а лицо стоящего чуть поодаль Капитана Тиона...

— Что?! Что он тут делает?! — Попыталась закричать я, но из горла вырвалась лишь сиплая пародия на крик. Я резко попятилась назад, сминая под собой тонкий матрас странного вида.

— Дочка, успокойся. Всё в порядке! — Успокаивали меня загипнотизированные родители.

— Ти, всё хорошо! Ты в безопасности! — Наклонился надо мной всё такой же здоровый и воодушевлённый Скала.

— Что ты тут делаешь?! Что я тут делаю?! Что ОН тут делает? Вам нужно бежать, он — преступник!

В ушах зазвенело, и я уже было подумала, что в этом устроенном моим воспалённым сознанием театральном представлении открылась оркестровая яма.

— Ну, я же говорил, что нужно ей всё рассказать! — Где-то вдалеке не унимался младший брат.

— Скала, помогите поднять Алатею. Нужно усадить её на диван в одной из комнат лазарета. Следуйте за мной.

Всё ещё слыша разрывающие барабанные перепонки трели скрипок, я со спокойной душой обвила руками шею Скалы и позволила отнести меня куда бы то ни было. По дороге я осмотрела помещение — без сомнения мы были в Аламейке, только «лазарет» выглядел травяным лабиринтом, если меня не обдуривало зрение — на стенах здесь росла самая настоящая трава. Скала завернул в одну из комнат — просторное помещение с несколькими белыми диванами, белыми столами и полками-нишами в травяных стенах. Друг опустил меня на самый ближний диван, а Мария что-то старательно печатала на панели-клавиатуре в одной из ниш. Моментально свет в палате стал менее ярким, что пришлось моим уставшим глазам очень по вкусу. Я осмотрела себя и с удивлением поняла, что вся одежда на мне высохла, а следов переохлаждения, если оно и было совершенно точно не было.

— Держи. — Мария протянула мне большую кружку в виде перевернутой пирамиды.

— Лунный напиток?

— Поможет восстановить силы. Чего вы там стоите? Проходите и объясните всё бедняжке Алатее. Мы как минимум обязаны ей этим. — Обратилась женщина в белом халате к небольшой толпе, образовавшейся у дверной арки.

Скала уже присел на ближний к моему диван, рядом с ним сели отец, Прим и Нелла, которых я раньше не заметила. В дверном проёме всё также стоял Чужак. А, нет. Капитан Алактион. Ко мне присоединилась мама, а на пол рядом с моими уставшими ногами уселся Тигра в обнимку со своим новым другом — Собачкой.

— Можно я, можно я расскажу, мам, можно?

— Конечно, сынок, ведь это полностью твоя заслуга. Если что, мы поможем. Начинай.

— Не полностью. Мне помогла Собачка. Слушай внимательно, Теа, это очень важный рассказ о том, как мы вычислили преступника.

Я отставила кружку и недоумевающим взглядом осмотрела присутствующих.

— Теа! Пей чай и не перебивай! — Скомандовал брат, и мне не оставалось ничего другого, как повиноваться. Хотя рассмеяться от его тона хотелось больше.

Теплота расплылась по всему телу, вкусовые рецепторы словно ожили вместе со мной, но я искренне не могла представить, что же приключилось в Аламейке, пока меня здесь не было. Тигриус Гал с самым серьёзным выражением лица чесал лабрадору за ухом и принялся вести свой рассказ так, как до этого раза не рассказывал ни один старожил поселения — с артистизмом, с богатым словарным запасом, с положенной в основу правдой.

Что случилось в Аламейке

Рассказ Тигриуса Гала

После ухода Алатеи в поселение, обстановка в Аламейке, до этого будучи совсем не радостной, ухудшилась в несколько раз. Все — от лаборантов до Хранителей, от мелких сошек до крупных собак чувствовали напряжение, были по-настоящему напуганы. Температура в поселении продолжала падать, а напасть на след предателя не представилось возможным, так как умелый преступник, не оставляя после себя никаких улик. Одна надежда была на ужасного поселенца, который, в порыве гнева мог выдать

подельника. Но для этого ещё нужно было заставить Флору Ив признаться в содеянном.

Положение ухудшал и использованный зачинщиком бед голосовой фильтр, который не давал Наблюдателям услышать и пятнадцати процентов сказанного жителями поселения. Поначалу в их необъятных размеров операционную комнату с диковинным оборудованием разрешили войти самому младшему человеческому члену семьи Гал, но вскоре, устав от постоянного озвучивания происходящего, его отправили составлять подробную карту Аламейка. Наблюдателям нужно было сосредоточиться на работе, а надрывать животы от хохота не входило в их ежедневные обязанности.

Приступив к созданию карты бесконечного здания, Тигриус Гал, вооружившись самым настоящим ментальным пергаментом и многофункциональной кистью, очень скоро охладел к этой затее. После зарисованных пяти этажей с комнатами-цветниками у него пропало малейшее желание быть картографом.

Он обратился к одному из работников оранжереи с просьбой выполнить их с лабрадором по кличке Собачка давнюю мечту — показать, как устроена железная повозка. Не совсем поняв желание мальчика, садовник номер 568 обратился в вышестоящую инстанцию, точнее в наивысшую инстанцию, до которой ему было позволено обратиться: к Марии.

— Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду под «железной повозкой», Тигра. — Ответила женщина в белоснежной накидке с воротником стойкой и жемчужными пуговицами.

— В одной такой повозке мы приехали сюда, а ещё несколько приехали за нами, а десятки таких повозок стояли в вашей серой комнате ещё вчера. — Ответил умный не по годам мальчик.

— Ты имеешь в виду машины! Грузовики, если точнее? Пойдём же, я попрошу кого-нибудь рассказать тебе всё о машинах.

— Только можно мне наш грузовик? — Не унимался умный не по годам мальчик.

— «Наш»? — Переспросила Мария.

— Да. Тот, на котором мы ехали. Мы были в кузове, а я хочу посидеть прямо там, на месте водителя. Будет круто, да, Собачка? А потом мы пойдём посмотрим на Тею. Или даже поедем. — Мария отчего-то вскинула брови вверх, закатила глаза, будто ей резко стало нехорошо, и поспешила отвезти мальчика в «ангар».

На этот раз грузовики находились совсем на другом этаже, и было их здесь ещё больше, чем видел Тигриус в первый раз. Зелёные, белые, жёлтые, с кузовами и без, мальчик даже задумывался, что это вовсе не грузовики, а обычные повозки! Мария теряла терпение — ни Тигриуса, ни Собачку не устраивали эти жалкие подобия машин. Всё, что им было нужно — серая неприметная махина с пыльным кузовом. Как раз такую увидел Тигра в самом конце необъятных размеров ангара, когда пунцовое лицо Марии стало великолепно контрастировать с перламутровыми пуговицами.

— Манрод! Слава Богу! Забери парня, покажи ему, как устроен грузовик. У меня уже сил нет. Ему нужен именно твой грузовик, веришь или нет. — Уже знакомый мальчику Манрод с неизменной причёской как раз высасывал пыль из кузова каким-то небольшим трубчатым агрегатом. — Я, кажется, предлагала воспользоваться функцией автоматической очистки. К чему эта пещерная деятельность?

— Мне нравится по-старинке. Аутентично. — Бросил красивое слово Манрод и убедил

Марию, что всё будет в порядке. Через полминуты её и след простыл, а водитель ласково попросил хозяина Собачки подождать, пока тот не приберётся в машине. Тигриусу стало немного грустно оттого, что такую громадину надо чистить и мыть, и он мысленно пожурил Манрода за то, что тот отказался воспользоваться функцией автоматической очистки.

Собачке, однако, необычайно понравилась смена обстановки. Щенок лабрадора прыгал, скакал и игрался вокруг любимого автомобиля хозяина, лаял на немного шумящий трубчатый агрегат и даже позволил молодому человеку с хвостиком погладить ему живот. Его всячески интересовали различные тряпочки и жидкости в чудаковатых бутылках, а ещё...

— Так, сынок, давай перейдём к делу, тряпочки сейчас не настолько важны.

— Прости, мам. Увлёкся...

Прождав так вот уже пятнадцать минут и не находя никакой забавы в том, что так сильно грело душу Собачке, Тигра попросил у виртуального помощника стул и стакан сока. Но новоиспечённый друг так и не дал мальчику насладиться напитком — он пытался запрыгнуть на чистившего обивку водительского сидения Манрода, пока из заднего кармана его чёрных штанов не показалась контрастирующая, как пунцовое лицо Марии со всем вокруг, яркая алая лента.

Собачка вытащил ленту из кармана штанов и стал носиться с ней, как бешеный, пытаясь точить об этот некогда прекрасный кусок ткани свои зубы. Тигриус Гал поспешил спасти ленту от неминуемой гибели, но его опередил коварный Манрод, жестоко пнувший Собачку прямо в живот, по которому он ещё совсем недавно его гладил.

Тигриус сообразил, что спасать нужно не ленту, а своего друга и, подбежав, вырвал ленту из пасти острозубого малыша, точнее то, что от неё осталось.

— Держите. — Мальчик протянул красную ткань насупившемуся Манроду. — Извините, обычно он так не делает. — Агрессивный молодой человек снова засунул «ленту» в карман штанов и молча продолжил чистку машины.

— Знаете... — Начал рассуждать вслух умный не по годам мальчик. — Точно такую же ленту носит моя подруга Брена. Точнее подруга моей сестры, но мы все состоим в клубе БАТС. Этот клуб только для избранных. Где-то есть такая фабрика, где делают такие...

Я облила себя чуть тёплым лунным напитком и отдала причудливую кружку-пирамиду матери. Наконец-то кусочки паззла собрались в более или менее отчётливую картинку. БИНГО, Алатея. Ты выиграла приз. Ты чуть было не совершила чудовищную ошибку, не возможное отвратительное положение вещей спас твой младший брат. И собака из его фантазий.

Я встала с дивана на уже окрепших ногах, зашагала взад-вперёд около стены, продолжая почти судорожно мотать головой и дико, почти зверски хохотать.

— О, Предки! Ха-ха! Собака! Ха-ха! Какой кошмар! Манрод! Манрод предатель! Ха-ха!

— Мария... Мария, с ней всё в порядке? — Спросила обеспокоенная мама.

— Полагаю, что да. Так Алатея справляется с шоком.

Я резко уселась на пол рядом с братом и его собакой, прижала их обоих к себе, не переставая устрашающе смеяться.

— Молодцы! Просто красавцы! Собака! Чудесная, волшебная, лучшая на свете с-о-б-а-к-

а! — Глаза вновь застилают слёзы — на этот раз не от досады, я обнимаю и глажу обоих — Тигру, Собачку — без разбора.

— Ти, перестань, мне щекотно! Я ещё не дорассказал историю! Ты обещала не перебивать! — Надулся младший брат. Я перестаю докучать им обоим и сажусь под диван, обхватив колени руками.

— Давай, продолжай.

— Наверное. — Ответил Манрод. — В галактиках куча таких Фабрик.

Остаток дня для обитателей Аламейка прошёл в том же напряжении, однако для Тигриуса Гала лучшего дня нельзя было представить. Он всё ещё немного побаивался Манрода с хвостиком, но тот разрешил ему посидеть на месте водителя, показал, за что отвечают какие провода и даже прокатил парнишку по ангару. Почти перед сном мальчик зашел в Наблюдательную, пожелал работающей не покладая рук сестре «спокойной ночи», подождал, пока она не доберётся до их жилища и отправился спать в свою комнату.

Когда отец попросил сына рассказать ему о дне, проведённом в Аламейке, тот без утайки выдал ему всё, начиная с Наблюдательной комнаты и рисовании карт, заканчивая устройством грузовика и красной лентой в кармане водителя.

— Что? Он пнул Собачку?

— Ага. Своим огромным дурацким ботинком!

— Не выражайся, Тигра. Но я понимаю твою злость, никому нельзя прощать подобного отношения к животным.

— А всё из-за этой алой ленты, представляешь?

— Какой ленты? — Без особого внимания, уставившись на пламя, завораживающе полыхающее в камине, спросил обременённый думами отец.

— Такой, как у Брены в волосах, помнишь?

— Ты что-то напутал, сынок. Зачем Манроду такая лента?

— А вот и не напутал! Правда-правда видел. Собачка её чуть не съел. Манрод сказал, что в галактиках много таких фабрик, на которых эти ленты делают. Может он свой хвостик ею завязывает?

— Может быть, сынок. Может быть.

Вскоре после этого разговора, обессиленный от тяжёлого трудового дня, Тигриус погрузился в крепкий сон. Его разбудил разгорячённый отец, забрав прямо из личного самолёта. Пока мальчик просыпался, отец нёс его по многочисленным коридорам, пока наконец, не усадил прямо в спальном костюме на мягкое кресло. На сонного Тигриуса глядели десятки пар глаз, вопрошая: «В чём же дело?».

— Давай же, расскажи про ленту.

— Про какую ленту?

— Про алую, сын. Про алую ленту.

— А-а-а. — Потянувшись на кресле, протянул мальчик. — Про алую ленту? Ну, Собачка игралась, вытащила из кармана Манрода такую ленточку, начала её грызть. А он её как бум — пнул своим сапожищем. Я сразу на помощь, достаю слюнявую ткань и ему отдаю. Говорю «У моей подруги из БАМС-а такая же лента, У Брены». А он ничего не ответил. А сказал, что много фабрик делают такие ленты. Вот.

Вперёд выступил Капитан Сийт и поблагодарил сначала мальчика, потом его отца.

— Найти. Найти и привести в досудебные покои. Живо!

Но Манрод не хотел так просто сдаваться. Рассказчика уже не было непосредственно

при его поимке, но из первых уст он услышал, как гнусного типа задержали при попытке побега из Аламейка. Рассказчик также не видел всей погони, он видел только кульминацию — высокий парень с высоты спускающейся лифтовой платформы выстрелил из совершенно обычного лука совершенно обычной стрелой с тупым наконечником, пропитанным снотворным раствором, прямо беглецу в шею. Тот упал посередине этажа с тропическими птицами, у него смешно подкосились ноги. И он громко захрапел.

Совершенно точно Манрода и его подельницу из поселения ожидает ответ перед Всемирным судом. Те, кто выживают после этого суда, либо лишаются рассудка, либо навсегда получают разум ребёнка и отправляются пожизненно в тюрьму Орея. Там им дают несложную работёнку — перепечатать учебник или отправляют на какое-нибудь производство, чтобы до конца своих дней они дарили галактикам только пользу и ничего кроме пользы.

— А ты всё это проспала, Теа! Ну, последнюю часть. Во время первой ты сама была немножко занята. Как думаешь, нас пустят на суд?

— Ну что ты, Тигра. На Всемирный суд не пускают никого. Нельзя просто пойти и посмотреть. Это настоящее таинство. — Ответила Мария.

— Ну, и ладно. Мне ещё нужно записаться в школу Хранителей. Или как там она называется. Тебе тоже, да, Теа?

Отец подошёл к Тигре, сел на корточки и тихонько попросил его о помощи «где-то на XXX этаже». Все поблагодарили мальчика за более чем исчерпывающий рассказ и даже похлопали ему, а я всё также сидела на полу, поджав колени к груди, но уже с опущенной вниз головой. Так стыдно мне не было никогда.

— Доченька. Ты в порядке? — Мама присоединилась ко мне.

— Нет, мам. Я не в порядке. — В комнате остались только мы, Скала и Прим. — Ты не в порядке. Прим не в порядке. Скала уж тем более не в порядке! Ты можешь представить? Что... я даже имени её произнести не могу! Что с поселением? Что с ними?

— Температура медленно повышается. Так, чтобы поселение не затопило. Людям уже лучше.

Я с облегчением выдохнула.

— А что я вообще здесь делаю? Как я здесь оказалась?

— Тебя принёс Капитан Тион. Ты почти...

— Да. Мне казалось, что я ... умерла.

— Не говори таких страшных слов, дочка! Ты — живая. Благодаря ему. И что это значит, что ты здесь делаешь? Ты что... — Мама поднялась с пола и отошла на столько, чтобы можно было видеть меня полностью — скрюченное, жалкое, отвратительное подобие человека. — Ты не планировала возвращаться?

— Нет, мам. — Ответила я, смотря куда-то в колышущуюся траву на стене. — Я решила, что всё это не для меня. Быть Хранителем. Узнавать что-то новое. Тигра — станет отличным Хранителем! Вы с папой ещё совсем не старые, вы будете отличными... Скала! Скала, друг! Как ты? Ты что-нибудь осознал? — Спрашивала я всё ещё глядя на траву.

— Теа, посмотри на меня. — Друг сел, скрестив ноги напротив меня. — Посмотри же. Так-то лучше. Мы все были полными дураками. Если ты думаешь, что совершила большую ошибку, то ещё раз, пожалуйста, посмотри на меня. Я — олух! Воплощение всех олухов мира! Нет, галактик! Или как там они называются. Брена обводила меня вокруг пальца всё это время! Она даже подарила знак моей преданности какому-то ... Тьфу! Ироду! Да. Мы ошибались. И мы будем ошибаться. Много раз. Но мы смогли противостоять злу! Вместе! Я, может, и не очень большого ума, но я могу отличить добро и зло. А это, как мне сказали, самое важное для Хранителя. Меня кратко ввели в суть дела. Я пока ничего не знаю о пространстве и времени, но обязательно научусь. Думаю, родители простят меня, ведь я собираюсь служить благой цели. Давай оставим всё, что было в поселении — там. Наши люди теперь в полной безопасности. Ты видела их в самые худшие времена: их сплочённость, их вера помогла им пережить страшные события. А мы поможем пережить их другим людям. Ну, что скажешь? Ты согласна?

Я смотрела на Скалу и не могла узнать того мальчика, что в детстве помогал мне

собирать яблоки. Его светлые волосы, даже шрам на щеке, казались мне теперь воплощением благородства и мудрости. «Я горжусь тобой, Скала» — подумала я. «Совсем необязательно быть умным, если внутри тебя умещается большое сердце и тяга к справедливости». Только мне вот не достаёт ни того, ни другого, ни третьего.

— Прости. Простите. Простите меня. Я. Я не могу. Я не достойна. Я — глупая неотёсанная девица! Вам надо было оставить меня в поселении.

— Эх! — Обескуражив меня и присутствующих, засмеялся Скала. — Чужак бы ни за что тебя там не оставил! Как-то он так сказал заумно...А... «Лучше я здесь останусь, но ей умереть не позволю». А потом такой финт выкрутил с луком, покруче того раза на балконе! Это надо было видеть. А может, и увидишь, тут же везде слежка!

Скала не переставал смеяться, Прим сказал что-то очень ободряющее, потому что был рад, что ряды Хранителей пополнились, но у меня из головы не выходила фраза Тиона, если он и правда, так сказал.

Так или иначе, мне нужно было извиниться перед ним, даже если я собиралась уйти. Я вскочила и побежала буквально, куда глаза глядят. Я совершенно не знала этого этажа, я не знала, где искать Тиона или куда бы он пошёл...

«Если я его увижу, — подумала я — то извинюсь. Если нет — то уйду просто так».

Я обернулась и увидела в дверной арке людей, которых любила по-настоящему, горячо и крепко, настолько, чтобы уйти, не испортив им жизнь. Я подбежала к маме и поцеловала её в щёку, крепко обняв на прощание. Я обняла Скалу, словно ту самую яблоню, которую мы так любили. Я обняла Прима и вместе с тем — все знания, полученные благодаря ему.

Я бежала, не оглядываясь сквозь зелень этого чудного этажа, проводя по мягким стенам ладонями, по-детски радуясь, что я снова могу чувствовать. Настоящий лабиринт — этот безумный травяной этаж, он не заканчивался, мешал сосредоточиться, раздражал. Я боялась наткнуться здесь на Минотавра, ведь было бы полнейшей глупостью — умереть так, спасшись от чар Ледяной Владычицы.

Наконец, вдаль показалась лифтовая плита. Я догадывалась, что она работает так же, как и комната — стоит тебе подумать о том месте, куда ты хочешь попасть, и ты окажешься там. Сначала я подумала о Чужаке, представила его лицо, окружённое понурым небом и грубыми белыми горами, так сильно оно мне запомнилось в тот почти предсмертный момент. Но, отогнав его образ прочь, я стала думать о серой комнате с плёнкой: я надеялась, что кто-нибудь там откроет проход, разрешит мне вернуться домой.

Неуместный вопрос маячил в голове всё время спуска: «Где теперь мой дом?».

Я парила между этажами неприлично долгое время, казалось, плита нарочно пытается запутать меня, сбить с толку, поменять место назначения... Но все её попытки были тщетными — я, наконец, достигла этой обители неуюта, врат в мой родной дом.

«Где теперь твой дом, Алатея?».

Я медленно двинулась в сторону врат, по которым, как и прежде, нельзя было судить открыты они или нет. Сначала я попробую пройти так, а если не получится, позову кого-нибудь.

— Я думал, что ты можешь прийти сюда. — Послышался сзади голос, который я одновременно жаждала и не желала услышать. — Тебе помочь? — Я обернулась. Капитан Тион стоял, скрестив руки на груди, облокотившись на панель управления, слившуюся с серой стеной.

Я сглотнула. Давай же, ты хотела извиниться. Помнишь? Почему сейчас молчишь?

— Попрошались со всеми? Тигра, наверняка, будет скучать больше всех. Но, в Аламейке ему могут сделать новую сестру. Здесь же всё возможно, ты знаешь. Так что, он о тебе и не вспомнит. — Тион говорил совершенно серьёзно, при этом, совсем не пытаюсь меня обидеть. Он говорил то, что я не хотела услышать. — Да и твоим друзьям будет легче, зная, что ты в безопасности, что ты счастлива. Хранители ведь могут десятилетиями жить в разных точках планет и не видятся друг с другом, представляешь, какое давление? А эта вечная жизнь, хуже ничего и придумать не могли. Поверь мне, мне почти триста, хоть и двадцать пять.

— Перестань. — К горлу снова подкатывали слёзы. Я давила в себе их так, как давила чувства: разум обязан взять верх! — Перестань. Не говори так.

— Я знаю, что тяжело слушать правду. Но я — тоже Хранитель. Я не могу лгать. А ты? Если ты солжешь, Алатея, то ты и, правда, не хранитель. Докажи. Солги мне! — Тион поменялся в лице: он не был зол, но каждый мускул на его лице дрожал.

— Перестань! Зачем? Зачем тебе надо было меня спасти? Я не заслуживаю спасения!

— Давай, Алатея! Солги!

— Здесь нет для меня места! Я не хотела покинуть поселение! Как я могу быть Хранителем? Я даже не могу перед тобой извиниться! Ты должен меня ненавидеть! Я думала, что ты — чудовище! Несмотря на...

— Не говори чепухи! Я бы и сам заподозрил тебя на твоём месте. Всё сходилось. Твоя находчивая подруга — настоящий паразит. Приспосабливается к любым условиям.

— Зачем ты меня выгораживаешь? Я уже поняла, что ты благородный! Открой ворота, пожалуйста.

Чужак подошёл ближе, на меня, облачённые в голубой саван скорби, смотрели его завораживающие глаза.

— Оставайся. Остайся, Ти. Для тебя там ничего нет, ты же знаешь. Остайся.

Я скорчила, наверное, самую жалкую и глупую мину на свете. От его слов мне стало спокойно, а что если и правда...

«— Папа, а что такое дом?»

— Надо же. Ты умеешь задавать вопросы, Теечка?

— Не называй меня так, пап. Скажи.

— Дом — это здание со стенами и крышей.

— О. — Маленькая Алатея ходит по заднему двору босиком и безуспешно пытается поймать курицу. — А курятник, это дом для куриц?

— Получается, что так.

— А где наш дом?

— Теа, ты чего. Вот же он, видишь? Где мы живём.

— То есть дом, где ты живёшь? Это — дом?

— Получается, что так.

— Папа, не путай ребёнка! — На двор заходит мама с двумя стаканами морса и протягивает по одному уставшему от расколки дров Галу и не менее уставшей от гонок за курицей пятилетней дочери. — Все знают, что дом — там, где семья.

— О. Спасибо, мама. Значит дом у нас сейчас здесь? Во дворе?

— Если тебе так угодно. Можем устроить здесь палаточный лагерь! Будет — настоящий дом на свежем воздухе!

— Ах, мама Гал, ах, фантазёрка! — Отвечает молодой отец, осушив стакан одним

глотком. — Кому, как ни мне сооружать этот лагерь? И так дел куча!

— Поймала! Поймала! — Кричит радостная девочка, обнимая курицу, и относит её в курятник. — Будь дома, курочка. Там, где семья».

— Тион, скажи. Что такое дом?

— Дом? — Парень тушует, не понимая вопроса.

— Нет... не так. Скажи, где он. Где он, дом?

— Дом... там где ты, где твоя семья, друзья, близкие. Так, наверное. А что? Что такое? — Испуганный Тион посмотрел на меня так, будто я открыла ему секрет существования человечества.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Хорошо. Только обещай мне. Обещай, что сможешь стать Хранителем. Праведным. Настоящим. Обещаешь? — Слова дребезжали, отбиваясь от серых стен, как капли дождя по козырьку окна. — Чужак прижал меня к себе сильнее, чем когда-либо, словно не верил, что я и правда согласилась остаться, боялся, что я навсегда уйду. Я и сама не верила, что согласилась.

— Обещаю. Обещаю, Алатея Гал. Ты станешь самым настоящим Хранителем.

В досудебных покоях светло и чисто, приятно пахло печёными яблоками. Это же не камера пыток, в конце концов. Брена всегда любила печёные яблоки. Прошла уже неделя с момента моего возвращения в Аламейк, и я решилась посетить бывшую подругу. В просторной комнате она совсем одна. Её длинные чёрные волосы обрезают, и они стали даже короче моих. Но это не сделало её некрасивой, наоборот. Правильно говорят: «Подлецу всё к лицу». Она сидела на кресле, укутавшись в плед, и что-то активно рисовала на пергаменте. Кроме кресла в комнате только кровать и стол. С виду нельзя было сказать, что это — тюремная камера, только прозрачная стена напряжения отдавала рябью, если посмотреть на неё под определённым углом.

— Я всё гадала, когда ты придёшь. Негоже так друзей оставлять, в тюремных камерах.

— Пф. Едва ли это тюрьма.

— Но я рада, что ты пришла. О чём поболтаем?

— Я думала, тебе есть, что мне сказать.

— Ну... И да, и нет. — Ответила Брена, не отвлекаясь от рисования. — Как у Скаль дела?

— Правда? Не спросишь, как дела у Манрода?

— Вот ещё. Он сам себе могилу вырыл. Я ему доверилась, понимаешь? Думала, что он — настоящий! А он оказался...

— Простым прихвостнем старого Капитана. Кто знал, что тот оставит после себя очень убедительные заметки. Манрод всё-таки был не настоящим Хранителем, он не проходил испытаний. Ему просто повезло выжить.

— Именно. Так что, кто тут ещё жертва! Подумай, Ти. Ещё можно всё исправить! — Брена оставила, наконец, пергамент и, уронив плед на пол, подошла вплотную к разделяющей нас стене.

— Ты не должна бояться суда. Говорят, что процедура не опасна для тех, кто поистине не имел злого умысла. Если всё так, как ты говоришь, ты получишь настоящую работу в Аламейке. Всё, как ты и хотела.

— Может я тогда его имела, а сейчас нет. Помоги, Ти. Чего тебе стоит?

— Мне? Поставить под угрозу родных? Опять? Нет уж, спасибо. Я вижу, что поступила правильно. Прости, Брена. Мне тебя жаль. — Я обернулась и поспешила к выходу. В этот раз слёзы меня послушались, я была опустошена, но с лёгкостью это скрыла. У самой двери, не смотря на бывшую подругу, я бросила последнюю фразу и навсегда ушла.

— Мне нравится твоя причёска.

Если вы думаете, что быть Хранителем задача из лёгких, то ошибаетесь. Годы учёбы, практики, тренировок — и вот ты готов, наконец, попытаться счастья в симуляторе. И то под надзором сотни Наблюдателей. Очень стрессовое занятие. Но оно того стоит.

Там, где я живу сейчас почти всегда пасмурно. Небо часто похоже на белый, слегка сероватый помятый бумажный лист. Всё немного бледное и какое-то обесцвеченное. Это даёт мне времени и сил отдохнуть от палящего солнца и сезона дождей, когда тот льёт, не переставая, почти месяц!

Мы переезжаем каждые десять-двадцать земных лет, как раз столько нужно, чтобы поколения немного сменились. Люди запоминают тебя, начинают замечать, что спустя годы ты продолжаешь выглядеть молодо... Да и потом, как раз за это время у нас получается восстановить баланс в расшатанной бесовщиной локации. А это стоит титанических усилий.

С родными мы видимся часто, раз в год или два. Поверьте, это довольно часто для человека, который видел падение Трои и продажу первого портативного телепорта. Под «родными» я имею в виду родителей, Тигру, Скалу и Прима. Нам нравится собираться в самых людных местах планеты и обсуждать достижения каждого. Их удачно ещё на распределении в школе удалось разделить по отраслям. Прим помогает учёным, докторам, изобретателям. Иногда кому-то просто нужен толчок в нужном направлении, и Прим тут как тут. Скала вызвался помогать немощным, больным, работягам, а иногда и спортсменам, свернувшим с пути. Если вы вдруг услышите историю соседской бабушки о добром парне, который прополоснул ей весь участок и при этом помирил с внуками, будьте уверены, что это был Скала. А если какой-то бедняга перестал пить и начал работать с новой силой, Скала просто поговорил с ним по душам. Вы знаете, он это умеет.

Родители в своём вечном амплуа счастливой семейной пары помогают семьям в тяжёлом положении, и если только они ещё не добрались до ваших друзей, то это, к сожалению, потому что Хранителей на всех не хватает. Они являются только в самых запущенных случаях, когда злу не суждено состояться и его можно прикончить в зародыше.

Если вы увидите в городе Тигру — высокого молодого человека с необычайной шевелюрой, притягательными зелёными глазами и вечным спутником сквозь века — лабрадором без поводка, пожелайте ему хорошего дня. Он, скорее всего, угостит вас чашечкой кофе или поможет добрым советом. Тигра помогает тем, кто нуждается в немедленной помощи. Мне кажется, это продолжение Тигры «верителя», который стал настоящим фаталистом. Он искренне верит, что помогает тем, кто нуждается в его помощи именно в это время и в этом месте. «На то мы и Хранители пространства и времени». В его словах есть доля здравого смысла, и, если честно, до сих пор, он здорово со всем справляется.

Что касается Брены, она с честью прошла процедуру Всемирного суда и отделалась полной потерей памяти. Её даже не посадили в тюрьму, всё равно, что наказать младенца. Она стала отличным Наблюдателем самых дальних поселений галактик, у неё всегда получалось следить за остальными. Манрод же, не выдержал и погиб под натиском праведности. Для него, как для преступника, не проводилось никаких обрядов.

Мы используем свои имена только в разговорах друг с другом. Сколько же имён и национальностей мы поменяли за все эти времена! А как важно не попасться на чьём-

нибудь фото через века! Хорошо было во времена портретов. Нас рисовали сотни раз — и везде мы выходили по-разному.

Примите к сведению мой совет — хорошо учитесь в школе! В это трудно поверить, но в жизни на Земле мне пригодились все знания, полученные мной в поселении. Во времена Средневековья нам с Тионом очень помогли навыки стрельбы из лука, долгое время я выдавала себя за мальчика-подростка, помогая... Сейчас не об этом. Мне даже пригодились навыки растениеводства, а несколько раз я принимала роды у коров и свиней... Зрелище жуткое, но приходилось вписываться в коллектив.

Алатея и Алактион... Забавно, да? Раньше мы совсем не обращали внимания на схожесть наших имён. А со временем стали почти одним целым. Почему почти? Мне всё равно никогда не стать Капитаном! Он, хоть, и отказался от своего высокого чина и снизошёл до простых Хранителей, всё равно является гордым носителем знака Орея. Его, правда, удалось уменьшить и скрыть под копной светлых волос, но всё же. Я-то знаю, что метка там.

Моя история, к счастью, не закончится ещё очень долго. Мы будем Хранителями Земли до тех пор, пока она сама — третья планета от Солнца — будет стоять. Возможно, когда-нибудь я расскажу вам пару-тройку забавных случаев из жизни Хранителей, а может, и нет. Ведь у нас ещё столько дел! Хотелось бы, чтобы они были расписаны на сто лет вперёд, но увы. Уже сегодня всё может поменяться, ещё завтра может зародиться зло. Но пока на Земле есть такие люди как вы, нам же нечего бояться, верно?

Больше книг на сайте - Knigoed.net